

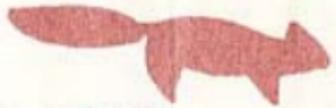
63.4
Ч. Д. 45

Н. Н. ДИКОВ

ДРЕВНИЕ
КОСТРЫ
КАМЧАТКИ
И ЧУКОТКИ

МАГАДАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

кр. 63.4
2165

Н. Н. ДИКОВ

**ДРЕВНИЕ
КОСТРЫ
КАМЧАТКИ
И ЧУКОТКИ**

**15 тысяч лет
истории**

Магаданское
книжное
издательство

1969

МАГАДАНСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА 1

62.093

От автора

Как это ни парадоксально, но в умеренные и более южные широты Америки человек попал впервые, пожалуй, тогда, когда доступ туда был затруднен так называемым Канадским ледниковым щитом. Конечно, вынужденные переходы через наиболее узкие участки ледяной пустыни в сопоставлении с маршрутами XX века через льды Гренландии и Антарктиды были не очень велики. Но первобытные люди не имели тогда специального транспорта, не было у них ни собачьих упряжек, ни лыж, и они с суеверным страхом избегали это огромное Неведомое, эту ледяную страну Голода, где не было ни животных, ни птиц. Но зимой страшное ледяное чудовище сливалось с заснеженной тундрой и коварно заманивало людей. Попадались обычно охотники, увлеченные погоней за оленями и бизонами. Но иногда, сбившись с пути во время пурги, туда попадали большие группы людей вместе с женщинами и детьми. И никто не знал судьбу тех, кто не вернулся. Только теперь удастся обнаружить потомков «пропавших без вести». Теперь это коренное население Северной и Южной Америки.

О том, как «извлекала из замерзших пластов земли» историю азиатских предков этих и других племен археологическая экспедиция, об исследованиях на Чукотке и Камчатке рассказывает автор этой книги.

В 1961 году в Магадане был создан Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук СССР со специальной археолого-историко-этнографической лабораторией в его составе. С тех пор археологическими разведками и раскопками охватывается не только Чукотка, но и Камчатка. Исследования на всей огромной территории расселения северо-восточных палеоазиатов: чукчей, коряков и ительменов — приняли всеобъемлющий характер.

Первые же годы работы на Камчатке привели к интересным и значительным открытиям: была обнаружена древнейшая на Северо-Востоке СССР палеолитическая культура, а также памятники более позднего времени. Причем все они, как говорят археологи, прекрасно стратифицированы, то есть четко разделены по слоям и могут служить отныне эталоном для изучения всех древностей Северо-Востока и, в частности, Чукотки.

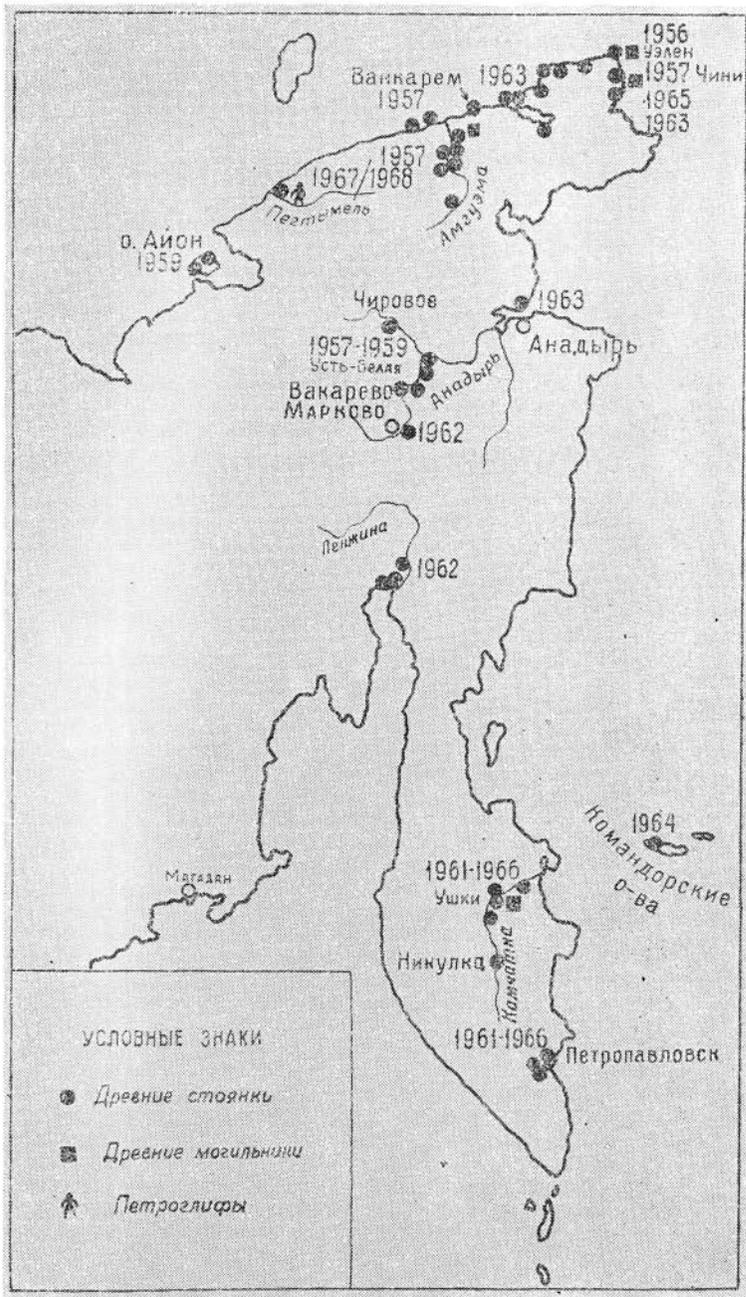
В этой книге рассказывается о том, как и где проводились поиски и раскопки древних стоянок, могильников, мастерских и других памятников древней истории Чукотки и Камчатки.

Автор публикует часть своих первых дневниковых записей. Они позволят читателю представить, в каких условиях проходили первые разведывательные экспедиции Чукотского музея, директором которого автор был с 1955 до 1960 года.

Каждый год археологические исследования экспедиции охватывали тогда две совершенно различные в культурно-историческом отношении области Чукотки: внутриконтинентальную тундру с ее охотничье-рыболовецким, а затем кочевым оленеводческим населением и морское побережье, где издавна жили оседло сначала рыболовы, а затем охотники на морского зверя. Внутриконтинентальные культуры оказались в целом более древними, чем прибрежные. Поэтому, исходя из необходимости соблюдения исторической последовательности, автор считает уместным ознакомить читателя в первой части книги с работой экспедиции во внутриконтинентальных районах Чукотки, в третьей части — с исследованиями на морском побережье, где изучались более поздние культуры, возникшие на основе культур континентальных. В остальных разделах книги читатель найдет сведения о раскопках на Камчатке и самых последних исследованиях на Чукотке, в частности, о великолепных чукотских и камчатских петроглифах.

Успех многих чукотских и камчатских экспедиций обеспечен энтузиазмом и самоотверженной работой всех их сотрудников. Всем, и прежде всего верным и неизменным моим спутникам и помощникам — художнику И. И. Гурину и Т. М. Диковой, приношу свою благодарность.

Основные
пункты
раскопок,
произведе-
нных
автором

Пролог

Не день
вчерашний
ищем —
потеряны
эпохи.

С. Лившиц.

Великое оледенение. Крайний Северо-Восток Азии. Очертания его берегов незнакомы. Берингова пролива нет. Широкая, более чем в тысячу километров полоса приполярной суши, так называемая Берингия (теперь это дно Берингова и Чукотского морей), соединяет Азию и Америку. Мощные ледники надвинулись с гор в долины. В свободных ото льдов промелюжках раскинулись тундры. Замерзшие зеленовато-синие речки, и всюду множество озер — следы отступления ледника. Земля серая и безжизненная, как будто в истлевшем саване, проступает сквозь белое покрывало снега. Морозное небо холодно-розовой полосой застыло над синью горизонта. Стада рыжих косматых мамонтов, шерстистых носорогов, овцебыков, бизонов и северных оленей возвращаются в глубь страны от морского берега, где они все лето спасались от комаров и оводов. За животными двинулись и люди. Огни их становищ золотой цепочкой мерцают за снежной далью. Морозом веет из мглы этих тысячелетий. Это прошлое — объект и вместе с тем плод исторических исследований. Но мало фактов, только случайные крохи.

1954 год. В руках физика горстка угля. Еще в 1933 году сотрудники музея в Лос-Анжелесе извлекли эти угольки из древнего кострища, раскопанного ими в долине реки Веги (штат Невада) вместе с грубоокатанными и разбитыми костями мамонтов, верблюдов и других вымерших животных. После радиоуглеродного анализа угли сказали: костер был зажжен человеком более 23 800 лет назад. В последние годы в Америке были обнаружены и более древние следы людей — сорокатысячелетней давности.

Антропологи утверждают, что коренное население Америки могло в основной своей массе прийти когда-то только из Азии. Самый удобный путь из Азии в Америку проходил через Северо-Восточную Сибирь и Берингию. Следовательно, заселение Чукотки и Камчатки произошло раньше, чем Америки. Но когда?

...Далеким предкам нынешнего населения, выходящим из Северо-Восточной Азии ценой невероятных усилий удалось обойти или даже пересечь ледяную пустыню — канадский ледниковый щит — и выйти в заледниковую южную страну с благодатным теплым климатом. Эти первые землепроходцы Америки расселились вплоть до Огненной Земли, выработали свою оригинальную культуру (в частности, охотники к востоку от Скалистых гор изобрели для копий единственные в своем роде, до сих пор нигде в Старом Свете неизвестные, каменные наконечники фолсомского типа, с желобками с двух плоских сторон, как у японского штыка). Никто из них не вернулся через ледник обратно на север.

Канадский ледниковый щит сыграл в истории американского континента роль своеобразного клапана: в Америку на юг впускал, на север не выпускал. И до тех пор, пока не кончился ледниковый период, первобытные охотники Аляски и Северо-Восточной Сибири ничего не знали о заледниковых американских племенах.

Наконец, 10 тысяч лет назад льды освободили долины и плоскогорья Чукотки, Камчатки, Северной Америки и Берингии. Берингия медленно погружалась в воду. Океанские волны захлестывали ее огромные пространства. Два океана — Ледовитый и Тихий — соединились, образовав Берингов пролив. Это объясняется не только движением земной коры, но и поднятием уровня мирового океана вследствие стайвания колоссальных ледниковых толщ. На другой стороне планеты могла бы оказаться под водой в это время, возможно, и знаменитая Атлантида (если только она существовала когда-нибудь на самом деле). Через некоторое время после отступления ледника, примерно с V тысячелетия до н. э. наступило заметное потепление. Вымерли мамонты и другие животные ледниковой эпохи.

Неведомые нам племена заселяли в то время Чукотку и Камчатку. Их историю предстояло «извлечь из замерзших пластов земли» нашей археологической экспедиции.

ПО СЛЕДАМ ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ЧУКОТКИ

К древним становищам по Анадырю

(Из дневника 1957 года)

9 июня.

Весна пришла в Анадырь потоком солнечного света, ослепительным блистанием снега, тихими, теплыми вечерами. Снег на реке Казачке стаял, вода хлынула поверх льда. Завтра начало экспедиции. А сегодня, пока еще не поздно, я решил испытать новую резиновую лодку.

Вот позади последние дома Анадыря. Я плыву вверх по Казачке, среди льдин. Сквозь холодные бурлящие струи зеленеет ледяное дно реки. Как радостно, свежо и просторно вокруг! По еще заснеженным склонам сбегают ручьи. Озаренные закатным солнцем пламенно-алые легкие облака кажутся фантастичными. Пылающее огненными красками небо отражается в реке, которая течет медленно и широко. С криками пролетают утки, и тихо, совсем тихо плывут льдины. Поселок отсюда выглядит необычно красивым.

Я бросаю весла и отдаюсь очарованию этой картины.

Уж не в этом ли смысл жизни — отражать в своем сознании природу, ее красоту, мыслить, познавать и переделывать ее, творить еще более прекрасное, вдохновляясь тем, что ты человек?

Удивительное это явление — мыслящий человек. Изумительны и величественны его достижения.

Что будет в дальнейшем, если уже сейчас творческая человеческая деятельность, преобразующая мир, охватывает просторы космоса и проникает в невидимый микромир?

Когда я выбирал себе профессию, все эти вопросы об удивительной человеческой сущности, о смысле жизни волновали меня. Мне казалось, что именно археология, изучение человеческого прошлого поможет мне разобраться в них. Мне казалось тогда, а теперь я в этом просто убежден, что археология больше, чем какая-либо другая наука, способна

проникнуть в глубь веков и объяснить «чудо» нашего бытия. Эта наука при глубоком философском подходе к ней способна утолить жажду к подобного рода познанию. Советские археологи, преодолев прежний вещеведческий подход, с помощью диалектического метода добились уже очень многого для выяснения процесса происхождения человека и некоторых закономерностей его развития. Но история неисчерпаема. Благодаря исследованиям археологов одна за другой возникли в нашем воображении забытые цивилизации и те первобытные культуры, которые им предшествовали. Однако есть еще на земле целые народы, не знающие своего прошлого даже в общих чертах. Вот хотя бы здесь, на Чукотке...

Примерно так рассуждая, плыл я по Казачке. Мне пришлось проталкиваться между льдинами, перетаскивать лодку по берегу, переходить вброд ручьи. Возвратился я в Анадырь только под утро.

16 июня.

На другой день три собачьих упряжки мчали нас через лиман. Экспедиция состояла из пяти человек: меня, молодого лаборанта Владимира Ковехова и трех каюров — Сидора Гавриловича Соболева, Михаила Ивановича Никулина и Григория Журавлева.

Каюры опытные и смелые. С ними мы благополучно проскочили несколько промоин и достигли северного берега лимана у так называемого Седьмого причала. Дальше будем продвигаться на автомашине, на самолете. Не теряя времени, производим археологическую разведку, и она оказывается удачной: на вершине скалистого мыса на глубине 0,5 метра находим древний культурный слой — с угольками, черепками, расколотыми костями, отщепами и маленьким каменным грузилом. Это довольно поздний памятник, к нему можно вернуться потом.

Добираемся до Марково. Улицы поселка затоплены. По ним скользят юркие каюки, солидные карбасы, трескучие моторки и даже важные речные лимузины. Тут и наша резиновая лодка пригодилась. Давно уже в Марково не было такого наводнения.

Вокруг Марково много исторических мест. Десятью километрами выше по реке первооткрыватель Чукотки землепроходец Семен Дежнев поставил в 1649 году свое неукрепленное зимовье; на этом же месте Курбатом Ивановым в 1659 году был построен русский острог — Анадырский, ликвидированный в середине XVIII века. Река полностью смыла остатки острога. В 1956 году мне самому довелось осматривать это место, которое старожилы села Марково и сейчас называют «острогом». Оно находится на правой стороне острова. Берег здесь, высотой около 4 метров, густо порос кустарником. Береговой обрыв хорошо обнажен. Но признаков культурного слоя по этому обнажению не видно, хотя прежде марковчане собирали здесь различные предметы. Зато хорошо сохранился другой исторический памятник — деревянный крест,

поставленный в память о майоре Павлуцком на Майоровской сопке (к югу от Марково). Ниже по течению Анадыря, в 40 километрах от Марково, уцелели развалины так называемой крепости — укрепленной ярмарки, основанной в конце XVIII века купцом Воробьевым. Она просуществовала до 1844 года, и остатки ее еще не вполне разрушены рекой. Возле крепости есть старое кладбище, из которого река ежегодно вымывает по несколько гробов с замерзшими мертвецами.

Село Марково со времени его основания в 1784 году и до 1889 года, то есть до образования Анадырской округи с центром Ново-Мариинском (ныне г. Анадырь), было административным центром Чукотки. Здесь была единственная тогда на Чукотке школа, и марковчане до сих пор гордятся ее первым учителем, своим земляком, чуванским ученым-самоучкой Афанасием Ермиловичем Дьячковым, автором опубликованной в 1898 году интересной книги «Описание Анадырского края».

18 июня.

В воскресенье в 9 часов 30 минут вечера речным караваном отправились в село Ваеги, чтобы оттуда спуститься с разведкой в резиновой лодке вниз по Майну до Мамонтова обрыва.

Р и с. 1. Нарты мчат нас через лиман.

Рис. 2. Наводнение в Марково.

Рис. 3. Крест на Майоровской сопке.

Идем на самоходной барже вместе с якутскими лошадьми, которых привезли для геологической экспедиции на самолете.

Расстояние от Марково до Ваег «еще не измерено», как сказал мне известный по Анадырю мичман Сосюра. Некоторые говорят, что триста с лишним километров. Едем уже вторые сутки. Вода в Майне поднялась очень высоко: пристать некуда, все под водой, торчат только верхушки кустов. Но вскоре обозначилась береговая линия.

Примерно в три часа дня прошли мимо Двенадцати Братьев — отвесных обрывов из красного песка и глины. Река делала в этом месте крутой поворот, и нас изрядно покачало на перекате. В 11 часов вечера прошли Первую Сыпучую гору, тоже в виде крутых суглинистых «щек» — обрывов. На противоположной, левой стороне реки берег низкий. Переплыли реку два диких оленя и скрылись в кустах.

Дальше по левому берегу — 15-метровые голые террасы серого суглинки, все с обнажениями, удобные для древних стойбищ. По правому берегу — лесистые холмы.

Вторую Сыпучую гору видел рано утром. На барже все спали. Было очень тихо. С правой стороны надвигалась мрачная круча глинистого обрыва, вся в кровавых отсветах восходящего солнца. И вдруг гнетущее мертвое безмолвие прервалось. С кручи сорвались подтаявшие глыбы песка и глины и с шумом упали в воду. Потом опять настороженная тишина и неподвижная гладь зеркального плеса под бесконечно длинным жутким обрывом... Только к 6 часам вечера добрались мы до Ваег.

Этот поселок расположен в лесу. Заметно благоустраивается. Есть большая школа, больница, строится клуб, много новых стандартных домиков.

27 июня.

В Ваегах пробыли только один вечер. Тепло простившись со словоохотливым стариком Максимовским, который был проводником Н. А. Граве в 1954 году, мы стали спускаться вниз по Майну, пройдя 70 километров с 10 утра до 11 часов вечера.

Исследованный еще Н. А. Граве Мамонтов обрыв оказался в двух-трех километрах ниже Второй Сыпучей горы, по левому берегу. Осмотр его напластований убедил меня в том, что он не содержит следов человеческой деятельности. В мерзлоте обнажения нашли бедренную кость мамонта, в осыпи — его берцовую кость. Взяли образец торфа и кусок бивня.

На следующий день мы с караваном Кондранина вернулись в Марково.

2 июля.

От Марково вниз по Анадырю, собственно, и начинаются наши увлекательные поиски. Наша задача — найти как можно больше следов древних обитателей Анадырской долины. А мне нужно разгадать секрет, с помощью которого можно безошибочно находить эти следы на непривычных для меня берегах.

Известно, что чукчи пришли сюда сравнительно поздно, только после первых русских землепроходцев, с XVII и главным образом с XVIII веков. Само название реки Анадырь совсем не чукотское, а скорее юкагирское («Онун-река» по-юкагирски, «Онандырь» — так называлась река в XVII веке, и жили тогда по реке «анаулы» — поречане — юкагирское племя). Наша разведка в 1956 году возле Усть-Белой, где однажды Александр Вулькине нашел обсидиановые наконечники стрел, доказала обитаемость этого края еще до нашей эры. Экспедиции предстояло разгадать трудную и волнующую загадку: какой народ жил на берегах Анадыря в столь отдаленном прошлом, какая у него была культура?

Вероятно, это были охотники. Они охотились на северных диких оленей, возможно, так же, как до конца XIX века охотились на Чукотке юкагиры и чукчи: облавами на осенних и весенних переправах оленей через Анадырь. Приняв такую рабочую гипотезу, я решил тщательно осмотреть все места сезонных оленьих переправ по Анадырю, как наиболее перспективные для археологических поисков.

Вечером мы двинулись всем отрядом на моторной лодке вниз по Анадырю. Четыре человека — моторист Юлий Чекмарев, Володя Ковехов, Виктор Бузаев и я были связаны единой целью в один сплоченный коллектив. Была белая ночь, и можно было хорошо ориентироваться на реке. Но низкие затопленные берега оказались здесь неинтересными в археологическом отношении.

К 9 часам утра достигли рыбалки Вакерной, где рассчитывали найти древнюю стоянку, упомянутую в известной книге А. Е. Дьячкова, который писал: «Здесь в древности было жилое место, но теперь и следов не осталось, потому, что берег смыло водою». Мы убедились, что река действительно безжалостно смыла это место. Но там мы познакомились со старым чуванцем Иваном Гавриловичем Соболюковым, проживающим в Вакерной с 1910 года, с его женой Ксенией Михайловной и с семейством чуванца Верещагина — замечательными людьми. Иван Гаврилович, истинный патриарх этого рыбацкого, отрезанного от большого мира крохотного поселочка, был хранителем всех местных преданий. Он подтвердил свидетельство Дьячкова о том, что раньше здесь были следы древнего поселения, и сказал, что в отлив и сейчас можно найти каменные топоры, наконечники стрел и обломки разбитой посуды.

Мне удалось найти под урезом воды только каменную повертку, осколок шлифованного изделия. Самые же интересные древние остатки были под водой.

На прощанье Иван Гаврилович поведал мне, что другое размываемое рекой древнее местообитание людей находится на левом берегу Майна, в 8 километрах от рыбалки, но оно тоже недоступно, пока вода не спадет. Ждать мы не могли.

Тепло напутствуемые всеми обитателями рыбалки, под многоголось собачий лай отправились мы дальше вниз по Майну.

Впереди — неизвестность. Что мы найдем? Где искать? Надо было постоянно следить за берегами и на ходу, сидя в лодке, оценивать их пригодность для археологических поисков. Низкие, полузатопленные берега надвигались и уходили. Они ничем не обнаруживали желания выдать тайны минувших веков. Вдруг наш мотор сдал, пришлось идти на веслах. Стал накрапывать дождь. Мы налегли на весла. Постепенно берега стали обрывистыми. Черные, с белыми пятнами натающего снега, они выглядели мрачно и неприветливо. Наконец, справа показался мыс, распадок с крестами на холме, ручей. Место довольно интересное.

Рис. 4. Иван Гаврилович Соболев.

Сомнений быть не могло: здесь и археологу есть чем заняться. Мы разбили лагерь.

На следующее утро я отправился на разведку. Тщательно осмотрел крутой обнаженный склон 11-метрового берегового обрыва. Ничего. Затем, продираясь сквозь густую поросль кедрача и несметные полчища комаров, пошел поверху. Ничего. Неужели здесь нет никаких следов древнего местообитания? Ведь место очень удобное для стоянки. Достаточно высокое, и рядом ручей. А кругом открывается широкая панорама на долины Майна и Анадыря. Отсюда хорошо следить за перекочевками оленьих стад.

Не хотелось уходить, ничего не обнаружив. Я стал медленно спускаться по суглинистой осыпи склона, и мне бросился в глаза осколок серого камня с определенными признаками искусственной обивки.

После самого тщательного осмотра верхней части обнажения мы обнаружили и культурный слой. Он был отмечен рыжей прослойкой подпочажной земли и хорошо прослеживался на глубине 30—50 сантиметров от верха обрыва, в желтой супеси, под слоистыми суглинками с галькой; в самом низу обрыв был сложен галечником.

Но какого невероятного труда стоили нам эти раскопки! В жаркой схватке с цепкими корнями деревьев, истекая кровью от комариных укусов, Владимир и Виктор самоотверженно, сантиметр за сантимет-

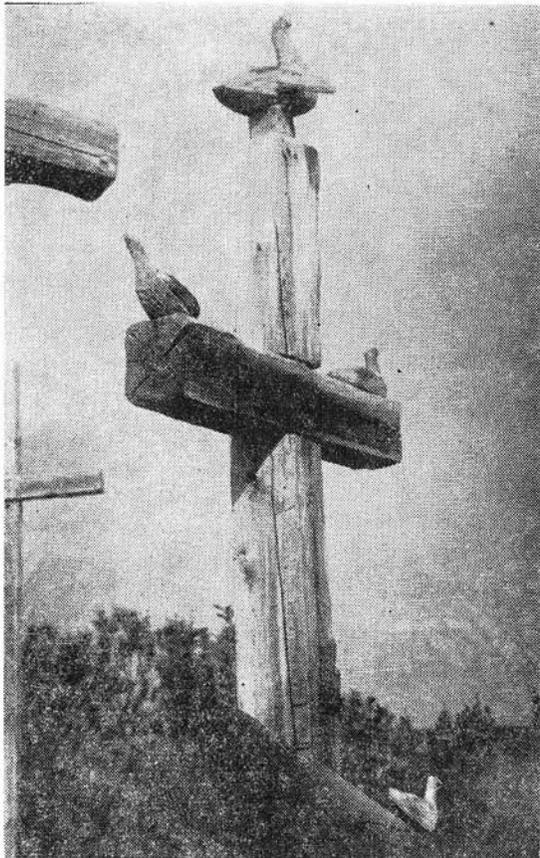

Рис. 5. Старое кладбище
в Усть-Майне.

ром вскрывали ножом и лопатой и просматривали пласт древней земли, извлекая оттуда все новые и новые подтверждения того, что на этом месте в далеком прошлом была охотничья стоянка. Были найдены даже остатки костров и возле них особенно много разбитой глиняной посуды, отщепов серого кремнистого сланца и расколотых галек. Извлекли и несколько настоящих орудий: так называемый концевой скребок на черном отщепе, нож из белого кремня и др. (рис. 5). Попадались и расколотые оленьи кости.

Приятно было сознавать, что догадка моя подтвердилась. Теперь и в других местах оленьих переправ с уверенностью можно искать следы древних стоянок.

Ночь с 29 на 30 июня провели в Усть-Майне. 30 июня до обеда докапывали стоянку, осмотрели старое христианское кладбище на холме

(кресты там были украшены резными деревянными птичками) и в 6 часов вечера опять двинулись на веслах дальше вниз. Ночевали километрах в сорока ниже Усть-Майна.

3 июля.

На песчаных наносных берегах вплоть до поселка Снежное не попалось никаких следов древних людей. Зато у поселка, где характер берегов резко меняется — к реке выходят отроги Усть-Бельских гор, — нам встретились еще более обильные остатки древнего человеческого заселения.

На огородах поселка, у края береговой 6—8-метровой террасы нашли несколько обсидиановых отщепов и ножевидных пластинок. Здесь же оказался и культурный слой, правда, неглубокий. Копали его в трех местах по краю обрыва. Нам усердно помогало местное население, особенно ребяташки. Пока мы раскапывали стоянку, они собирали древние каменные вещи на берегу, у самой воды, куда те попали из размытого берегового обрыва. Боря Степанов принес мне огромный обсидиановый нуклеус, а чукотский паренек Ваня притащил из своей яранги халцедоновое скребло.

12 июля.

Через два дня наша «Бегущая по волнам» подходила к Усть-Белой. Еще издали мы увидели на вершине Усть-Бельской сопки едва заметную точку — это была палатка пионеров школы поселка Комбинат. По поручению музея, под руководством своего преподавателя А. Ходной

Рис. 6. В Усть-Белой.

Рис. 7. Вид на Усть-Бельскую сопку (на вершине ее — неолитические курганы и становище).

они собирали на сопках различные древние вещи — так называемый, подъемный материал. Встреча с ребятами была радостной. Юным краеведам удалось найти много любопытных поделок из обсидиана и цветного кремня. Здесь, как и в Снежном, преобладали длинные ножевидные пластины из этого материала и призматические заготовки (нуклеусы), с которых они скальвались. Ничего подобного не было в Усть-Майне и Вакерной. Следовательно, мы вступили в область другой древней культуры, с принципиально иной техникой обработки камня.

Усть-Бельская сопка оказалась необычайно интересной и в другом отношении. Еще в прошлом году нами здесь было обнаружено десятка полтора невысоких каменных курганов. Теперь мы занялись их раскопками, надеясь найти под ними древние погребения. И что же? Никаких признаков, ни одной человеческой кости. Зато зола и угольки, а между камнями — осколки очень древней глиняной посуды с сетчатыми и шнуровыми отпечатками, обсидиановые наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки и нуклеусы, а в двух курганах — медвежьи клыки. Это действительно погребения, но покойников сжигали. Таким образом, мы столкнулись с совершенно необычным для нынешних народностей Чукотки погребальным обрядом. И не могло быть никакого сомнения, что эти курганные могильники принадлежали обитателям тех древних

стойбищ, которые были нами уже обнаружены возле оленьих переправ в Снежном и в нескольких местах возле Усть-Белой.

В Усть-Белой мы работали почти две недели. Наши палатки стояли внизу, в поселке, у самой реки. Каждое утро основная и единственная рабочая сила экспедиции — Виктор и Владимир (Юлий Чекмарев заболел гриппом) самоотверженно поднимались со мной на вершину сопки и возвращались оттуда вечером, до крови искусанные комарами.

Комары появились в районе Марково 20 июня, мошка — 1 июля. Никакие дымокуры не спасают. Все страдаем от укусов, хотя и сшили себе двойные накомарники и полог.

15 июля.

Снова затрещала наша моторка «Бегущая», снова мы движемся вдоль берегов Анадыря. Теперь древние стойбища, такие же, как в Усть-Белой, попадают часто. Мы нашли их на горе Увеснования и на других отдельных возвышенностях — на Камешках, на Первой и Второй Вилках. Третью Вилку мы не осмотрели, так как пошли левой протокой. Мы не успели еще выйти из этой тихой протоки, где, кстати сказать,

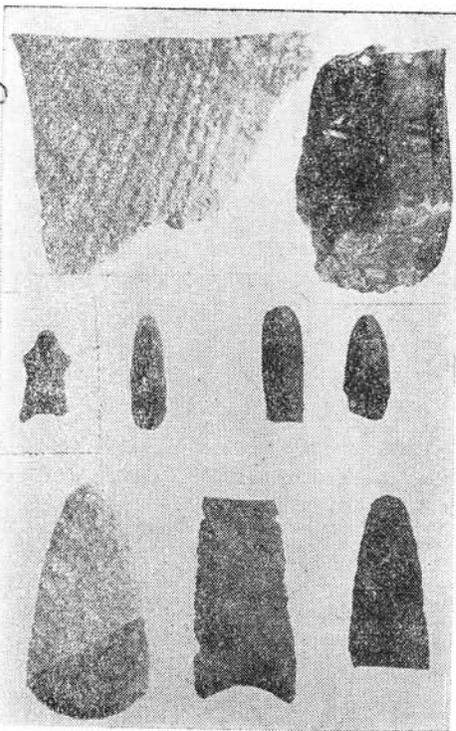
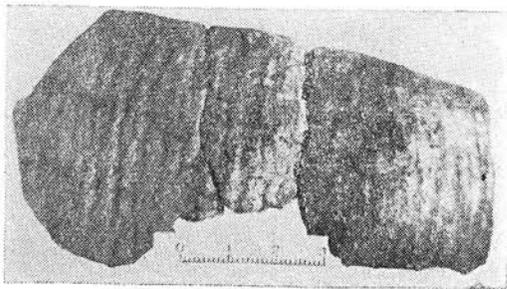

Рис. 8. Каменные изделия с Усть-Бельской сопки (ножевидные пластины, призматические клиновидный нуклеусы, скребки, наконечники стрел).

Рис. 9. В неолитическом слое на Камешках керамика была покрыта отпечатками шнура (2).

Р и с. 10. Раскопки на
Усть-Бельской сопке
(грызут комары).

подстрелили несколько гусей, как задул сильный ветер и начал хлестать дождь. Тем не менее мы дошли до намеченной ранее стоянки возле Утесиков. Промокшие до нитки, выбрали мы удобное место, разбили палатку, разожгли костер и стали сушиться. Ребята залезли в палатку, а я, надев два плаща, пошел осматривать окрестности, но мне не удалось обнаружить никаких признаков древних стойбищ.

На другой день я отправился в более дальнюю разведку, пересек возвышенность Утесиков с тыльной, пологой стороны, там, где она постепенно сливается с низменной тундрой. Вышел к крайней точке Утесиков и стал возвращаться по обрыву вдоль берега. Обратный путь казался мне бесконечным. Да это и понятно: ведь я пересек возвышенность по прямой, а береговой обрыв имел форму дуги, обращенной к реке.

Я искал место, более или менее удобное для охотников и рыбаков в прошлом. Таким местом мог оказаться какой-нибудь мысовидный уступ при впадении в реку ручья. И такое место нашлось. Оно бросилось в глаза еще издали: уютный мысок, не такой заросший, как весь

остальной обрыв, и ручей. Уже на поверхности мое внимание привлек большой осколок черного кремнистого сланца, затем другой, третий. Да это целая мастерская, как в Усть-Майне! Вечером мы копали вчетвером и нашли остатки угасшего много веков назад костра. Теперь мы были уверены в этом, так как нашли там каменный нож, точно такой же, какие нам известны в неолите Центральной Чукотки из находок на берегу озера Эльгыгытгын.

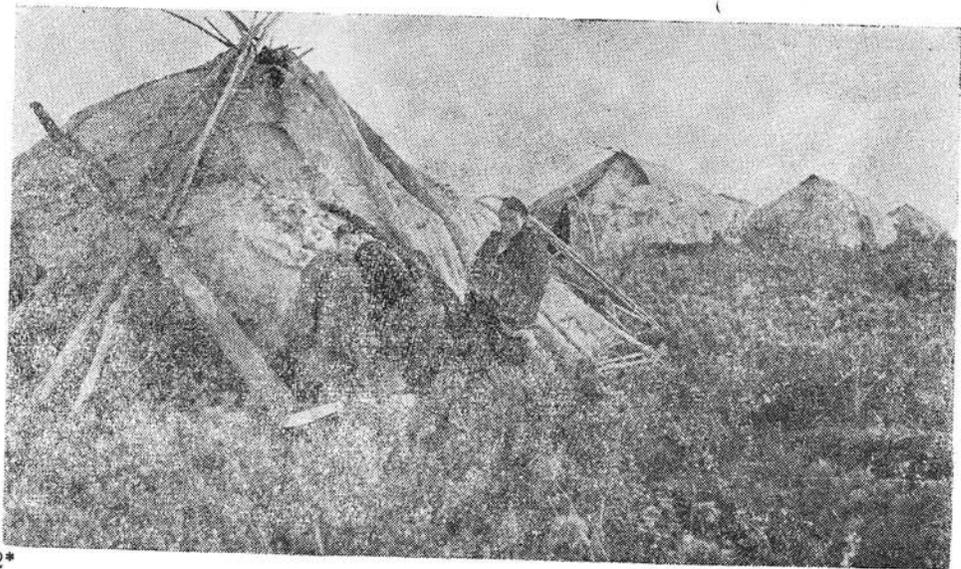
И опять мы движемся дальше по реке, провозжая глазами мысок, поразивший нас хорошими находками. Теперь мы имеем ключ к поискам древних стоянок по реке Анадырь. Их можно было безошибочно находить вблизи оленьих переправ, ориентируясь на местности.

18 июля.

Утесики остались позади, лодка вошла в протоку Анокатрары.

На рыбалке в Утесиках старик чукча объяснил нам, как можно пройти к высокой одиночной горе, на вершине которой озеро. Но протока не привела нас к горе, которая просто издевалась над нами. Ее высокий усеченный конус виднелся то впереди, то сбоку, то позади. Так повторялось несколько раз. Опять отказал мотор, и на этот раз окончательно. Нет, путешествие на веслах более надежно. Мы это доказали, пройдя за день на веслах почти 100 километров.

Рис. 11. В таких ярангах чукчи жили раньше (еще недавно) в Усть-Белой.

Уже глубокой ночью решили устроить себе передышку в заброшенной охотничьей землянке. Берег здесь был выше, чем в других местах на протоке, да и речка впадала тут же с правой стороны. Я рассчитывал, что остановка в этом месте может оказаться небезрезультатной и в археологическом отношении.

Утро подтвердило мои предположения. На бечевнике среди гальки мы собрали немало грубых отщепов и даже настоящих изделий из обсидиана. Облик их был несколько иной, чем у найденных раньше.

К вечеру нагруженная коллекциями лодка вышла наконец, из протоки на Анадырь. Река заслуживала названия Великой. Ее ширь бороздили совсем не речные волны, на песчаный берег обрушивался прибой. Нам с трудом удалось пристать к Чикаевскому утесу.

Пока все были заняты установкой лагеря, я обнаружил дальше по берегу человеческое жилище — рыбалку из трех-четырех яранг, а на бечевнике верные признаки и более древних поселений. Наверху, в обнажении берегового обрыва, я увидел бесспорный признак древнейшего культурного слоя — обсидиановую ножевидную пластинку в пласте желтого суглинка, значительно глубже дерновой растительности. Мы тотчас заложили небольшой разведывательный раскоп и извлекли немало различных поделок из кремня и обсидиана и в числе их резец уже известной нам формы (рис. 16), такой же, как и резцы монгольского неолита и неолита Аляски. Такая находка позволит с еще большей определенностью судить о происхождении древнего населения Чукотки и Аляски и о его связях с югом.

21 июля.

Мы тащили нашу лодку бечевою вверх по реке Танюеру до самого поселка. В Танюере пришлось задержаться на несколько дней, чтобы оборудовать моторный вельбот. Здесь же мы расстались с Ковеховым и Бузаевым, которые спешили в Анадырь к началу школьных занятий.

22 июля.

Июль на исходе, надо торопиться. Из Танюера вышли в семь часов вечера, как только наша маленькая флотилия — вельбот и лодка «Бегущая» — была готова к отплытию. Вышли в дождь, при сильном ветре, попали в шестибалльный шторм. Благополучно вошли в спокойную верхнюю протоку Красного озера, а затем и на озеро, но там волна была еще свирепее.

Вельбот вел нашу лодку на длинном буксире. Юлий Чекмарев и новый моторист Темноходенко на ходу исправляли мотор в вельботе, а я стоял на рулевом весле на корме «Бегущей», удерживая ее против волны. В борьбе с разъяренной стихией прошло восемь часов. Казалось, жизнь висит на волоске, но от полноты чувств захватывало дух. Луна освещала бушующее, как море, озеро, слишком медленно приближался далекий берег.

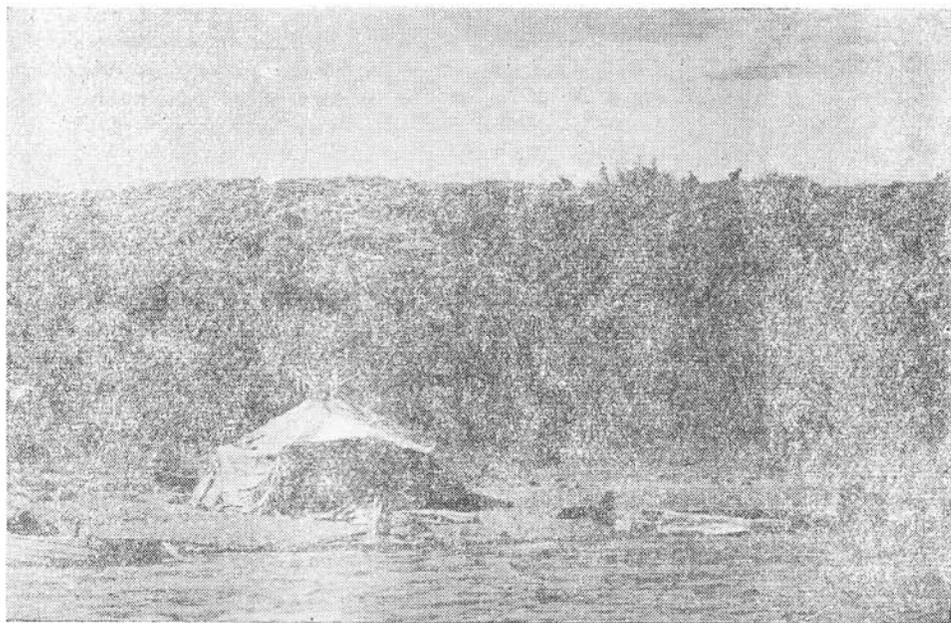

Рис. 12. Наверху берегового обрыва — Чикаевская неолитическая стоянка.

Наконец мы подтягиваем лодку и вельбот к пологому западному берегу, заваленному плавником. Я, перепрыгивая через выброшенные на берег огромные деревья, тороплюсь осмотреть 4—6-метровый скалистый обрыв. Сверху тонкий слой красноватого суглинка с гравием, под ним — грубые крупнообломочные конгломераты. К сожалению, они не внушают надежды найти что-либо археологическое. Ужинаем и спим как убитые, а с утра опять плывем вдоль берегов озера. Буря за ночь улеглась, мы спокойно достигаем устья реки Ламутской и поднимаемся по ней вверх до места стоявшего здесь некогда поселка Ламутское-Красное. Там только бугры от изб, все заросло травой. Более древнего ничего нет, и мы бежим от невыносимого гнуса.

23 и июля.

Ночью пересекли спящее, подернутое туманом озеро в южном направлении. Уже всходило солнце, когда мы обосновались на Медвежьем мысе среди остатков прошлогоднего лагеря геологов.

Утром вставать не хочется. Вытаскиваем Юлию Чекмарева за ноги из полога, пьем чай, грузим лодки и вдоль берега плывем дальше.

Почти всюду берег обрывистый, высотой до 8 метров, поросший наверху кустарником. Обрывы либо каменисты, либо из глины или суглин-

ка. Под ними крупногалечный бечевник, причем галька очень крупная, угловатая. Берега выглядят молодо, вода еще не окатала гальку. Недалеко от нашей стоянки крутой берег расчленен на несколько бухточек. Мне они показались малоперспективными в археологическом отношении. Зато, начиная с Белого мыса, галечник пошел тоньше, и на бечевнике стало попадаться множество обсидиановых галек, но среди них ни одной расколотой. Это были колоссальные запасы производственного сырья для людей каменного века, из которого они изготавливали уже хорошо известные нам по предыдущим находкам обсидиановые изделия.

День был в разгаре, когда мы вышли из озера. Здесь на галечниковой косе высотой три-четыре метра при устье протоки нас ждала богатейшая россыпь обсидиановых орудий и отходов производства. Это были следы долгого пребывания на этом месте людей в эпоху неолита, сохранившиеся на огромной площади. Никогда еще на Чукотке не встречалось таких больших скоплений древних каменных изделий. Их можно было собирать прямо ведрами.

При выходе из озера я заметил две косы, соблазнительные в археологическом смысле. На них оказались остатки поселений или мастерских каменного века. Следы культуры на всех этих косах резко отличались от древней неолитической культуры среднего Анадыря (Усть-Белой) как по характеру изделий, так и по местоположению стоянок. Это были остатки стоянок древних рыбаков, живущих оседло.

24 июля.

Спускаясь далее вниз по Анадырю, обнаружили на косах еще несколько древних рыбацких поселений — как раз там, где сейчас колхозные рыбалки.

На одной из этих кос, километрах в шести вниз по течению от Красного озера, девушка-чукчанка Рэнтываль из колхоза «Победа» подарила мне обсидиановый скребок — «вэпойгын». Этим каменным, по своему виду совсем первобытным овальным скребком, сделанным из массивного скола с гальки, она обрабатывала шкуры и утверждала, что сделала его собственноручно, при помощи железного топора. Уже потом мне удалось установить, что топором она только подправила его широкий рабочий край. Подобные каменные скребки на Чукотке еще довольно широко распространены у чукчей-оленьеводов. Их даже предпочитают железным, которыми часто портят шкуру.

По мере нашего движения вниз по реке находок на косах становилось все меньше, и наконец они совсем исчезли.

Зато недалеко от устья речки Осиновой, впадающей в Анадырь, встала на нашем пути чрезвычайно интересная одинокая сопочка с характерной трехгорбой вершиной.

Самый беглый осмотр одной из седловинок убедил меня в том, что это многообещающий памятник. Здесь оказался культурный слой, пре-

восходящий по своей насыщенности все, что нам до сих пор пришлось видеть. Два квадратных метра разведывательного раскопа дали сотни и сотни отщепов и... ни одного орудия! Следовательно, это остатки мастерской каменной века.

Чтобы уточнить дату этого памятника, необходимо в дальнейшем продолжить раскопки.

26 июля.

Весь остальной путь по Анадырю от трехгорбой сопки до устья был пройден за один переход. Остались непросмотренными отроги Рарыт-кинского хребта и устья двух речек справа. У нас было мало времени. Да и шторм на реке мешал пристать к берегу. На Американской кошке застряли надолго: начался сильный шторм. А к 29 июля надо быть в Анадыре. Таков договор с колхозом.

28 июля.

Вчера в 6 часов вечера отошли от Американской кошки. На противоположной косе обнаружили несколько ям от землянок 5×6 метров, глубиной до 0,6—0,8 метра.

Пристали к Кедровой кошке. Нашли там только один обсидиановый отщеп.

29 июля.

Погода не благоприятствовала дальнейшему продвижению, но мы решили испытать судьбу. Я опять стоял на кормовом весле «Бегущей». Ныла спина, болели ноги. Лодку захлестывало. Моих мотористов тоже измотало в вельботе. Пришлось часа через два пристать к берегу.

30 июля.

Погода чудесная: ветерок, свежо, небо чистое, комары не докучают. В 6 часов утра, когда все еще спали, вылез из полога, обошел все окрестности: наверху и по берегу. На самой косе обнаружил большую круглую яму наподобие землянки. Она густо поросла ольховником. Судя по тому, что у него «6 суставов», то есть сучков, ему уже 60 лет (через десять лет — сустав, если верить моему мотористу Темноходенко). Землянка окружена галечниковым валом. До дна тонкий слой из дерна и щепы, и больше ничего.

Вечером с полным приливом пошли дальше, теперь уже прямо к Анадырю. Вскоре перед нами открылась величественная панорама нашего Анадыря, Комбината, Угольных Копей и Второй Базы — целого созвездия поселков в горловине лимана.

Мы сделали короткую остановку на Второй Базе, а затем двинулись дальше. Вот справа прошли живописные скалы и между ними три крошечные бухточки. Это знаменитые Анадырские рыбалки. Рыбаки, поза-

быв о своих ставных сетках и удочках, с любопытством рассматривали нашу флотилию. За каждым выступом скалистого берега открывается по-новому неожиданная картина, непривычная даже для анадырца, если он впервые смотрит на все три поселка с этой стороны.

Эта великолепная, сияющая огнями широкая панорама, освещенная нечерным заревом, напоминает большой приморский город.

Попутно я отметил, что непременно надо осмотреть совсем лысые сопки чуть западнее Второй Базы. Там, судя по их местоположению, непременно должны быть древние стойбища.

Наконец «Бегущая» и вельбот пристали к одному из причалов поселка Анадырь.

Так был завершен первый этап экспедиции.

Разведка по Амгуэме

Второй этап экспедиции 1957 года проходил в исследованиях берегов большой чукотской реки Амгуэмы. Ее широкая долина изобилует прекрасными пастбищами. Это излюбленное место кочевков оленных чукчей. Здесь и в древности, безусловно, был самый важный очаг расселения их предков.

Скомплектовав себе отряд из учителя и четырех старшеклассников Эгвекинской средней школы, я прошел долину Амгуэмы двумя параллельными маршрутами: на автомашине по трассе от Эгвекинота до Иультина и на лодке вниз от 87-го до 170-го километра дороги.

15 августа.

Первый день оказался совсем неудачным. На голых перевалах суровых хребтов, откуда берут начало правые притоки Амгуэмы, нам попалось только два отщепенца.

«Что мы найдем и найдем ли что-нибудь вообще?» — думал я, окидывая взглядом просторную панораму Амгуэмы, когда машина наша выбралась из гор к реке. Характер местности здесь резко отличался от всего того, что было привычным на реке Анадырь. Обычных высоких береговых террас здесь не было. Берега Амгуэмы низкие, и это затруднит разведку. На низких берегах археологические поиски бесполезны, потому что сравнительно недавно они были ложем реки. На таких берегах археологам интересно будет работать, может быть, только через несколько тысяч лет.

На следующий день мы встали рано и поехали на своей машине вдоль правого берега реки, дальше на север. Еще издали мое внимание привлек одиночный бугор возле озера. Его плоская вершина была удобной для разбивки стойбища: место высокое, сухое, обдувается ветром, в озере и в протоках рыба.

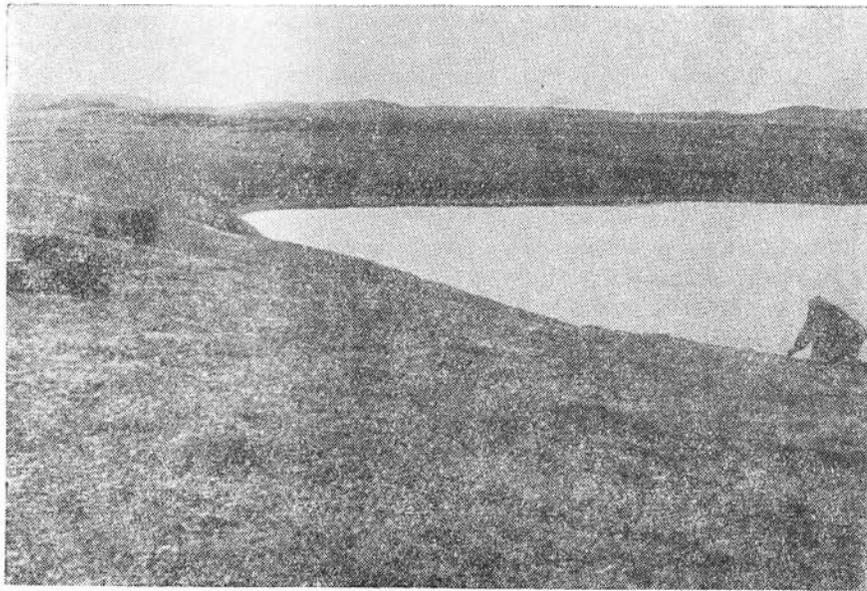
Сразу же нашли несколько обсидиановых отщепов. Ребята увлеклись, да и учитель Степан Митрофанович Коноплев не меньше. Чуть ли не ползком стали осматривать суглинистую и мелкощебнистую поверхность бугра. И наконец нашли то, что искали, самый бесспорный признак глубокой древности этого заброшенного стойбища: маленький огранный кусочек бурого камня — типично неолитический призматический нуклеус, т. е. заготовку для отщепления тонких пластинок. Вскоре попались и маленькие ножевидные пластинки — сколы с подобных нуклеусов. Одна из них — халцедоновая, наиболее крупная, была тщательно обработана по краям, — настоящий нож. Нашли и два обломанных, тщательно ретушированных с обеих сторон наконечника стрел. Сомнений не оставалось: было открыто стойбище, очень древнее (двух-трехтысячелетней давности), охотничье и вместе с тем рыбацье — первое в долине реки Амгуэмы. Таких бугров по долине впереди виднелось немало.

Пройдя на машине за этот день остальной путь до Иультина, нашли еще пять бесспорно древних стоянок (на 129, 143, 145, 153 и 160-м километрах дороги). Часть из них была на выступах берега, который стал выше.

17 августа.

На обратном пути на щебнистых буграх возле 195-го километра нашли только один каменный скребок.

Р и с. 13. Увлеклись поисками следов каменного века.

Оставив наших ребят на 102-м километре собирать подъемный материал, со Степаном Митрофановичем поехали до 87-го километра, откуда через несколько дней должны спуститься вниз по Амгуэме на резиновой лодке, чтобы разведать ее левый берег до 102-го километра.

19 августа.

Непредвиденные дела и прежде всего поиски второй лодки задержали нас. Наконец житель Амгуэмы П. И. Рудич согласился включиться в нашу экспедицию вместе со своей маленькой деревянной лодчонкой. Он присоединится к нам через несколько дней.

На 102-й километр иду пешком проведать товарищей. День чудесный. Солнце. Прохладный ветерок. И ни одного комара.

Золотисто-желтые осенние пастбища долины Амгуэмы восхитительны в обрамлении горных хребтов, далеких и близких, сиреневых и иссиня-ультрамариновых.

Вправо от дороги, в глубоких чашевидных впадинах высокого берега Амгуэмы, — небольшие озера. Возле них бугры из суглинка серовато-желтого цвета вперемешку с мелкой грубоокатанной галькой. Именно на подобных буграх встречаются здесь следы неолита.

Один такой бугор в 200 метрах вправо от дороги за мостиком (первым за большим мостом через правый приток Амгуэмы) привлек мое внимание. В карьере на его юго-западной стороне на выдувах песка блеснул обсидиановый отщеп.

22 августа.

Вчера с С. М. Коноплевым спустились на резиновой лодке до скалистого мыса на левом берегу Амгуэмы, напротив 102-го километра. Я пошел на разведку к озерам.

Озер множество. Берега у них местами низкие, местами — в виде бугров и высоких террас.

Примерно в 4 километрах к западу от мыса на Амгуэме, куда мы пристали, протекает быстрая речка. Перейти ее вброд мне не удалось. Но мысовидный бугор на другой стороне очень соблазнителен. Разведка же речного мыса и озерных бугров дала совершенно определенные находки неолитического характера: много отщепов из цветного кремня и два обсидиановых, осколок кремневого ретушированного орудия с широким рабочим краем.

Раскопав земляной бугор-курганчик (диаметром 4 метра), находящийся на мысу, обнаружили под ним линзу мерзлоты с угольками, а в основании земляной насыпи на глубине 40 сантиметров — большой отщеп из желтого кремня.

Вчера вечером с Коноплевым закончили свой маршрут у 102-го километра. Остается перебазировать ребят к исследованному сегодня мысу на левом берегу Амгуэмы.

24 августа.

Перебазировали наш отряд на левый берег Амгуэмы.

Утром пошли на разведку в сторону притока.

На бугре, возле островерхой сопки, раскопали каменную продолговатую кладку длиной 2,5 метра. Обнаружили под нею ряд из пяти пар оленьих рогов. Среди них два массивных отщепа из черного кремнистого сланца и несколько угольков.

Затем мы вдвоем с Женей Чекменевым переправились на другую сторону безымянного притока и на давно уже заинтересовавшем меня бугре высотой около 12 метров обнаружили следы неолитической мастерской: наконечники стрел с вогнутым основанием, кремневый нож, наконечники стрел с ромбическим сечением и многие другие остатки каменной индустрии (рис. 14). Там же оказалась сложная, вероятно, ритуальная кладка, которую мы непременно должны раскопать.

25 августа.

В тот вечер мы с Женей спустились на резиновой лодке к нашему мысу. Местами шли пешком. На приречных и приозерных буграх нам попадались отдельные отщепы.

На другой день мы опять всем отрядом собирали подъемный материал на бугре у притока и расчистили обнаруженную накануне кладку.

Собственно, здесь оказалось три кладки: одна большая, длиной до 5 метров, и две короче. Под ними оленье рога, расположенные «в елочку».

К 6 часам вернулись в лагерь.

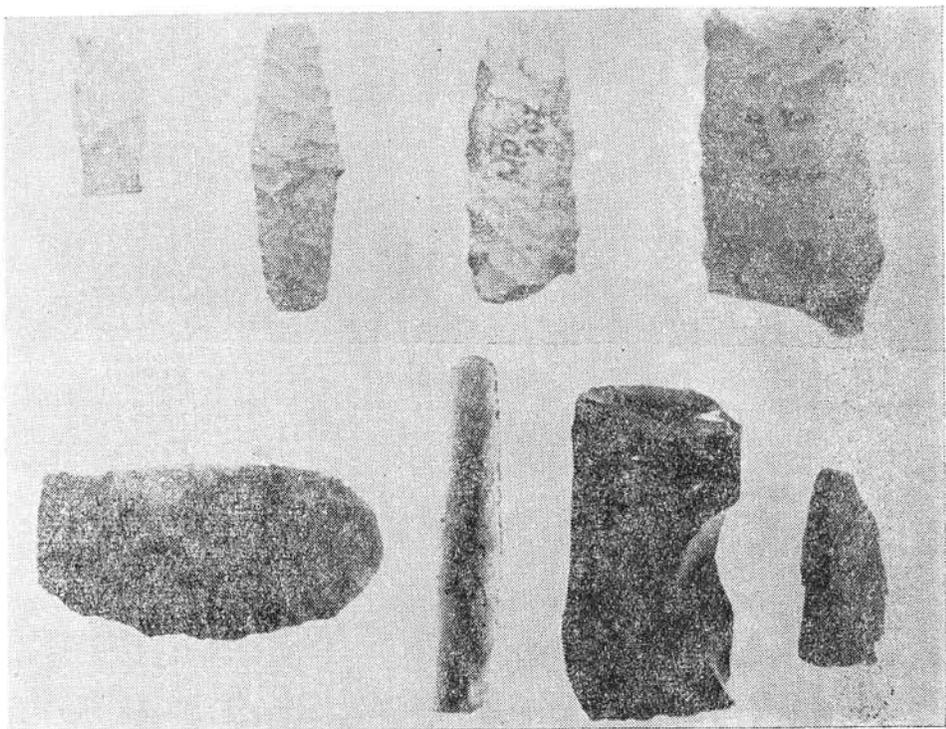
Перед отплытием я обратил внимание на группу врытых в землю камней, в 15 метрах от края мыса.

Быстро раскопали всю площадку с этими камнями. Попались черепки тонкой глиняной посуды с вафлеобразными оттисками штампа и, вероятно, ткани, маленький обсидиановый наконечник стрелы полукруглого сечения, скребки и отщепы. Сначала я думал, что это могила, но могильной ямы не оказалось. Это был просто участок неолитического поселения.

В 9 часов вечера отплыли и через час остановились на ночлег против 115-го километра на мысовидной возвышенности, покрытой кочками. Обнаружили здесь на песчаных выдувах большие отщепы зеленого кремня и плиточные осколки синего сланца.

Двигаясь дальше вниз по Амгуэме, обнаружили в первой половине дня два пункта с археологическими следами — оба примерно против 120-го километра трассы, на левом берегу, в том месте, где река течет одним руслом.

Первый пункт на высокой седловине между двумя озерами — там отщепы. Второй — ниже, на буграх с канавами, там обломок обсидианового наконечника стрелы, кремневый нож, скребки и отщепы.

27 августа.

Утром пошел снег.

Снежинки крутил сильный ветер, но на земле они таяли. Постепенно горы, сопки и бугры стали белыми.

Мне предстояло решить, отпустить ли ребят, что делать с лодочником П. И. Рудичем, у которого истекал срок работы в нашей экспедиции, да и продуктов у нас уже не было.

С лодочником удалось договориться. Он оставил нам лодку, а сам уехал домой. Я съездил на 87-й и 91-й километры за продуктами.

На 87-м километре я встретился с механиком Алексеевым, который рассказал мне о двух находках мамонтов: на правом берегу Амгуэмы, в линзе мерзлоты берегового обрыва, напротив Селаевской командировки (168-й километр) и в 22 километрах от Иультина, по тракторному пути.

Хребет и кость ноги мамонта выступают там в низине распадка из болота. Алексеев сам видел бивни, извлеченные Селаевым возле 168-го километра, уже на левом берегу Амгуэмы, между домиком и озерцом, куда их перенес Селаев. По словам Алексеева, они были очень старые и расслаивались.

Рис. 14. Наверху: кремневые наконечники, скребок и нож со стоянки № 3 против 102-го километра Амгуэмской трассы. Внизу: каменные изделия с амгуэмских неолитических стоянок (нож, ножевидная пластинка и нуклеусы).

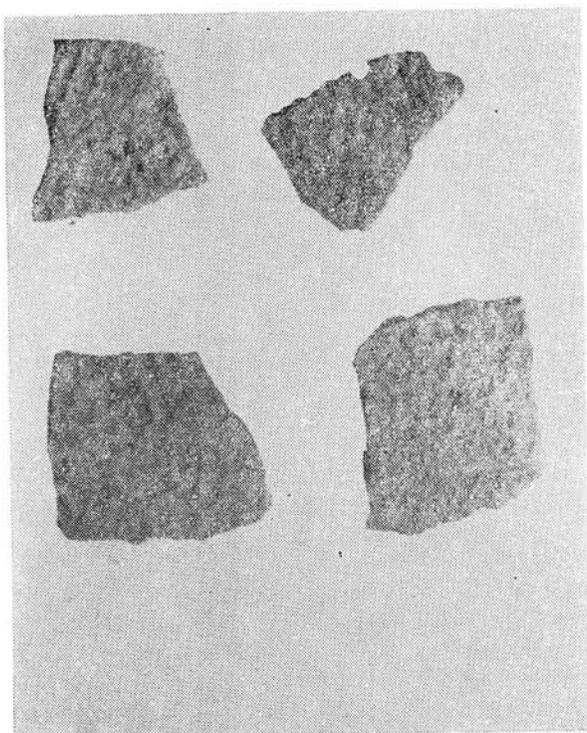

Рис. 15. Фрагменты глиняной посуды с вафлеобразными оттисками штампа со стоянки № 2 против 102-го километра Амгуэмской трассы.

28 августа.

Вчерашний день был довольно удачен. Он дал нам три пункта древних находок:

1) на левом берегу Амгуэмы возле 148-го километра, на бугристом мысе с мелкощербнистой поверхностью — отщепы из светло-желтого кремнистого сланца;

2) на правом берегу Амгуэмы, в том месте, где дорога вплотную подходит к реке, на краю высокой бугристой террасы — ножевидная пластинка, скребок и отщепы;

3) при впадении в Амгуэму реки Экитыки, на щербнистой плоской вершине — много отщепов, обсидиановых ножевидных пластинок и даже один призматический нуклеус.

Утром поднялся сильный встречный ветер. Пришлось отсиживаться часа два на голом галечниковом осередыше. Ребята так и рвались вперед, особенно Адик Скидан, и благодаря энтузиазму всего коллектива мы благополучно дошли до парома, несмотря на свирепый ветер, особенно в «трубе» перед паромом, где к тому же был и перекат.

Трое ребят уехали домой в Эгвекинот на попутной машине. Сам же я с Борисом Томским добирался до Эгвекинота еще два дня.

По Анадырю и Майну в 1958 году

6 августа.

Приступили к полевым работам. Обнаружили бивень мамонта на галечниковой отмели южного берега лимана в нескольких километрах от Анадыря, не доходя 30 метров до Второй Базы и протекающего ручья, у двухметрового берегового обрыва. Бивень был замыт прибоем, из гальки торчал только его кончик.

Сегодня привезли к Комбинату часть экспедиционного груза и всех сотрудников нашей экспедиции. Всего со мной шесть человек: два аспиранта Сибирского отделения Академии наук СССР Борис Юдин и Владимир Иванович Телегин, моторист Павлик Поляков и маршрутные рабочие — Миша Паленых, Егор Кергинто и Леша Рутьчэйвын. Коллектив небольшой, но очень дружный и подготовленный к трудностям предстоящего маршрута. Это основное ядро экспедиции, к которому по ходу работы будут привлекаться местные рабочие-землекопы.

От Комбината начнется наше движение к реке Анадырь.

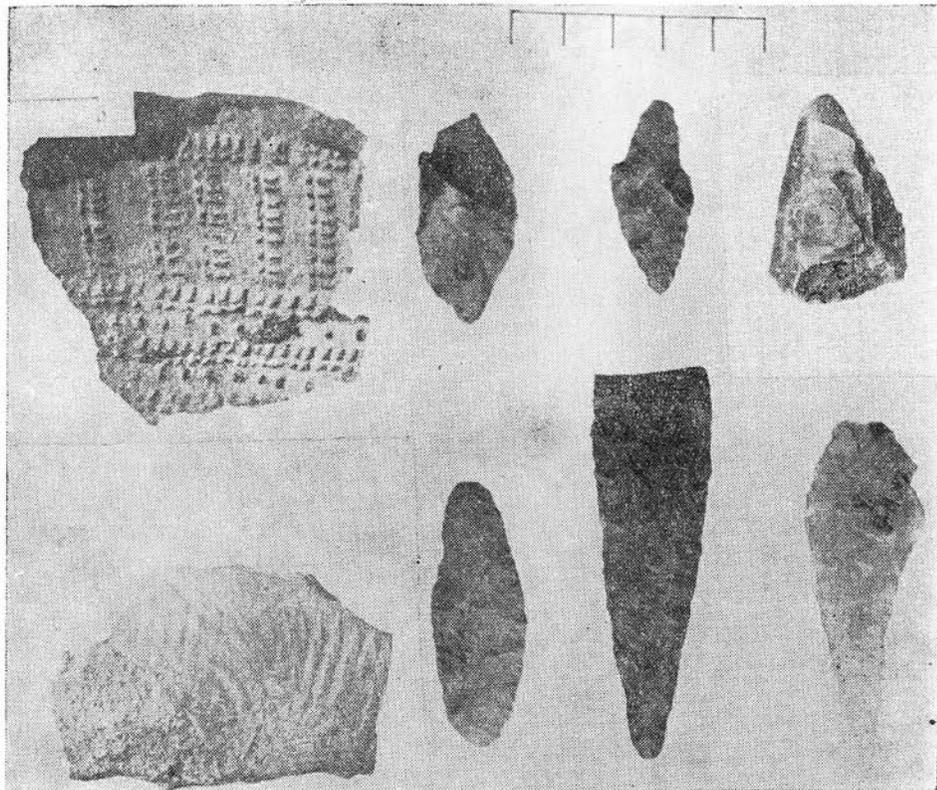
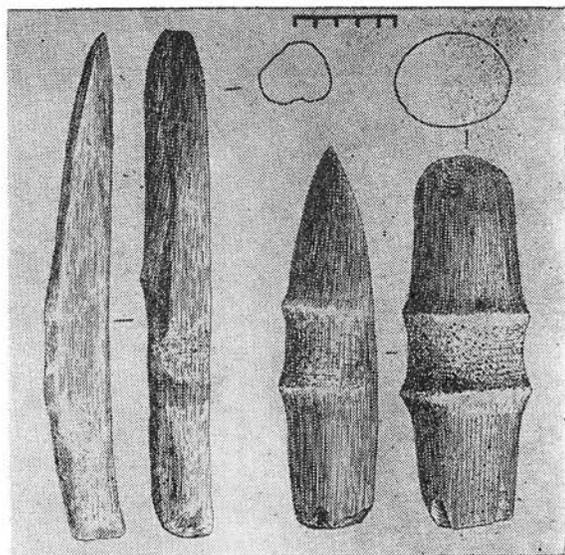
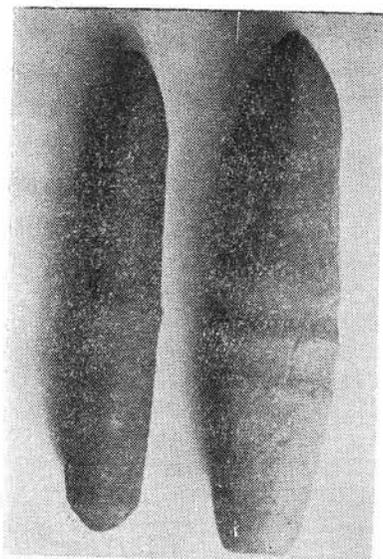
Арендовали у Д. Н. Башмакова, механика плавбазы Комбината, крытую моторную железную лодку — «Синюю птицу», или «Голубой гроб», как переименовали мы ее вскоре за неуклюжесть и за то, что крытое пассажирское помещение во время движения лодки наполнялось отработанными газами и бензиновыми парами и превращалось в настоящую душегубку.

В ожидании речного каравана, вместе с которым нам предстоит двинуться к месту работ вблизи Танюрера, произвели раскопки на мысе у Седьмого причала, где еще в 1957 году я заметил культурный слой. Нашли остатки шести человеческих черепов и осколки толстостенной глиняной посуды с так называемыми «ушками» для подвешивания. Наличие в культурном слое такой посуды позволяет довольно точно датировать весь памятник поздним этапом развития приморской культуры морских охотников. Его время целиком в пределах второго тысячелетия нашей эры.

8 августа.

На грузовом теплоходе «Обь» наша экспедиция в полном составе с двумя лодками на буксире отправилась в сторону реки Танюрер. Через два дня наши палатки стояли уже под Чикаевской скалой, против устья этой реки.

Рис. 16, 17. Каменные ножи, наконечники, клиновидный нуклеус, резец и обломки глиняной посуды с Чикаевской стоянки. Каменные «расщепляющие» тесла из культурного слоя Чикаевской стоянки.

18 августа.

За 10 дней работы на Чикаевской неолитической стоянке собрано три ящика коллекций, в числе которых и разнообразная богато украшенная оттисками штампа керамика, и каменные резцы, и топоры, и нуклеусы (призматические заготовки для скалывания пластин), и так называемые расщепляющие каменные тесла. Раскопано более 120 квадратных метров и намечен раскоп еще на 200 квадратных метров. Все полнее раскрывается картина древней стоянки. Обнаружены следы уже более десяти костров. Поражает почти полное отсутствие костей животных. Неужели все сгнило?

20 августа.

Идем на двух лодках вверх по Анадырю. Курс на Усть-Белую.

Попутно на старом урочище Увеснования, что на левом низком берегу Анадыря, мы осмотрели большой деревянный крест со старославянской надписью. Он стоит здесь с незапамятных времен, горел однажды и снова был подновлен чуванцем Василием Захаровичем Никулиным. При подновлении надпись на кресте была, возможно, тоже обновлена. В настоящее время смысл ее такой: «О плавающих и путешествующих помолимся». Очевидно, этот крест был установлен еще казаками-землепроходцами и имел своеобразное охранительное значение.

Дословно надпись на нем выглядит так: «О плавающ путнедстрплени носпас их гдупом» (о плавающих путниках, едущих странствовать пленниках, о спасении их душ господу помолимся). (рис. 18).

Вечером съездил с Егором и эвенком Алексеем Ивановичем к И. А. Калиновскому, который живет со старухой на рыбалке в шести километрах вниз от нашей Чикаевской стоянки. Мы встретили его у яранги. После горячих приветствий уселись в чоттагине у костра и повели беседу о старине. Старик немного знает русский язык, рассказал, что раньше в ямах-землянках на Чикаевском мысе жили русские казаки. Показал, что у них были на плечах погоны — начальники! Было у русских кладбище. Хоронили там, где крест сейчас сохранился, — на горе.

А потом они ушли в Марково, и в их землянках поселились чукчи. Били оленей при переправе через Анадырь, били с каюков и каяков копьями. Только сорок лет назад перестали бить: оленя не стало.

Мы рассказали Калиновскому о своих находках. Я спросил, доволен ли он жизнью.

— Все есть, хорошо, — ответил старик.

Зимой он со старухой живет в избушке, ловит песцов. В колхозе получает за них деньги, продукты и товары.

24 августа.

Путь до Усть-Белой прошли с 20 по 23 августа. Находки были только на третьей сопке Вилки: осколок черепка тонкого серого цвета, ретуши-

Рис. 18. Старый охранительный крест против Усть-Белой на берегу Анадыря.

рованный, и простые отщепы из обсидиана. И на правом берегу Анадыря, ниже скалистой мысовидной террасы, где находятся два бугра — обломок бивня мамонта.

26 августа.

На Усть-Бельской сопке в одном из курганов был вскрыт очаг среди камней, с черепками, отщепами и двумя наконечниками стрел.

В Усть-Белой так и не удалось достать проводника, зато от председателя колхоза А. А. Рыбалкина получил я обломки рога бизона, выкопанные при рытье ледника в пятнадцатиметровой террасе на глубине 5 метров в мерзлом иле.

Двинулись дальше вверх по Анадырю. Поездку на Чировое озеро пришлось отложить на неопределенное время. Озеро Эльгыгыт-гын в этом году не вскрылось, и поэтому обычной в середине двадцатых чисел высокой воды на Белой не было.

Мотор у нас барахлит. Моторист Павел почти болен. Бензина мало. Но все же в одном нам повезло: проходя рыбалку ниже Усть-Белой, взяли там замечательного проводника — Алина Алексея Дмитриевича, чуванца 67 лет.

27 августа.

Владимир Иванович нашел на правом берегу Анадыря при раскопках норы, на глубине 70 сантиметров на краю песчаного бугра осколок кости оленя и уголек.

На ночлег стали на песчаной косе на левом берегу, в 1—2 километрах ниже высокой, 15—20-метровой заросшей лесом террасы. Находок никаких. Много медвежьих следов. Замечены также следы оленя и лисы. Владимир Иванович убил 4 куропатки. День солнечный. Издали видны Кутынкинские горы, куда мы сегодня должны идти.

30 августа.

Пишу на ходу. Ровно гудит мотор. Широкая, чуть подернутая рябью гладь Анадыря. Солнышко ласковое. Кучевые легкие облака. Зелень пойменных берегов и голубизна далеких сопок — как все это хорошо!

В лодке за рулем Миша Паленых. Моторист Павлик Поляков спит. Егор возится с биноклем, проводник сидит на нашей экспедиционной кладке посреди лодки и зорко смотрит на реку. «У вас самая ответственная работа: не сядем на мель, не сломаем мотор — значит дойдем до Вакерной», — говорю я ему.

Да, как это хорошо — вот так плыть на «Бегущей», в холодный осенний день чувствовать ласковое прикосновение солнца, знать, что ты сейчас можешь сделать все, что хотел давно, — не это ли настоящее счастье?

31 августа.

Ночевали на Уловном месте. Старик Алин говорит, что здесь много рыбы, да и олени в этом месте переправлялись через Анадырь.

Мы стали на галечниковой отмели. Но в темноте я не увидел, что вглубь идет высокий берег, и покинул его непросмотренным. Терраски здесь многообещающие в археологическом отношении.

Старик рассказывает, как он в 1912 году возил геолога Петра Игнатьевича Полевого в верховья реки Анадырь и Эньмувеем. Полевой искал озеро Ивашкино. Отбивал камни молотком. С ним был офицер Николай Андреевич, который все записывал. А пять-шесть лет назад был Алин проводником геолога Пономарева.

В 3—5 километрах ниже Уловного на левом берегу высокий деревянный крест с подпорками.

1 сентября.

Обнаружил культурный слой на Усть-Майнском осередыше на высоте 5—6 метров от реки, на глубине 50—90 сантиметров от поверхно-

сти, толщиной 10—15 сантиметров. Он состоит из расколотых оленьих костей (среди них один уголек), сильно размыт.

Алин говорит, что чуть выше этого острова олени переходили реку. Тут их били, а разделявали как раз на этом осередыше.

Утром прошли только час-полтора. Мотор отказал возле места наших прошлогодних раскопок в Усть-Майне. Мы с Егором быстро взобрались наверх, но ничего там не нашли. Значит, действительно в прошлом году все выбрали.

Пошли дальше на веслах. Но дождь усилился, и мы решили пристать к берегу в 500 метрах выше предыдущей стоянки на галечной косе. Я осмотрел бечевник и на косе обнаружил обломок венчика от древнего глиняного горшка и осколок наконечника стрелы из черного кремнистого сланца.

Такая затяжная поездка в Вакерную полезна уже тем, что берег по Майну теперь мне будет известен досконально, просмотрена каждая коса.

Проводник у нас хороший. Шутить любит, заботливый. Сегодня он рассказал мне о Теневиле, изобретателе чукотской иероглифической письменности, который умер в Анадыре несколько лет назад.

2 сентября.

В 9 часов утра пошли пешком бечевой. Идем 45 минут — 15 минут отдыхаем. И так весь день.

На косе, в четырех километрах от Усть-Майна, нашли два скребла из серого кремнистого сланца. Две ножевидные пластинки из серого и зеленого кремня и обсидиановые, окатанные водой отщепы нашли на другой косе, выше по Майну, на его правом берегу, у Лабазинского плеса.

На одной из кос, возле Усть-Майна, попалась перерубленная галька серого кремнистого сланца с параллельными поперечными кольцевыми надрезами. Интересная техника приготовления заготовок для скребел.

4 сентября.

Продолжаем движение на Вакерную. Пройдя бечевой 4 часа, пристали на обед к левому берегу Майна. На песчаном бечевнике я обнаружил один черепок с отщипами гребенчатого штампа.

Осмотрел обнажение песчаной террасы, возвышающейся на 2,5 метра над бечевником. Догадка подтвердилась: там оказался культурный слой на глубине 70 сантиметров — 1 метра, толщиной около 30—50 сантиметров. Прямо из обнажения обрыва вынул два черепка, а дальше вниз по течению в этом же обрыве обнаружил на большом протяжении слой костей. Миша и Егор тоже нашли на песке бечевника несколько черепков и отщепов. Ребята мои очень устали и не хотели задерживаться здесь. Но значение найденного памятника было настолько очевидно, что мы вскрыли около шести квадратных метров культурного слоя и об-

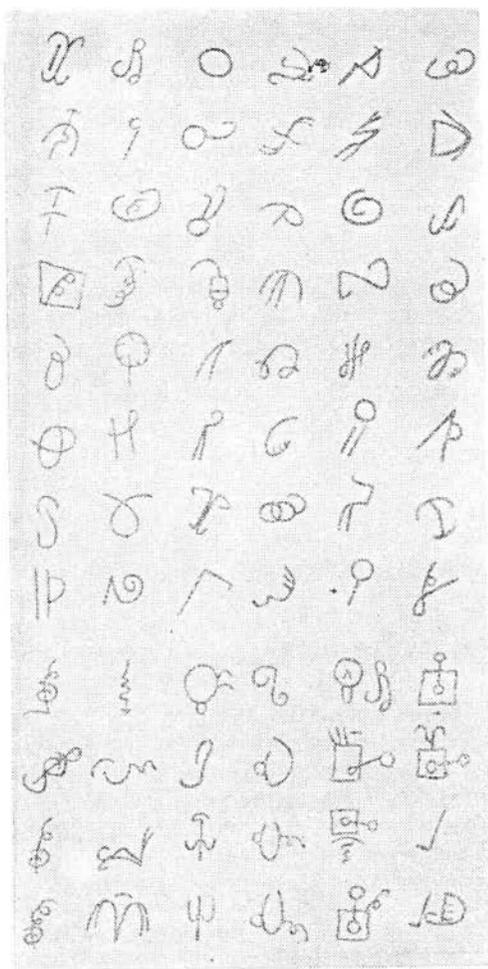

Рис. 19. Иероглифы чукчи Теневиля.

наружили в его основании древний утопанный земляной «пол» какого-то жилища с расколотыми оленьими костями и черепками, а также обсидиановыми отщепами. Ножевидных пластинок пока не было.

Осматривая берег, я обнаружил метрах в двухстах какой-то старый раскоп. Потом, уже в Анадыре, мне удалось выяснить, что это был раскоп И. А. Некрасова, 1957 года.

Вблизи Вакерной я осмотрел сопочку Батькино. Алин сказал, что она называется так потому, что сюда приезжал поп из Марково.

Рядом впадает в Майн узкая, но глубокая речка Ездовая. По ней кратчайшая дорога до Марково, минуя Вакерную (от Вакерной до Марково 160 километров, до Усть-Майна—50).

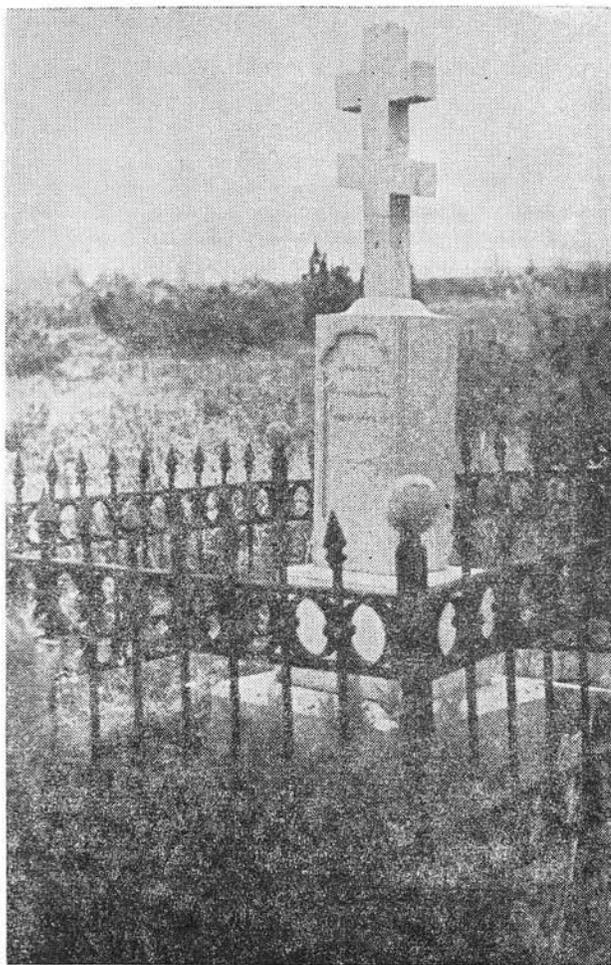

Рис. 20. «Потрудившемуся на пользу науки» — Леониду Францевичу Гриневскому.

Последний час движения доставил нам много хлопот на мелях. Все промокли.

Лагерь разбили на косе, не желая тревожить в столь позднее время обитателей рыбалки. В тот вечер на чистом звездном небе было полярное сияние.

Наутро мы переехали на противоположный берег. Как и в прошлом году, нас громким лаем встретили собаки. Находок от старого поселения на берегу даже при низкой воде оказалось меньше, чем я предполагал. Трогательной была встреча с Иваном Гавриловичем Соболюковым. Я отдал ему фотоснимки, которые вез специально для него. Он был очень рад. Рассказал, что он показал Некрасову то место, где много та-

ких черепков. Некрасов обещал привести сюда много людей для раскопок и прислать журнал, в котором будут упомянуты имена всей бригады, но пока не прислал. Я успокоил старика, заверив, что Некрасов сдержит свое слово.

Я отправился на разведку берега. Но находок было мало. Зато познакомился с очень интересным человеком, мастером засола и копчения рыбы, настоящим энтузиастом своего дела, Семеном Ивановичем Корниловым. Он стал горячо рассказывать о своих достижениях в деле засолки и консервирования рыбы, сводил меня в ледник, показал маринованную сельдь. Он очень убедительно доказывал, что богатейшие рыбные угодья Вакерной протоки должны стать основой будущего большого рыбокомбината.

Раньше рыбу зарывали прямо в ямы. Никто и не слышал, что ее можно консервировать и мариновать. Огромные рыбные богатства поэтому пропадали, в лучшем случае, шли на удовлетворение собственных потребностей и, разумеется, при неумении консервировать не могли иметь товарного значения. Если все это учесть, Семен Иванович Корнилов занят очень важным для экономики Чукотки делом.

Затем я вернулся в жилище Ивана Гавриловича. Меня усадили за стол, стали угощать. Разговорились. Собираются строить здесь новый ледник, новые дома, хотят вызвать квалифицированных плотников.

Потом мы углубились в прошлое. Иван Гаврилович вспомнил знатные дела своих предков. Сам он был сыном чукичи Гаврилы Ивановича и эвенки Устины. Один из четырех братьев его матери, Михаил, был замечательным плотником. Когда в Марково в 1887 году решили строить церковь и начали с чертежа, он сказал: «Буду строить колокольню без всякого чертежа, чтобы она была восьмистенная». И получилось.

В разговоре выяснилось, что и бригадир Верещагин приходится родственником Ивану Гавриловичу. Познакомился я и с остальными членами бригады: Мефодием Шитиковым, Дмитрием Павловичем Дьячковым, стариком Коравье, Тынавье, Раей Кергина и женой Ивана Гавриловича — эвенкой Соболевой Ксенией Михайловной. Они мне предлагали всяческую помощь, в том числе и продукты, которые были у нас на исходе.

Моторист Геннадий Иванович Жигалкин за какой-нибудь час помог отремонтировать наш злополучный мотор. Я пригласил всех поехать в лодке к могиле доктора Гриневецкого, основателя поселка Анадырь (в 1889 г.), первого начальника Анадырской округи (1889—1891 гг.). Я сфотографировал и зарисовал памятник — крест из трех кусков светло-серого полированного гранита, стоящий в чугунной ограде. На одной стороне креста надпись: «Леонид Францевич Гриневецкий, родился 17 июня 1853 г., умер 26 июня 1891 г.», на другой — «Потрудившемуся на пользу науки, 1894 г.». Ксения Михайловна Соболева рассказала, что памятник прислала на Чукотку мать Гриневецкого. Заболев в пути

на реке Майн, он просил похоронить его на самом видном месте на берегу, чтобы все проезжающие видели его могилу. Мне вспомнились слова усть-бельского чукчи-старика, ныне покойного Трофима Анкудинова, который сам видел Гриневецкого и рассказывал мне о нем в 1956 году: «Тот был чернокнижник, знал наперед, что кто хочет сказать, и свою смерть тоже предсказал. Много книг писал. Был высокий, худой, хороший был человек». Добрую славу Гриневецкий заслужил. Это был настоящий самоотверженный исследователь. Не щадя своего здоровья, он за короткий срок извездил значительную часть Чукотки. Добрый, отзывчивый человек и врач, он лечил чукчей бесплатно.

Очевидно, медведь развалил крест. Мы поставили на место куски креста и отправились в обратный путь.

6 сентября.

Пристали в 8 километрах ниже Вакаревской рыбалки к левому берегу Майна, чтобы дообследовать здесь культурный слой. Меня интересовала обнаруженная на этом месте площадка утоптанной земли.

Работали только часа два-три после обеда. Я отпустил ребят еще до захода солнца, после того как они раскорчевали крупный кедр над культурным слоем на площадке 5×2 метра.

Егор стал заготавливать колышки для раскопа, а Миша, узнав, что я иду на нижний мысок к речке Вышке, взялся меня проводить, прихватив с собой карабин. Только потом я догадался, что он провожал меня в качестве телохранителя: здесь было много свежих медвежьих следов.

На мыске нас ждал сюрприз. Обнаружили очень много орнаментированных осколков древней глиняной посуды разных типов и в том числе украшенную шнуrowыми оттисками. Все это большими кусками было разбросано на выдувах песчаного бечевника. Новая, совсем загадочная древняя культура Чукотки предстала перед нами во всем блеске своего керамического мастерства.

До сих пор мы имели дело с довольно серенькой, совсем почти не украшенной посудой с древних стоянок рек Анадыря и Амгуэмы и из Усть-Бельского могильника. Древность ее исчислялась концом второго — началом первого тысячелетия до н. э. Теперь же нам в руки попала глиняная посуда с затейливыми ленточными и арочными узорами, сделанными мелкими зубчиками гребенки. Прямоугольные отпечатки этих зубчиков были очень четкими и обильными. Украшенные таким пластическим способом глиняные сосуды были просто красивы. Кто и когда здесь лепил и обжигал их? Не потомки ли людей бронзового века соседней Северной Якутии, где тогда была в ходу такая же керамическая техника? Или эта техника и эта культура возникли на Чукотке самостоятельно? На этот вопрос можно было бы ответить, зная дату открытого нами памятника. Но для этого надо найти угли в его культурных слоях, угли из древних костров. Найдем ли мы их на нашем раскопе?

На следующий день до обеда полностью разобрали землю над утоптанной площадкой. Жилища, к сожалению, в целом виде обнаружить не удалось. Видимо, мы захватили только его край: остальное размыло рекой. Но было несколько костров на разных уровнях, и я взял в коллекцию много хорошо сохранившегося древнего угля. Это была первая находка на Чукотке древнего угля для радиоуглеродного анализа.

Кроме того, в культурном слое нам встретились расколотые оленьи кости, косточки рыбы, птиц (уток?), разные черепки. Было несколько обсидиановых отщепов. Все это на глубине около одного метра, в песке.

Двинулись в обратный путь. По пути смотрели мысок по другую сторону речки Вышки. Подъемного материала на песке не оказалось. Зато в обнажении берегового песчаного обрыва с поверхности на глубину до полуметра прослеживается слой расколотых оленьих костей.

7 сентября.

Ночевали на левом берегу Майна, где кончается плес Уловное.

За ужином у огромного костра разговорились о шаманах. Старик рассказал «правдивую» историю о том, как двое пошли охотиться на нерпу в этих краях и один промахнулся и попал вместо нерпы в другого. Тот был шаман и поэтому, хотя и был убит, но вечером вернулся живым.

— Сильные люди шаманы, правду о них все это говорят, многое они могли, — заключил свой рассказ Алин.

И Егор тоже стал рассказывать о шаманах, о том, что если не послушаешь шамана, худо бывает. Например, однажды шаман сказал, что надо убить двух старых оленей, которые ходили вместе, но человек не послушался и умер, а послушался бы — не умер.

— Живой был бы, — авторитетно подтвердил старик.

Утром сходили с Егором к сопочке (булгуньяаху), но она оказалась сплошь заросшей кедром.

На правом берегу Анадыря, если ехать по фарватеру, на нижнем высоком мысу Ковальского острова могут быть находки. Это примерно в 15 километрах ниже Денежного.

Недалеко от Кутынкинской возвышенности впадает речка Ильмувеем, при устье которой раньше жили люди.

11 сентября.

Когда мы возвращались к нашему лагерю возле Усть-Белой, Владимир Иванович, руководитель третьего отряда, сообщил нам радостную новость.

Один его разведывательный шурф дал блестящий результат. В верхней части кургана № 8 ему посчастливилось напасть на человеческие кости. Он тотчас прекратил копать и стал дожидаться моего возвращения.

На раскопки счастливого кургана были направлены все наши силы.

Огромный курган, до 13 метров в поперечнике, был раскопан полностью, на снос. Скелетов оказалось четыре, лежали они на разных уровнях, один под другим, в центральной части кургана, и, судя хотя бы только по характеру погребальных вещей, все четыре были очень древними, примерно трехтысячелетней давности.

Верхний скелет (№ 1) лежал на спине в вытянутом положении, черепом на юг. Под раздавленным черепом удалось найти множество мелких круглых бусинок, сделанных из раковин. Когда-то эти бусинки, видимо, украшали шапку погребенного. Такие украшенные бисером шапки любят носить с давних времен эвены, тунгусы и другие таежные народы. Справа от черепа оказались обломки глиняного горшка с шнуровыми отпечатками, в который клали при погребении для души умершего пищу. В могиле нашлось также много мелких каменных (кремневых, обсидиановых и халцедоновых) изделий: скребков, наконечников стрел со слегка вогнутым насадом, очень похожих на наконечники стрел прибайкальского и приленского позднего каменного и раннего бронзового веков (второго — начала первого тысячелетия до н. э.).

Работа кипела, нам помогали школьники. В числе таких добровольцев оказался и инструктор окружкома ВЛКСМ Юра Кергытагин, приехавший сюда из Анадыря в командировку.

Особенно сильное впечатление произвели на нас яркие пятна красной охры возле черепа и на ребрах грудной клетки: яркие, как огонь, алые, как кровь. А какой смысл имел этот обряд положения в могилу охры здесь? Кровь или все-таки огонь? Вспомнились известные стихи Лонгфелло из «Песни о Гайавате»:

Не кладите тяжелой ноши
С мертвецами в их могилы,—
Ни мехов, ни украшений,
Ни котлов, ни чаш из глины,—
Эта ноша мучит духов.
Дайте лишь немного пищи,
Дайте лишь огня в дорогу.

Эти слова отражают перелом в первобытном мировоззрении, переход от обилия сопровождающих мертвого в могиле вещей к самому только необходимому — огню и пище. Но современники усть-бельских курганов еще не дошли до этого. Погребальный инвентарь их покойников обилен. Здесь много вещей: есть и пища, есть и огонь, вернее, его магическая замена — красная охра.

Остатки двух других скелетов (№ 2, 4) лежали «валетом»: ноги одного на груди другого, черепами в противоположные стороны — на северо-запад и юго-восток. Рядом с ними много каменных резцов, скребков, отщепов, наконечников стрел, ножевидных пластинок. А среди разломанных костей черепа скелета № 2 было найдено (впервые на Чукот-

же!) бронзовое изделие — маленькое четырехгранное шило, покрытое темно-зеленой древней патиной.

Самый нижний скелет (№ 3) сохранился лучше всех других, что объясняется его более глубоким захоронением (на глубине около 1,5 метра) и тем, что он покоился непосредственно на вечной мерзлоте. Он был положен на спину, головой на запад в позе «руки на поясе», со скрещенными ногами.

Никаких каменных вещей при нем не было. Зато под правой стороной его нижней челюсти оказался тщательно обернутый в бересту маленький бронзовый резец, тоже покрытый древней зеленой патиной. В том месте, где резец соприкасается с челюстью, сохранился даже клочок темных волнистых волос мертвеца — их сохранению способствовали окислы меди.

Все в этом кургане было ново и необычно для древней Чукотки, какой мы ее прежде представляли: и обряд засыпки мертвецов красной охрой, и обычай украшения шапки мельчайшими раковинными бусинками-кружочками, и клыки медведя, и обилие каменных наконечников стрел, их форма и особенно употребление бронзовых изделий. Было еще не ясно, бронза это или медь. Бронзовых изделий было найдено только два, но теперь с уверенностью можно ожидать, что скоро на Чукотке будет открыта целая, давно забытая историческая эпоха — бронзовый век. Раскопки в Усть-Белой вели четыре дня. Для проверки прокопали даже на полуметровую глубину чистый материковый грунт по всей площади кургана.

12 сентября.

Сегодня в 9 часов утра отошли на двух лодках от берега вниз к Чикаево на соединение с другим нашим отрядом (№ 2) под руководством Бориса Юдина.

Денег осталось мало, и перед отъездом я вынужден был отказаться от проводника. Сказал Алину об этом, но старик не захотел уходить от нас: «Ты и так много мне дал, я провожу вас дальше без денег. Скоро помру, наверное, хочу проводить вас до конца. С хорошими людьми встретился».

Старик проводил нас до Утесиков.

Протившись со стариком и оставив лодку наверху, я пешком прошел все Утесики (вниз по течению): на бечевнике ничего, кроме трех каменных женских скребков и пластин от костяных лат, не оказалось. Неужели старик Лелейн неправду сказал, что на Утесиках много «писанных черепков»?

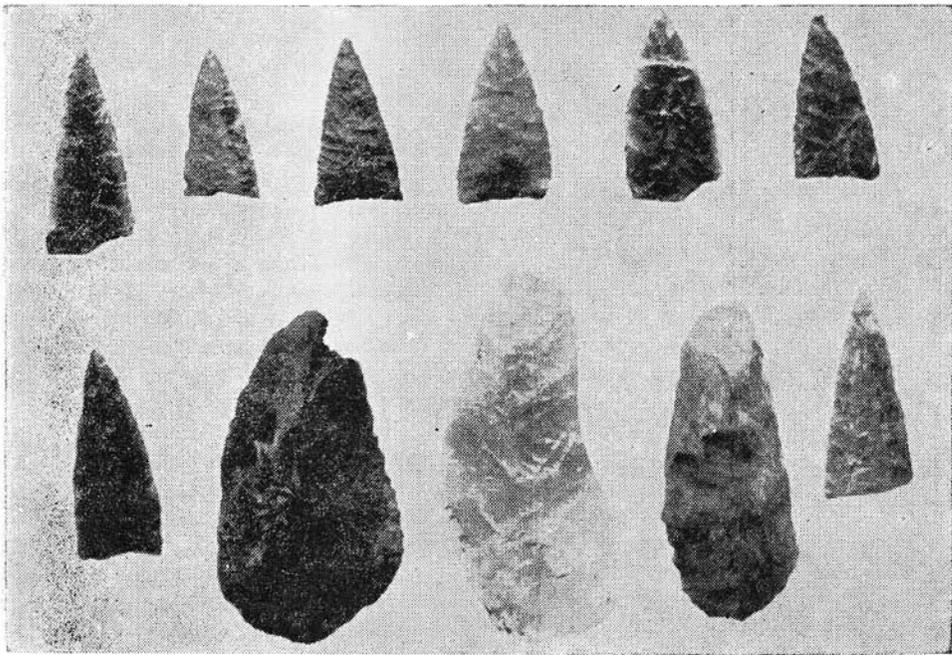
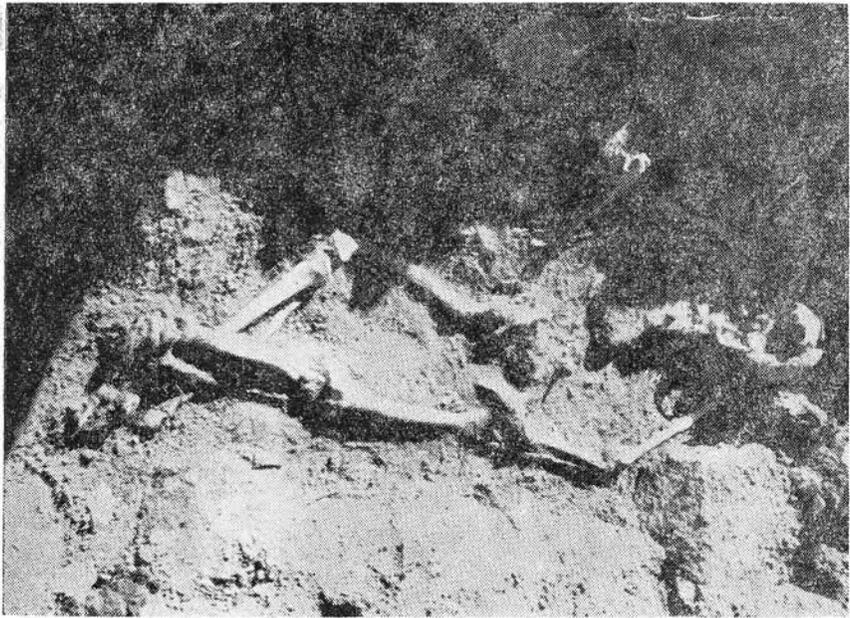

Рис. 23. «Бегущая по волнам».

Наша «Бегущая» — под парусом. Движемся довольно быстро. Со вчерашнего дня после очередной поломки мотора прошли от Утесиков не менее 70 километров. Теперь до Чикаево осталось километров 20.

Парус смастерили из палатки Владимир с Павлом. Да и веслами помогаем, гребем по очереди, сменяемся через каждый час (я в паре с Мишей, а Егор с Павлом).

До чего же хорошо: солнце, тепло, комаров нет. Опадает осенний золотой лист. Чудится, что чистый воздух звенит.

Весело плыть вот так под парусом. Миша поет, я фотографирую.

— Оригинальный снимок будет, — острит Владимир Иванович. — Бренные останки экспедиции возвращаются.

Загадочное захоронение черепов. К древнему становищу на Чировом озере. Удивительная находка в Усть-Бельском кургане

[Из дневника 1959 года]

13 июля.

Сегодня первый день новой экспедиции. Пока что разведка на Седьмом причале, на северном берегу лимана. Осматриваю еще раз то замечательное место, где в прошлом году нашли стоянку с человеческими черепами. Закладываем раскоп площадью 36 квадратных метров, и перед нами теперь полностью раскрывается этот уникальный, во многом еще загадочный памятник древней культуры.

В большом зольном пятне среди остатков рухнувшего надземного жилища находим куски черепа человека, три поворотных гарпунных наконечника из кости, терку, каменный пест, молот, тонор, костяную пику, ложку и другие поделки. Сваленные радиально по отношению к этому скоплению золы бревна лежат с южной и восточной стороны. Судя по их расположению, это остатки каркаса некогда стоявшего здесь жилища типа яранги или чума, а зольное пятно — остаток очага. Под бревнами широкой дугой вокруг очажной золы располагались другие человеческие черепа или их части (в том числе распиленные черепные коробки) вместе с различными каменными и костяными вещами бытового, хозяйственного и охотничьего назначения. Среди них обнаружили и костяные наконечники стрел, и кинжалы, и грузила, и остатки глиняных сосудов, и мотыги из моржовых клыков, шиферные ножи и другие вещи, а также многочисленные расколотые кости оленя и морских животных, и даже целый череп медведя, лежащий вместе с кусками человеческого черепа, черепками и костяными остриями. Как видно из плана размещения в раскопе всех этих вещей, они группировались отдельными скоплениями вокруг человеческих черепных костей, что придает всему памятнику ритуальный характер. В раскоп попала только часть жилища. Вход в него был с северной стороны на месте выкопанной здесь уже в наше время широкой траншеи.

День чудесный, солнечный. Участники экспедиции — Вася Истрашкин, Володя Денисов, чукча Вася Терелькут да моторист Панафидин Александр — хорошие добросовестные люди.

Впереди — весь бассейн Анадыря. Думаю, что на нашей «Бегущей» с двумя моторами мы много сможем пройти и сделать.

22 июля.

Наше путешествие началось 21 июля ночью. Погрузившись у анадырских причалов, зашли на Вторую Базу, запаслись там канистрой моторного масла и купили аптечку. Подбирая лекарства, фельдшер сообщил

нам неприятную новость: у нашего рабочего чукчи Васи Терелькута порок сердца, с ним часто бывают припадки и обмороки. Взяли для него специальные лекарства и решили везти его с собой: парень он хороший, старательный.

На первом же привале обнаружили, что резиновая лодка лопнула, а патроны к карабину не подходят. Придется их менять в первом населенном пункте, а пока будем пользоваться мелкокалиберкой и двухстволками.

...Теперь идем по лиману. Решили сократить путь и пошли прямо фарватером. Ветер свежее. Небо обволакивается тучками. Волна становится крупнее. Но до Американской кошки в устье реки Анадырь добрались благополучно, к всеобщему удивлению ее обитателей — рыбаков: им казалось невероятным, что мы на лодке прошли лиман напрямик, а не обычным кружным и долгим путем вдоль северного берега.

23 июля.

Остановились на правобережной косе при устье ручья у мыска, осмотренного мною еще в 1957 году.

Весь день ушел на разведку: сначала вверх по ручью к мысу, затем вниз по его течению. Потом еще раз осмотрел другой мысок на берегу Анадыря и прошел километра три-четыре дальше за мысок, вверх по течению Анадыря. Ничего археологического, только по ручью признаки каменного угля.

25 июля.

Из-за шторма вчера мы не могли двигаться дальше. Но и сегодня с утра ветер и «барашки» на реке. Идти все же придется. Наша цель — сопочка с тремя вершинками, где еще раньше мною была обнаружена мастерская каменного века.

После завтрака спустили лодку и обнаружили, что она дала течь. Пришлось ее проконопатить.

26 июля.

Шли в шторм, и лодку едва-едва не захлестывало. Длинный морской мотор ЛМ-6 сразу же отказал, на ходу пришлось поставить короткий — «Москву». Так и плыли на «Москве» до самой цели. И неплохо: винт под защитой кормы полностью провертывался, лодка ползла просто-таки «на брюхе» по косам, мелям и перекатам. Один раз пришлось всем тащить лодку волоком по мелководью.

Проехали рыбалку на косе Телеграфной. Кроме косы Телеграфной, осмотрел все мало-мальски приметные косы. На Телеграфной и нескольких других обнаружены отщепы, а на последней косе перед высоким мысом с осыпями оказалось заброшенное чукотское стойбище со следа-

ми от двух яранг, ямой для мяса и целой оленьей нартой с тремя парами прямых деревянных копыльев. Там же возле очагов — два скребла архаического типа из грубого серого камня. Впрочем, подобные скребла характерны и для всего периода от древнего неолита до современности.

К одиннадцати часам вечера на горизонте показалась сопочка с тремя вершинами. Я произвел разведку крутых суглинистых обнажений берега и чуть выше заброшенного чукотского стойбища, в террасе высотой около 10 метров, на глубине 4 метров обнаружил прослойку каменного угля.

В половине первого ночи пристали к сопочке — стоянка Осиновая. Утром начали работать. Заложили раскоп на месте древней мастерской, где в каменном веке производилась выделка обсидиановых орудий.

27 июля.

Утром, устроив ребятам выходной день, я с мотористом отправился в Красино. За продуктами и на разведку. В поселке встретился с прошлогодним моим мотористом Павликом Поляковым. Он рассказал, что на Красинской косе во время рытья ям для погребений на глубине одного или двух метров в гальке нашел много отщепов. Мы осмотрели это место. Рядом оказался береговой обрыв. При первой возможности надо произвести зачистку его обнажения.

На обратном пути на косе, где рыбалка, на правом берегу Анадыря моторист А. Панафидин обнаружил культурный слой с расколотыми костями оленей и обсидиановыми отщепами. Характер культуры такой же, как и у той, следы которой были обнаружены на поверхности кос. Это интересно: значит, люди эти были не только рыболовами, но, видимо, и оленеводами. Или только охотились на оленей?

Вернулись вечером, еще немного поработали на сопке. На раскопе нашли обсидиановый наконечник стрелы и миниатюрный концевой скребочек.

1 августа.

Завершив раскопки на Осиновой сопочке, разведывали анадырские косы.

Двигались вверх по Анадырю. Возле ближайшей рыбалки, на косе Осиновой, произвели зачистку обнажения. Александр Васильевич Никитин, корреспондент «Советкэн Чукотка», встретившийся нам на рыбалке, тоже принял участие в раскопках и был очень доволен своими удачными находками, особенно маленьким обломком прямого венчика от грубого толстостенного глиняного сосуда, который он извлек из нижнего слоя. Это была первая керамическая находка в памятниках культуры нижнеанадырских кос.

На ночевку устроились в тот вечер за новым поселком Краснено, на косе № 3, при выходе из Красного озера. Мы с мотористом произвели

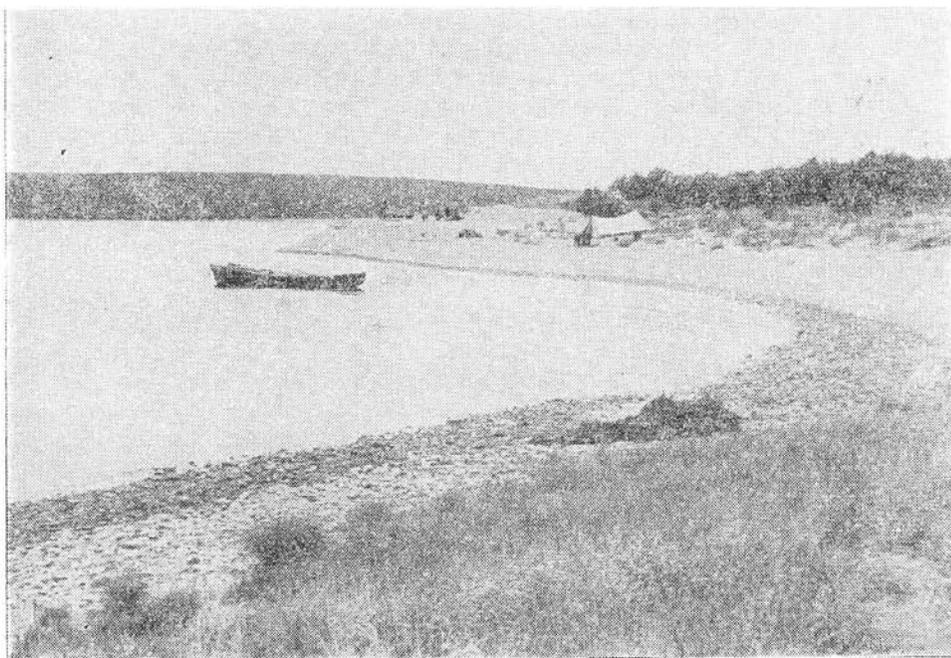
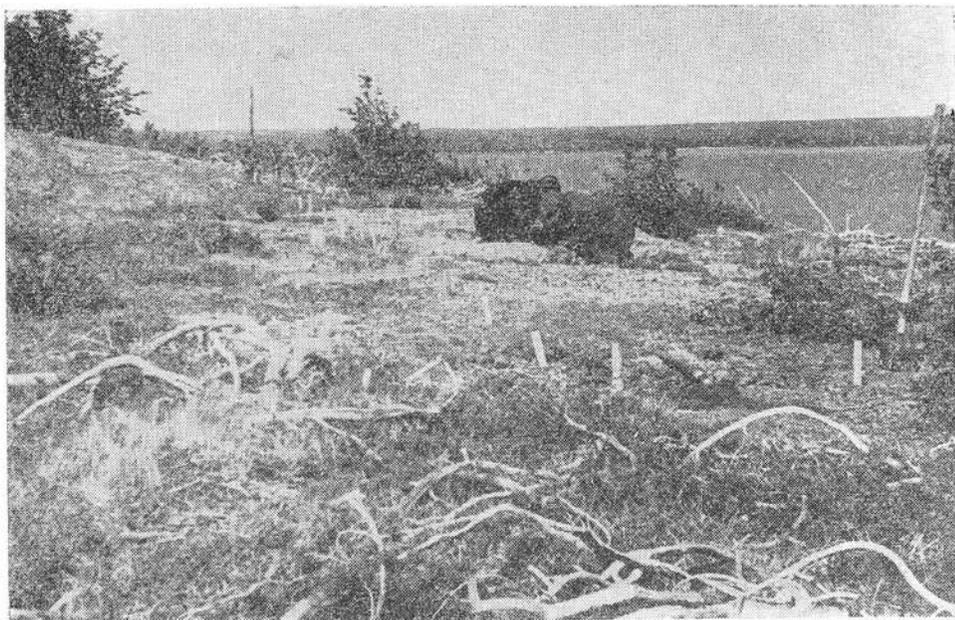

Рис. 24, 25 и 26. Поиски подъемного материала на Осиновой сопке. Наш лагерь на косе. Раскопки.

предварительный осмотр косы. Сложена из гальки. Множество грубых отщепов и осколков поблескивает всюду в размытом галечниковом валу косы.

Наутро 30 июля пошли на лодке на Красное озеро, оставив в лагере на косе Васю Терелькута (он был на положении больного). Хорошие сборы дала коса № 2. Но под кругом из камней, который я заметил еще в 1957 году, ничего не оказалось. Это был обычный очаг чукотской яранги.

После обеда делали зачистку разреза возле кладбища, где раньше мы находили и обсидиановые отщепы на глубине 2 метров.

Действительно, на глубине 1,8 метра оказались мелкие обсидиановые отщепы.

31 июля начали раскопки Осиновой косы. В первый же день Володя нашел там костяную рукоять от ножа.

1 августа копали с утра только час. Нашли колок от поворотного гарпуна и разбитые оленьи кости. Потом пошел дождь и ребята занимались только снятием дерна.

На другой день вся площадь намеченного раскопа (20 квадратных метров) была освобождена от дерна. На глубине 0,5 метра по всей пло-

щадя раскопа встречались нерпичьи и в еще большем количестве оленьи кости. Попался здесь и еще один черепок от грубого глиняного сосуда.

Кроме того, нашли следы двух кострищ, медвежьих клыки, обломок кирки из моржового клыка, точильный камень и загадочную подвеску из моржового клыка.

Начали копать и нечто вроде землянки рядом с этим раскопом. Обнаружили очаг и много целых и расколотых оленьих костей.

Установился ритм работы: по 7—8 часов в день, не считая двух часов ходьбы к месту работы и обратно. Такое хождение превращается в настоящую разведку, так как по пути к мысу находим на бечевнике реки различные древние каменные изделия, преимущественно обсидиановые. В числе их оказались даже три больших массивных наконечника, большие и широкие ножи и две-три абсолютно правильные ножевидные пластинки.

Возле самого нашего лагеря на поверхности и в дерновом слое обнаружили обсидиановые отщепы и шиферный нож рядом с лежащими на поверхности очень старыми, вросшими в землю рогами.

В этот день произошла смена моториста. Мотористом стал Вася Истрашкин.

Экспедиция пополнилась также и количественно — в ее состав принят новый рабочий — Виктор, ученик 9-го класса Анадырской средней школы.

Все хорошо. Плохо только, что мало патронов, а медведи бродят совсем близко.

3 августа.

Нашли на раскопе большой наконечник стрелы из кремнистого сланца и еще два черепка, подобных прежним. Кроме того, черепок я нашел на бечевнике по пути к раскопу от нашего лагеря. Таким образом, мы имеем уже довольно значительную коллекцию керамики этой новой поздней культуры. Жаль только, что не можем никак найти гарпун, хотя наши раскопки близятся к концу.

Моим рабочим очень трудоемкие раскопки здесь уже надоели. Приходится самому много копать, подавать пример. Под конец помогли товарищи с рыбалки.

Продолжали раскопки соседней землянки. На дне, на глубине одного метра — угли, очажные камни, много расколотых оленьих костей, но вещей нет.

4 августа.

Сегодня начали работать немного раньше, чем обычно: в 9 часов утра уже были на месте. Добрали остатки культурного слоя, обнаружили все те же кости и еще один черепок.

Покопали немного и пошли в землянку. Она очень плохо поддается раскопкам — дерн крепкий, да и у ребят нет к ней интереса. Раскопали

только половину. Возле очажного камня, на покрытом тонким слоем угля галечниковом полу обнаружили перевернутый каменный жирник, безусловно древний, теперь таких нет. Кроме того, нашли несколько каменных скребков, очень похожих на канчаланские. Костей в землянке было очень много, преимущественно оленьих, расколотых.

Пообедав, стали собираться плыть дальше. И тут на горизонте появился караван. Знаками мы попросили взять нас на буксир до Усть-Белой. На катере согласились, и мы погрузились на третий задний кунгас. Так удастся нам сэкономить и время и бензин, пройти быстро мимо уже исследованных нами берегов.

6 августа.

В Усть-Белую пришли неожиданно скоро, в 9 часов утра.

Лагерь разбили напротив молочной фермы, на стороне Усть-Белой, чтобы ходить на работу пешком.

В поселке встретил бывшего председателя колхоза Алексея Алексеевича Рыбалкина, подарил ему «Записки» нашего музея. От него узнал, что по Белой сейчас, пожалуй, можно подняться до Чирового озера. И план мой окончательно определился: на Чировое — любой ценой! Достал бензин, патроны, купил примус, продукты, договорился с проводником Алиным. Ходил на гору, с волнением смотрел на свои курганы. Еще немало надо поработать, чтобы раскопать их полностью — но это после поездки на Чировое. Усть-бельские ребята всюду следовали за мной и горстями передавали мне отщепы и «стрелки». Некоторые из этих моих молодых друзей пошли со мной на сопку...

И вот мы идем по Белой. Удастся ли преодолеть ее бурное стремительное течение? Медленно ползет наша «Бегущая». Еле-еле движутся берега. Но все же идем, идем на Чировое.

7 августа.

Вчера прошли от Усть-Белой вверх по реке не больше 25 километров. Три раза чинили моторы.

Палатки разбили возле сопочки (булгуньяаха) и сегодня утром шурфовали ее до глубины 0,5 метра. Оказалась желтая супесь с мелкой галькой. Впереди, вверх по Белой, до гор еще три таких бугра. Думаю, что и они не дадут находок.

Камешковая гора километрах в десяти. Думаю, что будем обедать возле нее. А почевать неплохо бы у Чуванского, при впадении речки Осиновой (возле острой сопки). Старик Алин рассказал, что ниже Чуванского было селение Петушково (оно и на карте обозначено). Там с 1912 по 1920 год жил русский Петушков, в Чуванском жили чуванцы. Они покинули Чуванское еще до поселения Петушкова. «Некоторые примерли, некоторые вверх, туда, в Марково, ушли», — объяснял мне старик.

Рис. 27. Проводник Алексей Дмитриевич Алин со своей женой.

...День сегодня чудесный. Светлая облачность, тихо, комаров мало. Вода реки Белой изумрудно-прозрачная, холодная. Алин сказал мне, указав на протоку справа:

— Эта протока называется Роговая. Там рога мамонтов находили. На обратном пути придется эту протоку осмотреть.

Затем осмотрели Камешковую горку, до которой наконец-таки с большим трудом добрались. Наверху — щебенчатая площадка и нечто вроде небольших каменных складок. Это место заслуживает самого тщательного исследования, тем более что здесь был переход оленей через реку.

Ниже, сразу за Камешковой горкой, — пережат. Тянулись по нему бечевой, да еще с помощью мотора. Течение невероятно сильное.

...9 часов вечера. Солнце через два часа скроется. Проводник обещает, что сегодня дойдем до Чуванского. А Петушково осталось в стороне — в другой протоке.

Пока плыли, он мне рассказывал, что олени переходили Белую в трех местах: у Камешковой сопки, у Бычьей горы и возле Усть-Двух. Переходили весной и осенью. Осенней порой по льду, иногда еще по воде. Били их с каюков, кололи копьями — поколюгами с железными наконечниками. Убитых связывали за рога по нескольку штук и буксировали к берегу. Поколка организовывалась так: два каюка, точнее две ветки, сшитые из трех досок, сдерживали оленей с боков. Третья ветка находилась посредине, и стоящий в ней охотник бил оленей направо и налево. В каждой ветке сидело по одному человеку. Оленей подбирали на буксир особые карбасы. В каждом карбасе по два-три человека. За полчаса хороший охотник мог забить до ста оленей. Из Марково приезжали бить оленей на Усть-Майн и Снежную, а по Майну, у Алгана, и сейчас еще бьют.

Старик знал и Алган, и Еропол, и Чуванское на Анадыре. Я предложил ему быть нашим проводником в этих местах в будущие годы. Алин сказал, что чуть пониже Чуванского по реке Белой есть скала Дракливая — там чайки гнездуются, птенцов выводят и дерутся, потому и название такое.

8 августа.

На ночь стали чуть ниже Дракливой скалы, на галечниковой отмели. Я пошел осматривать скалу — нет ли там писаниц или петроглифов? По почти отвесному склону с немалым риском взобрался наверх, где все заросло кедрачом. На небольших плешинках никаких следов человека.

Утром продолжали путь дальше. Осмотрели бывшее Чуванское на правом берегу Белой. Когда плывешь по реке, то ничего, кроме довольно высокой галечниковой отмели, не видно. Чуванское в глубь от берега метров на 100, за кустарником. Это место густо поросло травой, никаких следов незаметно. Мы увидели там только охотничий домик с каюком на крыше.

После Чуванского большой пережат. Опять подтягивались бечевой. Осталась половина горючего. Пути тоже половина.

Впереди Бычья гора, там остановимся на обед. С левой стороны впадает речка Майкина, где американец Майкин добывал золото.

9 августа.

Вчера прошли рекордно короткое расстояние — всего 3 километра вверх от Бычьей горы: настолько много здесь пережатов.

— Отпусти, бык, — взмолился старик, когда нас третий раз относило течением обратно к горе.

Весь участок от Бычьей горы на протяжении 3 километров по правому берегу горист. Четыре сопки образуют здесь нечто вроде вилки или гребешков.

Я дважды слазил на Бычью гору. Она сверху поросла кедром. Со стороны скалистых уступов, обращенных к реке, имеется камень, очень напоминающий голову оленя. Отсюда и название — Бычья.

Я вспугнул ястребиную семью, гнездящуюся на вершине утеса. Самец и самка кружились над моей головой, угрожающе клекоча и делая стремительные пикирующие выпады.

Весь вчерашний день мы были в мокрой одежде, резиновые сапоги наши были полны воды. Тем не менее никто не заболел и даже насморка не схватил. А спирта вечером вместе с Алиным мы не пили. Ему пришлось «лечиться» одному. Наши рабочие все непьющие. Прекрасно согрелись чаем.

10 августа.

Уже пятый день продвигаемся к Чировому озеру. Прошли свыше 80 километров. Теперь осталось километров 15 по Белой, 20 — по Эньмувааму до Мухоморненской метеостанции и столько же по реке Мухоморной и протоке в озеро.

Чировое озеро — цель достойная, стоит многих трудов и лишений. И чем больше трудностей, перекаатов и мелей, чем быстрее течение реки, тем настойчивее стремится наш коллектив к этой цели.

11 августа.

До Усть-Двух осталось несколько километров. Сегодня с утра обложной дождь и мы сидим в палатках, не решаясь пока двигаться дальше. Но к вечеру, несмотря на дождь, мы сняли лагерь и пошли на лодке дальше вверх по Белой.

Перед входом в Эньмуваам, на косе слева от устья, пополнили запасы бензина. Бочка с бензином и масло стояли просто так. Только на ведро с маслом положена доска, сверху камень — все рассчитано на честность. Мы взяли только два ведра бензина. У нас его не хватило до Мухоморной.

Продвигаемся по Эньмувааму. При входе слева оставили гряду сопки с плешинами наверху. Одна из сопочек особенно интересная. Но подход к ним с реки плохой. Осмотрим на обратном пути.

14 августа.

Вчера к вечеру пришли в Мухоморное. Начальник метеостанции тов. Брыкин уехал на Чировое. Договорился пока с его женой: она дала мне 50 килограммов бензина.

Все население этого пункта состоит из 6 работников метеостанции, 5 человек оленеводческой бригады, киномеханика, бригадира, фельдшера и заведующего магазином с женой.

Вместе с тремя детьми дошкольного возраста это составляет 19 человек. Люди все гостеприимные.

16 августа.

Отдохнув и пополнив в Мухоморном свой отряд людьми и снаряжением, двинулись дальше к Чировому озеру — теперь уже на двух лодках. Вторую небольшую лодку взяли у чукчи Вальвары, бригадира оленеводческой бригады, который поехал с нами.

На другой день были уже на озере, благополучно пройдя узкую, чрезвычайно мелкую и извилистую протоку. Сразу же нашли бугор с остатками знаменитой неолитической стоянки, открытой еще в 1953 году Н. А. Граве. Лагерь поставили у самого бугра. А наутро на его вершине уже кипела работа. Надо было воспользоваться установившейся сухой погодой и раскопать как можно большую площадь. Соорудили из ящиков носилки, на которых выносили землю из раскопа.

17 августа.

Наш раскоп достиг весьма значительных размеров — 120 квадратных метров. Раскопки производим поквратно с послойным вскрытием всей площади. Стратиграфия раскопа в общем совпадает с данными Н. А. Граве. Сверху идет дерн и черная луговая земля. Толщина этого слоя 10—20 сантиметров. Ниже — слой бурого суглинка с мелкой галькой толщиной 15—20 сантиметров. Еще ниже прослеживается пласт светло-бурой супеси тоже с мелкой галькой, примерно такой же толщины, и все это подстилается желтой глиной различной мощности. Еще глубже залегает зеленовато-серая глина.

В пределах раскопа появляется все более сложная система очагов и хозяйственных ям разного назначения. Все они, кроме одной большой ямы, расположены в двух понижениях: к западу и к востоку от широкой полосы желтой глины. Обнаруживается большое количество различных остатков человеческой жизни и деятельности, несомненно продолжительной, на этом исключительно удобном для рыбной ловли и охоты на оленей месте. Вокруг одной из таких очажных неглубоких ямок с угольками, осколками оленьих костей и несколькими обломками глиняной посуды найдены два кремневых скребка, обсидиановый нож, кремневый резец, обсидиановый наконечник стрелы и обломок кремневого наконечника, костяной зубец от остроги, пластинка из мамонтового бивня, костяное шило, 6 кремневых, 3 халцедоновых, 8 обсидиановых отщепов, а несколько в стороне — кремневый скребок, топорик и наконечник стрелы. Вокруг других кострищ и ям также оказалось множество расколотых оленьих костей, битой глиняной посуды с легкими текстильными отпечатками, кремневые наконечники стрел, скребки, отщепы, ножевидные пластинки, а возле одной большой ямы лежал даже каменный жирник очень примитивного вида.

Рис. 28. Раскопки на берегу Чирового озера (на бугре).

18 августа.

Вечером осмотрели скалистую сопку на северном берегу озера, куда всем коллективом приехали на «Бегущей».

Все пошли к живописным скалам наверх, только старик остался внизу.

— А я тут дрова сгрудил пока, — сказал он, когда мы вернулись, показав на кучу сухостоя.

Его забота о неизвестных людях была нам уже хорошо знакома. Он то банку оставит на воткнутой палке, то дров соберет, прежде чем покинуть это место. Так известный на Севере обычай взаимопомощи проявлялся на наших глазах.

Дождь, работать нельзя. Приходится отсиживаться в палатках и мечтать о солнце и тепле. Для нас это страшная беда, и старик Аллин пытается умиловить природу:

— Дай солнце, Анадырь! — обращается он несколько раз к реке, потом объясняет нам: — Анадырь — это хозяйн реки, он в верховьях.

Старик смотрит в сторону верховьев Анадыря.

19 августа.

Более всего заставила нас думать желтая глина, неожиданно появившаяся на раскопе местами прямо под дерном, а местами — глубже.

Первое мое предположение: глина естественного происхождения и залегает пластами, чередуясь с культурными слоями. Действительно, в ряде мест находки (угольки, отщепы, керамика) были под глиной или между глиной. Один пакет находок взят как раз из такого залегания.

Но впоследствии вдруг обнаружили глиняную печь для копчения рыбы, и все сразу приняло другой вид; стало ясно, что глина составляет какую-то конструкцию. Стали зачищать ее, и выступили какие-то стены и очаги — в целом нечто напоминающее остатки слегка углубленного в землю жилища. К сожалению, не раскопали всю площадь этого жилища. Начался спад воды в озерной протоке, и мы должны были выбраться из озера, пока оно не стало нам ловушкой. Впрочем, картина жизни древних рыболовов открылась нам здесь уже достаточно широко и убедительно.

Выбрались из озера по быстро мелевшей протоке почти волоком и благополучно вернулись в Мухоморное.

На мысовидном выступе высокой, 10—12-метровой террасы правого берега реки Эньмуваам, неподалеку от Мухоморненской метеостанции в поверхностном буром суглинке собран неолитический материал: острый лавролистный обитый с обеих сторон нож или наконечник копья из серого кремня, 5 обсидиановых отщепов, 11 отщепов из красного кремня, 5 халцедоновых и 16 из серого кремня и осколок трубчатой кости.

20 августа.

Только что простились с нашими новыми друзьями — Вальварой и его женой. Хорошо поработал у меня Вальвара, добросовестно. Я подарил ему свой составной котелок, который ему очень понравился. На прощанье устроили дружеское чаепитие в его палатке. Жена Вальвары вытащила из мешка и подала мне новые красивые торбаса.

— Это мой подарок тебе!

Пять дней мы поработали на Чировой сопке. А теперь идем обратно вниз по Эньмувааму и далее по Белой к Усть-Белой.

— Вернешься еще, — сказал старик Алин, когда я, уже простившись с Вальварой, вернулся в его палатку за забытыми вещами. — Такая старая примета есть.

Заводим мотор, машем руками и шапками на прощанье.

— Счастливого пути!

...Чуть выше Усть-Двух прошли скалу красного камня, на правой стороне слегка поросшую очень низкой растительностью.

...В дождь поднялся на вершину с зубчатым, как средневековая крепость, каменистым гребнем. У выхода скалы-гребня — площадка из бурой земли и крупной редкой щебенки. Отщепов не видел, желательно еще осмотреть. Перспективны соседние бугры.

Все косы затопило. Наверно, Эльгыгытгын дал воду. Залиты все бечевники.

21 августа.

На обед остановили лодку у горы Камешок. Бечевник, на котором мы останавливались, когда шли вверх, залило водой. Причалили прямо к скале. Пока дежурные Володя и Вася Терелькут готовили обед, мы вместе с Васей Истрашкиным и Витей Кавой шурфовали под каменными кладками на щебнистой вершине этой горы.

Под двумя неглубоко врытыми в землю каменными кладками, которые меня заинтересовали своими врытыми на ребро плитками, ничего, кроме глины со щебнем, не нашлось. Зато под третьей, наиболее определенной круглой оградкой из плит диаметром 80 сантиметров на глубине 40 сантиметров оказались отдельные углы в глине: сверху большие обломки камня. Значит, это были не природные образования, как можно было думать, а очаги.

Сели в лодки и поехали дальше.

— Медведь! Медведь! — вдруг вскричал Володя. — Карабин! Карабин! Скорее!

Я осмотрелся. На возвышенности, где мы только что копали, увидел спокойно прогуливающегося медвежонка. Пока доставали карабин, он скрылся за гребнем.

27 августа.

В Усть-Белую пришли вечером 21 августа. Мотор после горы Камешок так и не завелся, пришлось поработать веслами.

На другой день с помощью усть-бельских колхозников начали раскопки на горе. Раскопали курган № 12. В трех местах на глубине 20—30 сантиметров попались обломки человеческих костей, чуть глубже — человеческие зубы, а рядом с ними — много наконечников стрел и клыки медведя.

29 августа.

Итак, мы уже восемь дней в Усть-Белой. Вчерашний и сегодняшний день оказались особенно удачными. Еще позавчера я заложил шурф в кургане № 9 в его северо-западной стороне, на месте небольшой, заросшей травой впадины. За этим шурфом я наблюдал с особенной надеждой и волнением. Вскоре оттуда была извлечена нижняя челюсть человека. После этого все наши рабочие-чукчи были направлены на этот курган. Надежды мои оправдались: в узком пространстве между останцом и двумя-тремя большими глыбами оказались останки человека, погребенного ногами на север, присыпанного сверху красной охрой. Правда, кости сгнили, череп очень разрушен. Но зато найден богатый набор вещей, целый охотничий арсенал. И — теперь это уже не новость! — медвежий клык снизу и сверху у черепа (невольно восстанавливается в памяти таежный сибирский культ медведя) и захороненная собака в непосредственной близости от него, в верхней части кургана, над костром.

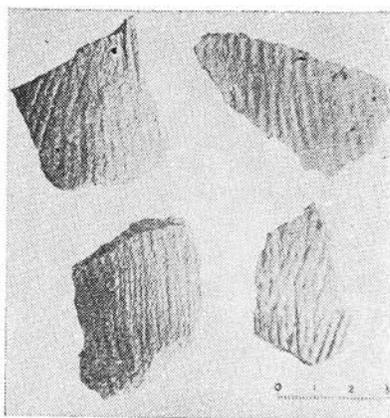
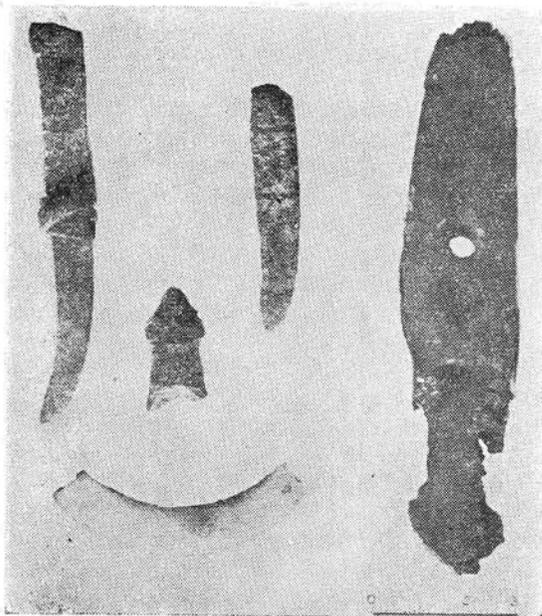

Рис. 29, 30. Бронзовые резцы, кремневая фигурка, обломок нефритового кольца и поворотный наконечник гарпуна из погребения в кургане № 9. Фрагменты глиняной посуды из этого же кургана.

Но самой удивительной находкой был здесь наконечник поворотного гарпуна. Он лежал на груди покойника вместе с большим бронзовым резцом, возле которого сохранился клочок медвежьей шерсти, и рядом с длинной ножевидной пластинкой.

Кроме того, в разных местах могилы оказалось много других типично неолитических каменных изделий: обсидиановый, кремневый и два халцедоновых наконечника от стрел, несколько скребков, пять двусторонне ретушированных прямоугольных вкладышевых лезвий из халцедона вместе с остатками деревянной оправы, кремневый наконечник конья, каменный топорик, костяная затычка от гарпунного надувного поплавка, скребки, отщепы. Рядом мы нашли и обломки глиняной посуды с различными оттисками, в том числе и шнуровыми (рис. 30). А глубже, под погребением, на самом дне каменного ограждения могилы, в глинистой, окрашенной охрой земле неожиданно обнаружился целый клад из очень большого количества каменных отщепов, скребков, наконечников стрел, резцов, еще двух топориков и двух плоских шиферных инструментов.

Все работали с большим энтузиазмом. Помогали мне и двое ребят-добровольцев — Вася и Юра. Они просто поразили меня своей настойчивостью. Несмотря на жестокий холод и ветер, они до вечера работали в обнаруженном погребении, помогали мне извлекать из отвердевшей

глины многочисленные отщепы, наконечники, скребки и прочие вещи из кремня и обсидиана.

Тщательно упаковываем все наши драгоценные находки, особенно самую замечательную из них — рассыпающийся от ветхости поворотный наконечник гарпуна. Жаль, что приходится бросать такие интересные раскопки. Еще не вскрыто четыре кургана, но надо ехать в Анадырь.

30 августа.

Сегодня встретил меня на улице Иван Зиновьевич Никулин, чуванец преклонных лет.

— Хочу с вами познакомиться, — сказал он мне, подавая руку.

Уселся на бревно, и Никулин рассказал мне о местонахождении следов древнего побоища на реке Чиневеем.

Никулин рассказал, что он видел когда-то на сопочке, возле Чиробого бугра, в яме железный наконечник копья с остатками древка. Сопочка частично поросла кустарником. Она находится на правом берегу реки Чиневеем, в двух-трех километрах от ее устья. Речка впадает в Анадырь в 8 километрах от Усть-Майна слева. От Усть-Майна надо держаться все время правой руки, чтобы найти устье этой речки, первой от Усть-Майна. В том месте, кроме этой невысокой (до 8 метров) сопочки, имеется еще и другая, на болоте. Она выше, с двумя вершинками.

При случае неплохо бы туда заглянуть. Никулин предлагает себя в проводники. Проводник он неплохой, опытный. Недаром ведь он внук Василия Захаровича Никулина, жившего 120 лет, подновившего известный деревянный крест со старославянской надписью возле старых землянок на левом берегу Анадыря, чуть ниже Усть-Белой.

После беседы с Никулиным я взобрался на хребет к могильнику. Тщательно снял планы со всех курганов, а также проверил еще раз разрезы раскопов, сфотографировал все и даже немного покопал. В каменной домовине кургана № 9 отвалил нижний камень в самом углу под боковой плитой и в глине нашел под ним еще один черепок и зеленый кремневый отщеп. Еще раз внимательно осмотрел весь могильник. Вспомнилось, как в 1956 году впервые пришла догадка: здесь древнее, необычайно своеобразное кладбище! До сих пор не забылось то острое ощущение, которое охватило тогда меня при виде курганов, самых настоящих курганов, ясно проступающих при вечернем освещении среди камней, беспорядочно разбросанных на плоской голой вершине. Догадка, а затем внезапное, как озарение, убеждение, что это действительно первый древний могильник континентальной Чукотки! Только археолог поймет приподнятое настроение, охватившее меня в те минуты. А потом два сезона безуспешных поисков и почти полное отрицание этой догадки. Ни в 1956, ни в 1957 году здесь не удавалось обнаружить погребений, курганы оказывались не могильными, а какими-то непонятными ри-

туальными сооружениями. И только 1958 год дал ясную картину — под курганом № 8 было найдено четыре захоронения, в этом же году признаки захоронений были обнаружены в каждом раскопанном кургане. Так подтвердился закон отрицания отрицания: первое интуитивное впечатление оказалось правильным.

Это древнее кладбище надо раскопать полностью непременно в нынешний сезон. Придется вернуться сюда через недельку.

23 сентября.

Вчера утром производил последние раскопки в Усть-Белой, а уже днем того же дня караваном на катере «Сиваш» отошел из Усть-Белой вниз по Анадырю.

Раскопки в Усть-Белой за текущую неделю в целом небезрезультатны: остатки двух разрушенных погребений в кургане № 15, в том числе обломки черепа, и возле останца № 18 — следы совсем сгнившего скелета (сохранился только эпифиз бедра и охра на глубине полуметра), множество изделий из камня. После этой последней находки можно считать, что захоронения возле Усть-Белой отнюдь не всегда связаны с курганами, а совершались и просто возле скальных останцов. Ведь и в курганах они, как правило, под камнями останцов.

Все 15 усть-бельских курганов раскопаны, но там можно продолжать раскопки возле останцов и под задернованной поверхностью. А таких участков на могильном бугре немало.

Поездка на Амгуэму и Анадырь в 1963 году

Это был побочный маршрут поздней осенью после генеральной разведки по морскому побережью Чукотки. Однако он дал много новых материалов к истории чукчей и юкагиров.

Поездка началась с Амгуэмы, куда наша экспедиционная группа попала несколько необычным путем — на тракторе из Ванкарема. Тяжелые льды закрыли нам путь от Ванкарема к Амгуэме по морю. На выручку нам пришел ДТ-54а (лучшая марка трактора для тундровых переходов). И двести километров до низовья Амгуэмы мы прошли без единой аварии. У меня и других участников перехода осталось самое хорошее впечатление об этом столь необычном для археологов и довольно распространенном у геологов виде транспорта. Трактор легко тащил по болотистой тундре огромные сани со всем экспедиционным скарбом и людьми. Нагрузка была немалая. Ведь к нам в Ванкареме подсела еще группа оленеводов, спешивших на амгуэмские пастбища. Чтобы как-то защититься от холодного северного ветра, мы натянули на сани палатку. Но и она не всегда спасала. Начавшиеся заморозки давали о себе знать: мерзли руки и ноги. И когда становилось невмоготу, прыгивали с саней

Рис. 31. Разборка камней усть-бельского кургана № 15.

и шли пешком. Отдельные участники перехода практически прошли весь путь пешком.

Наш разведывательный маршрут завершился весьма значительной находкой. На правом берегу впадающей в Амгуэму реки Экиатап мы обнаружили могильник.

Произошло это так. Оставив Петра Гунченко, Илью Гурина, тракториста и старого чукчу-проводника разбивать лагерь под обрывом у самой Амгуэмы, я пошел обратно вверх по Экиатапу. Был вечер, и мне надо было засветло осмотреть сопку, что заманчиво виднелась километрах в двух. Когда на нее взобрался, повторилась та же картина, которая мне однажды открылась на вершине Усть-Бельской сопки. Передо мной предстал почти такой же могильник.

Его погребальные сооружения были наполовину естественного происхождения. Это были самые обыкновенные останцы скал, возле которых вырывалась яма и засыпалась затем обломками гнейсовых плит. Их здесь на плоской поверхности сопки было бесконечное множество. Получалось, таким образом, нечто вроде плоских курганчиков с торчащей из них глыбой скалы.

К сожалению, большая часть погребений оказалась пустой. Каменная засыпка была неплотной, в могильник проникали воздух и осадки, кости сгнили начисто. Вещей же в них было немного. Только в одной могильной яме попался целый клад кремневых наконечников. Они были все черешковые и тщательно оформленные двусторонней отжимной ретушью. Типично усть-бельская манера захоронения и типично усть-бельская техника изготовления наконечников! Но в форме наконечников бросается в глаза своеобразная деталь — черешок, вообще-то не очень частый в усть-бельских курганах.

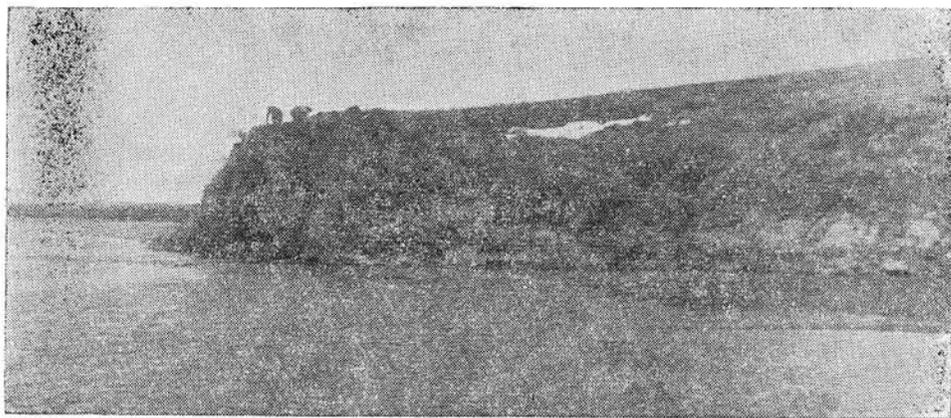

Рис. 32. Вид на четвертую неолитическую стоянку против 102-го километра Амгуэмской трассы.

Два дня мы исследовали эту интересную сопку и ее окрестности. Затем, отправив трактор к амгуэмскому парому, с Петей Гунченко пересели на моторные лодки, любезно предоставленные рабочими Иультинского комбината, направились вверх по реке к переправе. Это была замечательная возможность осмотреть с воды береговые обнажения на том участке Амгуэмы, который мною еще ни разу не обследовался. Обрывистые скалистые берега реки на протяжении сотни километров были совсем безжизненными не только сейчас, но, очевидно, и в далеком прошлом.

Обильный археологический урожай достался нам только на скалистых мысах против 102-го километра. Читатель помнит, что там нам удалось найти три древних стоянки еще в 1957 году. Теперь же на одном из мысков была обнаружена четвертая, наиболее интересная неолитическая стоянка с большим количеством битой глиняной посуды, каменными резцами, ножами и наконечниками стрел своеобразной односторонневыпуклой формы. Но самым существенным, как потом оказалось, были древесные угли из кострищ. Они позволили вскоре подтвердить ранне-неолитический возраст амгуэмских стоянок.

Через сутки самолет нас доставил в Анадырь. Там мы побыли всего несколько часов. И вновь трудяга «Аннушка» перенесла нашу экспедицию на несколько сот километров к уже знакомой нам Усть-Белой. Не теряя времени, дружно взялись за лопаты и раскопали все, что осталось здесь неисследованным. Попутно провели раскопки такого же могильника в шести-семи километрах в сторону Снежного на Омрынской сопке. На этом археологические раскопки в Усть-Белой были завершены.

Приближался октябрь. Начались сильные заморозки. Надо было топориться, пока не стала река, к конечной цели маршрута — Вакаревской

Рис. 33. Иван Зиновьевич Никулин.

стоянке, а затем осмотреть прибрежный бугор на реке Чиневеем, о своих находках на котором И. З. Никулин говорил мне несколько лет назад. Однако Чиневеем покрылся плотным льдом, и нам пришлось ограничиться лишь раскопками в Вакарево.

Нагруженные древним вакаревским углем для радиоуглеродного определения возраста интригующе своеобразной культуры (очевидно, предков юкагиров), через несколько дней мы были в Марково. Здесь нам вновь повезло. Вблизи села, на Юкагирской сопке, нашли еще один могильник, несомненно древнеюкагирский, раскопали на нем несколько погребений. А когда выпал первый снег, рейсовым самолетом вылетели в Магадан.

Истоки неолитической культуры на Чукотке

Наши поиски по следам древних костров континентальной Чукотки еще далеко не закончены. Они будут продолжены в течение ближайшего ряда лет. Но и теперь можно сказать много нового о тех неведомых племенах новокаменного века (неолита), которые распространялись с юга по Чукотке и Северной Америке.

Четыре-шесть тысяч лет назад все новые и новые костры охотников и рыболовов загорались то в одном, то в другом месте бескрайней тайги Сибири и в тундрах Северо-Восточной Азии. Именно тогда, при наиболее благоприятных климатических условиях, происходило самое интенсивное освоение Чукотки и всего азиатского Крайнего Севера.

При этом расселение людей из центральных, а ранее, вероятно, даже из юго-восточных областей Азии по огромным пространствам тайги и тундры происходило не в результате каких-то больших организованных походов или переселений на дальние расстояния, а путем естественного и непрерывного отпочковывания небольших человеческих групп

и освоения ими соседних нетронутых охотничьих угодий. Это был весьма длительный процесс, и ничто не могло препятствовать такому медленно, но неуклонному и поистине безграничному расселению человечества. Охотнику все равно куда двигаться, лишь бы не оказалось на пути непреодолимых препятствий и был зверь для охоты. Его не страшит даже перемена климата, которая при медленном вековом движении почти не осознается.

В конце концов ко II тысячелетию до н. э. довольно однообразная материальная культура охотников и рыболовов распространилась и по Чукотке, и далеко на запад и восток от нее — от Таймыра до Гудзонова залива и даже до Гренландии.

Предварительное изучение материалов экспедиции позволяет уже сейчас выделить на Чукотке несколько территориальных, отчасти разновременных вариантов культуры этих арктических охотников и рыболовов: Эльгыгытгынский, Усть-Бельский, Айонско-Амгуэмский, Нижне-Анадырский.

К наиболее древнему периоду, когда еще не употреблялась глиняная посуда, с уверенностью можно отнести несколько местонахождений в разных местах Чукотки. Каждое из них по характеру обнаруженных каменных изделий настолько отличается друг от друга, что, пожалуй, было бы неправильно относить их к одной культуре.

Так, на вершине сопки у села Усть-Белая, при впадении реки Белой в Анадырь, были обнаружены тонкие, заостренные с двух концов, обработанные изящной улощающей ретушью наконечники. Наконечники эти имеют сходство с кремневыми наконечниками из нижнего, мезолитического слоя стоянки на мысе Денби и из третьего слоя на мысе Круженштерна на Аляске.

Некоторое сходство с этими находками имеют и предметы, найденные в 1955 году геологами Саяпиным А. К. и Некрасовым И. А. в расщелине скалы на горе возле озера Эльгыгытгын, на пути сезонных передвижений диких оленей. Под большой каменной глыбой здесь оказался тайник, в котором древний мастер спрятал все свое богатство — груды кремневых клинков, обработанных тщательной отжимной ретушью с обеих сторон. Неподалеку, на самом берегу озера, оказалась и стоянка тех людей, которым принадлежал тайник. Хотя здесь и не было обычного для поселений каменного века культурного слоя, а вещи находились в беспорядке в мелкой гальке, все же отходы от производства кремневых изделий и немногочисленные орудия из кремня показывают, что люди неоднократно останавливались во время своих охотничьих и рыболовных экспедиций в этом отдаленном и труднодоступном месте.

В основном к этому же раннему периоду можно отнести и айонско-амгуэмскую группу памятников. Стоянки, обнаруженные на острове Айоне и в бассейне реки Амгуэмы, объединяются весьма характерными внешними признаками: наконечники стрел часто имеют вид массивных

и длинных двусторонне обработанных острий. В отдельных случаях такие наконечники имеют ромбическое поперечное сечение, попадаются плоские наконечники с округленным боевым концом и черешковые.

Керамика встречается очень редко. Только на острове Айоне, где культурные остатки имеют, очевидно, более поздний возраст, и на некоторых амгуэмских стоянках (на 102-м километре) найдено несколько тонких черепков. Становища обнаружены на путях миграции диких оленей на острове Айоне, в горах на реке Якитикивеем, где олени летом спасались от комаров.

Учитывая эти находки и открытия в других областях Арктики, на Аляске и в Гренландии, где прослежена так называемая палеэскимосская или, вернее, доэскимосская культура Саркак, можно предполагать, что около IV—III тысячелетия до н. э. и здесь обитали древние охотники, часть из которых еще не пользовалась глиняной посудой. В технике обработки камня у них многое было еще от мезолита, и прежде всего умение скалывать тонкие и мелкие ножевидные пластинки. Стрелы, ножи и скребки — вот наиболее типичные орудия труда и охоты того времени.

Охотничьи сцены из жизни именно этих тундровых охотников или их потомков запечатлены на некоторых наиболее ранних замечательных пегтымельских петроглифах, о которых мы расскажем в конце книги.

Археологическую датировку подтверждают физики

Радиоуглеродным методом был подтвержден очень древний возраст амгуэмских неолитических стоянок. Угольки, извлеченные нами в 1963 году из культурного слоя Четвертой стоянки против 102-го километра трассы, были переданы в радиоуглеродную лабораторию геологического института Академии наук СССР.

Профессор В. В. Чердынцев вскоре мне сообщил, что этим остаткам древнего костра 6 600 лет.

Таким образом, амгуэмские охотничьи стоянки, исследованные нами в районе 102-го километра иультинской автомобильной дороги, могут рассматриваться как одни из древнейших археологических памятников Чукотки.

Несколько более позднюю и наиболее обширную группу исследованных нами памятников относим к Усть-Бельской внутриконтинентальной культуре, названной так по Усть-Бельскому древнему могильнику — самому значительному и яркому древнему памятнику Чукотки. К этой культуре должны быть причислены, кроме того, многие стоянки по среднему Анадырю. Они расположены преимущественно у сезонных, весенних или осенних переправ северного оленя через реки (Усть-Белая, Камешки, Увеснования, Утесики, Вилка, Чикаево).

Материалы поселений, и в том числе сама их топография, с большой силой рисуют характер жизни их обитателей. Основой существования этих племен была, как и прежде, охота на дикого северного оленя, которая дополнялась, вероятно, рыбной ловлей и собирательством растительной пищи.

Для этой древней культуры характерны многочисленные наконечники стрел, ножевидные пластинки, нуклеусы, резцы, скребки, мясные ножи, изготовленные из черного стекловидного камня — обсидиана или кремнистых пород техникой тонкой обивки и отжима, а также тонкая лепная глиняная посуда с незатейливым бороздчатым узором. Примерная дата этих стоянок, судя по известным аналогиям на Нижней Лене и Аляске, — II—I тысячелетие до н. э.

Именно эту дату, основанную на сугубо археологических соображениях, блестяще подтверждают ленинградские физики С. В. Бутомо и др. Новейшим радиоуглеродным методом (по С-14) определяют они возраст углей из древнего костра в верхней части одного из усть-бельских курганов (№ 15).

Углям 2860 лет от нашего времени с допуском плюс-минус 95 лет, что соответствует самому началу I тысячелетия до н. э. Наиболее глубокие слои в этих курганах, разумеется, должны быть еще более древними (конец II тысячелетия до н. э. и ранее).

Не бродячий образ жизни, а оседлость

До сих пор принято было считать, что древняя внутриконтинентальная культура Чукотки принадлежала бродячим охотникам и рыбакам — предкам юкагиров.

После наших исследований эта культура (в ее усть-бельском варианте) предстала в несколько ином свете. Она оказалась, как мы увидим дальше, значительно более развитой и сложной и отнюдь не только древнеюкагирской. Выяснилось также, что население континентальной Чукотки вело в то время более оседлый образ жизни, чем предполагалось прежде. На стоянках рассматриваемого периода часто встречались обломки очень тонких глиняных сосудов, и уже это убеждало нас в известной оседлости обладателей такой хрупкой посуды, которая была бы очень неудобной при так называемом бродячем образе жизни. Наличие довольно значительных культурных слоев в тех случаях, когда геоморфологические условия способствуют нарастанию почвы (как на стоянке на берегу озера Чирового или на берегу Анадыря возле поселка Снежное и против устья реки Танксерра), или просто обилие следов человеческой работы на поверхности там, где почва не нарастает (Усть-Бельская стоянка), еще более убеждает в известной оседлости интересующих нас обитателей Чукотки. Наконец, само расположение стоянок

у сезонных (осенних или весенних) оленьих переправ через реки (Усть-Белая, Камешки, Увеснования, Утесики, Вилка, Чикаево и др.) или на берегах обильных рыбой озер (Чировое, Эльгыгытгын) хорошо объясняет, чем могла поддерживаться такая довольно устойчивая оседлость: охотой на оленьих плавях, рыбной ловлей, а летом собирательством. Обитатели нижнего и среднего Анадыря охотились, как мы увидим дальше, и на ластоногих — лахтаков и нерп.

Особенно наглядную картину сравнительно оседлого быта континентального населения Чукотки дали наши раскопки стоянки на берегу озера Чирового. Кроме каменных наконечников стрел, топоров, скребков, отщепов, костяных зубцов от острога на рыбу и расколотых оленьих костей, там попадались также и большие скопления тонких глиняных черепков посуды. Мало того, в довольно толстом (до 0,5 метра) культурном слое этой стоянки оказалась даже глиняная печь вполне стационарного типа для копчения рыбы и несколько хозяйственных ям для хранения мяса.

Думается, что реконструируемая подобным образом оседлость часто была «не от хорошей жизни», а вызывалась и поддерживалась отсутствием необходимых транспортных средств, невозможностью в условиях голой холодной тундры быстро и часто заново обзаводиться жильем, а тем более перекочевывать со всем домашним скарбом. На Чукотке нарты, упряжные олени и собаки появились сравнительно недавно. И если внезапно истощались охотничьи и рыбные угодья, это нередко влекло за собой голод и смерть для всего населения. Вымирали порой чуть ли не целые племена, как это случилось, например, с юкагирами, когда дикие олени, на которых они охотились, неожиданно изменили маршрут своих сезонных миграций.

Юкагиры не имели возможности идти в погону за кочующими по тундре стадами животных, как не имели такой возможности древние обитатели Чукотки до возникновения у них оленеводства или такого упряжного собаководства, какое имеется у эскимосов-карибу арктической Америки.

Некоторая оседлость, наличие более постоянных поселений не исключали, разумеется, передвижений отдельных охотников налегке, без семей, с промыслово-охотничьими целями или в поисках сырья для изготовления орудий.

Поэтому встречаются на Чукотке стоянки с ничтожным количеством производственных и культурно-бытовых остатков и так называемые «мастерские». Быть может, были и передвижения отдельных семейно-производственных или даже родовых групп в полном составе, но подавляющая часть населения всегда жила более оседло в благоприятных местах континентальной Чукотки. Таким образом, нельзя считать все неолитическое континентальное население этой страны абсолютно бродячим.

Чьи предки охотники и рыболовы II—I тысячелетий до н. э.!

На этот вопрос отвечает череп, обнаруженный в кургане № 8 Усть-Бельского могильника, — самый древний из когда-либо раскопанных на Чукотке и вообще на Дальнем Востоке. Пролежав в земле около 3 тысяч лет, он довольно хорошо сохранился. Весной 1959 года, через год после извлечения из кургана, он был доставлен в Ленинград к антропологу И. И. Гохману. Молодой ученый с волнением (ведь это пока единственный череп континентального неолита Чукотки!) приступил к работе. Он полностью реставрировал череп и самым тщательным образом измерил его. Оказалось, что череп принадлежал мужчине 35—40 лет, который имел плоское, высокое и широкое лицо со слабо выступающим носом, что характерно для монголоидов и само по себе не представляет ничего особенного. Стремясь определить для этого черепа расовый тип второго порядка, антрополог И. И. Гохман столкнулся с неожиданным фактом: череп сочетает признаки арктической расы (дольхокрания, высокое лицо, длинный нос, малое выступание носовых костей) и в меньшей мере — байкальского типа североазиатской расы (прямой профиль — ортогнатность). В целом череп близок не столько к юкагирам (байкальский тип), сколько к оленным чукчам. При этом он резко отличается от древних черепов соседней Якутии (Бугучан и Туой-Хая).

Таким образом, результаты измерений черепа из Усть-Бельского могильника заставляют по-новому подходить к решению проблемы происхождения народностей Чукотки. Вопреки прежним предположениям археологов (А. П. Окладников) и антропологов (М. Г. Левин), оказывается, что культура охотников и рыболовов, обитавших во II—I тысячелетиях до н. э. в чукотской тундре, принадлежала предкам не только юкагиров, а, вероятно, общим предкам и других народностей Северо-Восточной Азии, возможно, коряков, и прежде всего, конечно, оленных чукчей. Ученица известного антрополога-художника М. М. Герасимова — Г. В. Лебединская восстановила по усть-бельскому черепу лицо, и теперь в Анадырском и Магаданском музеях можно увидеть, как выглядел человек, живший на Чукотке около трех тысяч лет назад.

Бронзовый век — новая глава истории Чукотки

В погребениях Усть-Бельского могильника в 1958 и 1959 годах были найдены впервые на Чукотке бронзовые изделия (по одному резцу в нижней могиле кургана № 8 и вместе с погребенным под курганом № 9, а также четырехгранное шильце в могиле № 2 кургана № 8).

Спектральным анализом обнаружен обычный для древней бронзы Сибири состав сплава этих изделий. Эти немногочисленные бронзовые инструменты были обнаружены в окружении множества каменных

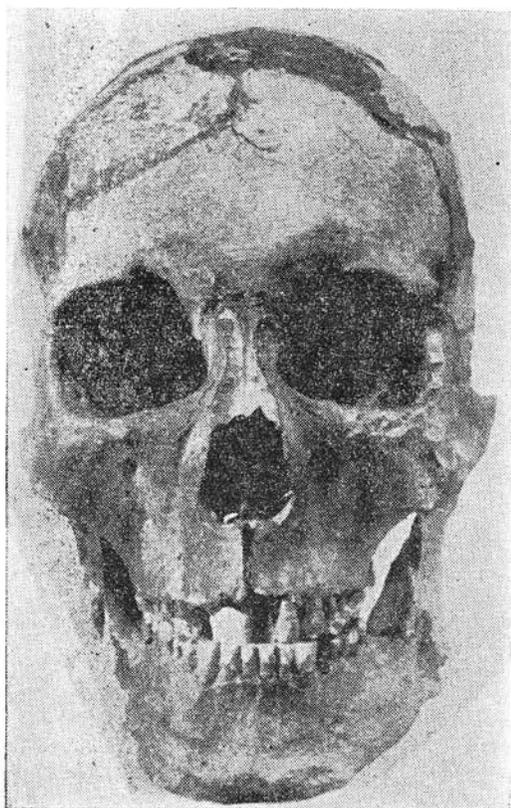

Рис. 34. Череп из усть-бельского кургана № 8 после реконструкции.

вещей, типичных для поздних этапов неолита Прибайкалья, Северной Якутии и континентальной Чукотки. Очевидно, употребление бронзы на Чукотке вошло в обиход только под конец культуры континентального неолита, ознаменовав тем самым распространение на Крайнем Северо-Востоке сибирского, в частности, нижнеленского бронзового века. Наличие в едином комплексе (как это бесспорно устанавливается в ряде погребений Усть-Бельского могильника) разнородных в хронологическом отношении вещей (неполностью ретушированных наконечников стрел из пластинок, американоидных острий типа «Денби» и наконечников стрел прибайкальских и якутских типов) еще раз свидетельствует о длительном переживании на Крайнем Северо-Востоке многих очень древних традиций как выработанных здесь, так и воспринятых на ранних этапах на юге, западе и востоке.

Оказавшись на перекрестке важнейших межконтинентальных путей, внутриматериковая культура Чукотки с самого начала развивалась в ус-

Рис. 35. Так выглядел человек, погребенный в устьбельском кургане № 8 (реконструкция Г. В. Лебединской).

ловнях широких межконтинентальных связей, которые были следствием относительно сходного образа жизни охотников, рыбаков и собирателей в Старом и Новом Свете в дометаллургическую эпоху. Эти широкие культурные связи охватывали тогда весь Север и Восток Азии, включая Чукотку. Основой их было общее для южных и северных районов Сибири охотничье-рыболовецкое хозяйство.

Именно культурными и, возможно, этническими связями со значительно более западными и южными районами Восточной Азии объясняется наличие здесь и характерной керамики, с характерными оттисками сетки или шнура, и многих видов наконечников стрел, и резцов, и белонефритовых колец, и мелких раковинных бус, а также широко распространенных в неолите по всей тихоокеанской полосе Азии (включая Прибайкалье) прямоугольных в сечении топоров и тесел (все это обнаружено в Усть-Бельском могильнике). Тесные связи ясно видны и с якутским неолитом и ранней бронзой. Они усматриваются в общем облике

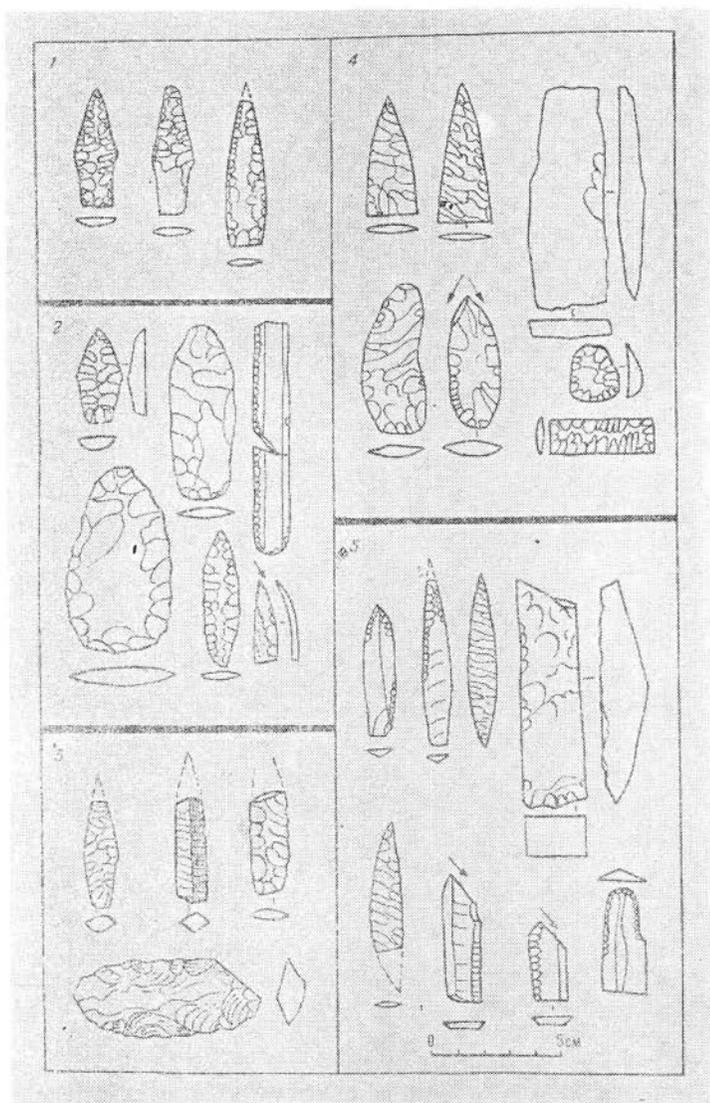

Рис. 36. Каменные изделия континентального неолита Чукотки.

1. Экинаталский могильник (поздний неолит).
2. 102-й км, стоянка 4 (развитой неолит).
3. 102-й км, стоянка 3 (ранний неолит).
4. Усть-Бельский могильник (поздний неолит и бронза).
5. Усть-Бельский могильник (неолит).

кремневого инвентаря, особенно наконечников стрел. Результатом и вместе с тем апогеем этих связей явилось распространение на территорию Чукотки бронзовых изделий, что поставило Чукотку по уровню культурного развития в ряд с другими областями Южной Сибири.

СКВОЗЬ ТОЛЩУ ВЕКОВ К ПАЛЕОЛИТУ КАМЧАТКИ

Что было известно о древностях Камчатки

Прежде чем говорить о дальнейшей первобытной истории Чукотки, посмотрим, что происходило в те древние и еще более отдаленные времена на соседней Камчатке. Впрочем, если бы мы задались такой целью еще несколько лет назад, то ничего, кроме плотного и беспросветного тумана неизвестности, так и не увидели бы. Только организация в 1961 году в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР позволила значительно расширить не только масштаб, но и тематику исследований, включить, наконец, и Камчатку в орбиту планомерных поисков.

Создание научного центра весьма своевременно, так как в изучении археологии Крайнего Северо-Востока наступал такой этап, когда уже просто нельзя было ограничиваться полевыми археологическими исследованиями только на Чукотке. Ведь прошлое народов Чукотки очень тесно связано с древней историей родственных народов Камчатки. И осмысление значительных археологических материалов, добытых на Чукотке, стало заметно тормозиться из-за отсутствия достаточно полных данных с соседней Камчатки, которая не изучалась археологами систематически.

Между тем отдаленное прошлое Камчатки, древность этого огромного полуострова, расположенного на пути из Азии в Америку, между Японскими островами и Крайним Северо-Востоком Азии, давно уже интересовали исследователей. Прошлое Камчатки было тем интереснее, что еще Крашенинников наблюдал там в середине XVIII столетия культуру неолита, дал классическое описание первобытного хозяйства и родового строя ительменов, коряков и айнов — основных обитателей тогдашней Камчатки, нарисовал яркую картину многих этнографических явлений, уже давно ушедших в прошлое и потому ставших вскоре

объектом археологического изучения. И не случайно, что не кто иной, как Крашенинников впервые заинтересовался происхождением ительменов и их ранней историей. Сто лет спустя и позже перед исследователями стоял тот же вопрос: была ли здесь, в стране столь недавнего «живого каменного века», какая-либо история, эволюция жизни и культуры людей?

Раскопки, начатые на Камчатке в 1851—1855 гг. К. Дитмаром, как правило, проводились любительски, подчас далеко не научными методами. Исключения составляют только экспедиционные исследования В. И. Иохельсона (1910—1911), А. В. Семенова (1959—1960) и в какой-то мере японцев Ямады Сигекуры и Накаямы (1920—1922). В результате всех этих археологических поисков на Камчатке были обнаружены преимущественно только хорошо заметные сравнительно поздние памятники, так называемые юртовища, в виде глубоких ям — остатки землянок позднего неолита.

Известно, что советские исследователи С. И. Руденко (1948), В. В. Антропова (1949) и А. П. Окладников (1940) обобщили в свое время все эти довольно поздние материалы; причем А. П. Окладникову удалось выделить из них несколько более древние землянки развитого неолита, найденные в 1932 году на берегу бухты Тарья вблизи Петропавловска капитаном траулера «Красноармеец» Н. А. Гурьевым и опубликованные Д. Н. Левом (1935).

Несколько позднее, в 1953 году, в «Очерках истории СССР» А. П. Окладников подтверждает свои взгляды на древнюю историю Камчатки. И мы еще раз видим тот предел, к которому подошла и глубже которого так и не смогла тогда проникнуть археология на Камчатке. Предел этот — неолит и притом сравнительно поздний.

Переступить этот рубеж и найти более древние культуры стало нашей задачей. Разведки мы проводили по рекам Камчатке, Пенжине и на Командорских островах, то есть по вероятным путям расселения древних людей в Америку, а также возле Петропавловска-Камчатского. Работы проводились силами лаборатории археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института. Директор института Н. А. Шило оказывал нам постоянное содействие. У нас была конкретная задача: идя от известного к неизвестному, исследовать сначала памятники пережиточного — самого позднего неолита, оставленные предками коряков и ительменов, а затем найти и более ранние неолитические стоянки с ножевидными пластинками. Их обнаружение можно было предвидеть лишь по косвенным данным, в частности, по единичным каменным пластинкам Тарьинской стоянки; по настоящему призматическому нуклеусу, который был опубликован В. И. Иохельсоном (1930) в его книге, и по тому единственному и, к сожалению, беспаспортному карандашевидному нуклеусу, который давно уже хранится в Петропавловском музее. Именно с таких нуклеусов ска-

ывались тонкие ножевидные пластинки в неолите циркумполярной зоны, и было бы весьма странным и непонятным, если бы эта, в высшей степени экспансивная техника миновала Камчатку, как неоправданно предполагали некоторые археологи, занимавшиеся этой проблемой. Мы надеялись и стремились разыскать на Камчатке и еще более древние, так называемые палеолитические культуры плейстоценового, то есть ледникового периода.

Раскопки возле Петропавловска-Камчатского

В конце июля 1961 года начались наши исследования на берегу реки Авачи и Авачинской губы. Первый же маршрут оказался весьма удачным. Слева при въезде на мост через Авачу, перед районным центром Елизово, я обнаружил культурный слой — угольки и отщепы — наверху дорожной выемки. Здесь же на высоком левом берегу Авачи заложили свой первый на Камчатке раскоп и не обманулись в своих ожиданиях.

Кострище с обильными остатками рыбьих костей, каменные ювелирно ретушированные наконечники стрел, скребки, вырезанный из камня и украшенный орнаментом жирник и много других изделий древних рыболовов найдено здесь за несколько дней работы. Это была культура Тарьинского облика, но впервые она наблюдалась в четких стратиграфических условиях: два культурных слоя разделены прослойкой вулканического пепла буроватого цвета и такой же прослойкой перекрывались сверху.

В 1962 году мы вновь посетили эту стоянку и докопали наиболее интересный и перспективный участок.

После экспедиции в Елизово мы основательно поработали в фондах Петропавловского краеведческого музея и благодаря исключительной любезности его сотрудников нашли много интересного. В частности, познакомились с интересной коллекцией с Кирпичной улицы, подаренной музею школьником Валерием Ткаченко. Затем встретились и с Валерием, живым, любознательным мальчиком, и вместе осмотрели обнаруженную им древнюю стоянку. Неолитические каменные вещи валялись здесь прямо на свежевскопанном огороде: культурный слой был неглубоким. Здесь раскопки дали нам культуру Тарьинского облика, и тоже в хорошей стратиграфической обстановке, под вулканическим пеплом.

Затем следы подобной же культуры нашли на высоком обрывистом берегу Раковой бухты, а также в бухте Тарья. Там ограничились сбором обильного подъемного материала. К этим местам мы потом неоднократно наведывались в последующие годы, поскольку наш путь к реке Камчатке всегда проходил через Петропавловск.

Удивительно живописная красота Авачинской бухты, знаменитые вулканы — Корякский и Авачинская сопка — произвели на нас огромное впечатление. Отныне Камчатка влекла нас не только увлекательной археологической проблематикой, но и своей удивительной природой.

По реке Камчатке в 1961 и 1962 годах.

Раскопки Никульского городища.

Другие древнеиттельменские острожки. Поиски погребений

4 июля в селе Мильково мы скатамаранили два больших тополевых бата и отправились на них в свое первое путешествие вниз по реке Камчатке к океану. В состав этой первой камчатской экспедиции уже вошел мой неизменный спутник и верный помощник эвенский художник Илья Иосифович Гурин. Прекрасный охотник и полевик, он прошел со мной впоследствии все камчатские и чукотские маршруты и всегда добросовестно выполнял самую ответственную и трудную экспедиционную работу. С нами тогда были и братья Гунченко — опытный моторист Петр и Эдуард. Они только что приехали из чукотского села Марково. Я впервые познакомился с ними еще в бытность директором Анадырского музея. В Мильково мы взяли себе повариху Камелию Арслангареевну и так впятером за месяц с небольшим прошли весь путь по реке.

Долина реки Камчатки к началу 1961 года представляла собой абсолютно белое пятно в археологическом отношении. В то же время она являлась основной жизненной артерией полуострова, где вероятнее всего можно было встретить наиболее древние культуры. Известно, что долина реки еще в XVIII веке была густо заселена ительменами. Участник Великой Северной экспедиции, впоследствии один из первых русских академиков, автор очень содержательной книги «Описание земли Камчатки», видел здесь живой каменный век, в котором пребывали тогда ительмены. Крашенинников был в их острожках и поселениях, подробно и глубоко описал хозяйство, быт, обычаи, общественную жизнь и верования этого народа. Теперь только руины ительменских жилищ — юртовища, едва приметные в высоких травах, напоминают о былой жизни. Именно они прежде всего попали в поле зрения нашей экспедиции.

Правда, еще раньше нам пришлось познакомиться с камчатскими комарами и гнусом. Их было здесь так невиданно много, что даже темнело небо и не было сил отбиться от этих назойливых насекомых, сопровождающих нас повсюду. Теперь мне стало понятно, почему столь обильны рыбой здешние реки. Ведь личинки комаров — это основной ее корм. Только этим можно было утешаться, но, признаюсь, и от по-

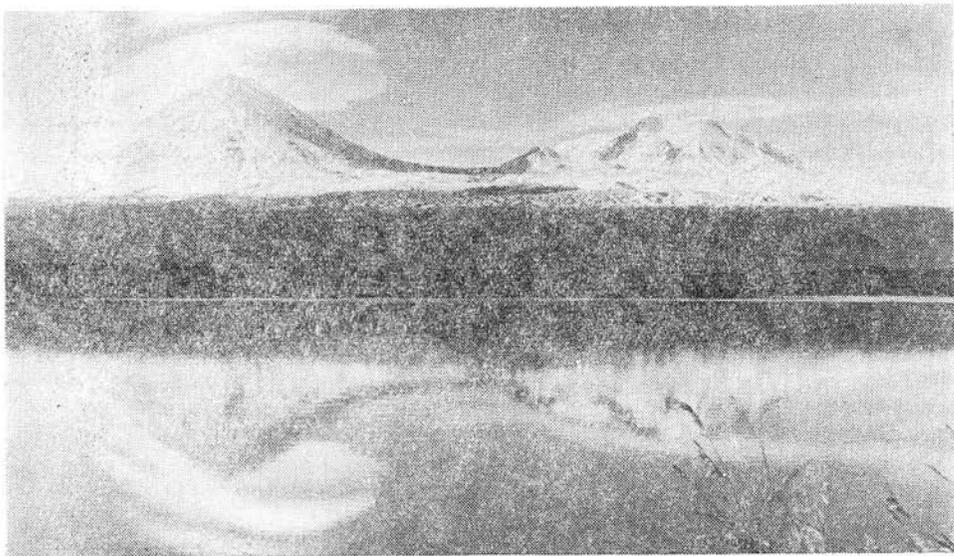

Рис. 37. По реке Камчатке.

добных мыслей не становилось легче выдерживать ежесекундную комариную атаку. Шея, руки, лицо — все было у нас в крови и распухло, нас не спасали ни двойные накомарники, ни так называемые репеленты.

Раскопки первого городища начались на реке Никулке (на старинных картах она называлась Федотовщиной). Место, где мы оказались, было интересным и значительным, овеянным историческими преданиями и легендами. Рядом, на месте нынешнего «хутора» гостеприимных рыбадзоровцев супругов Мурашевых, в 1648 году было первое русское зимовье первооткрывателя Камчатки Федота Попова — участника известной экспедиции Семена Дежнева. Поэтому даже комары не могли испортить наше приподнятое настроение.

Еще до выезда на Камчатку я досконально изучил книгу Крашенинникова, о которой упоминал выше. И теперь, вглядываясь в большие ямы от древних жилищ на Никульском городище, прежде чем приступить к их раскопкам, снова и снова восстанавливал в памяти все, что писал Крашенинников об устройстве ительменских жилищ.

«Юрты делают они (т. е. ительмены. — Н. Д.), — писал Крашенинников (1755, стр. 374), — следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину, смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые один от другого по сажени и более. На столбы кладут толстые перекладыны, а на них потолок накатывают, ставя почти на середине четверуголь-

ное отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит. К помянутым перекладинам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются и, обрешета их жердями, покрывают их травой и осыпают землю так, что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри они четвероугольные, однако почти всегда две стены бывают доле, а две короче. У одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него выход, которого внешнее отверстие гораздо ниже упомянутого. Делается же сей выход для того, чтобы входящим во оной воздухом выгоняло дым вон из юрты через верхнее отверстие.

Внутри юрты подле стены делают полки, на которых спит семья подле семьи рядом. Только не бывает полков против очага, ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят, а в которых юртах полков нет, там вокруг мест, где спят, положены бревна, а самые места устланы рогожами.

Украшения в юртах никакого нет, кроме того, что у некоторых стен обвешаны бывают плетеными из травы рогожами, по их званию чирелами».

Раскопки Никульского городища раскрыли картину очень близкую этому описанию.

Итак, начнем по порядку. Никульское городище расположено при впадении речки Никулки в реку Камчатку, в наиболее обильном рыбью (и комарами, разумеется) месте. Оно находится на крутом заросшем лесом мысе и ограждено рвом и валом. Из 14 составляющих его круглых жилых ям — «юртовищ» (от 4 до 9 метров в поперечнике) 10 расположены парами, но одна из них (тоже парная) отличается особенно крупными размерами (9×7 метров). Это центральное сдвоенное жилище было вскрыто полностью.

Уже в самом начале раскопок, среди остатков крыши одной небольшой землянки, обвалившейся во время пожара, на глубине 15 сантиметров в торфе были обнаружены останки человека: часть черепа и трубчатые кости.

Судя по всему, здесь было совершено захоронение. По обычаю ительменов, описанному Крашенинниковым, покойников выбрасывали на крышу землянки, после чего все обитатели строили себе жилище в другом месте.

Маленькая землянка была устроена так же, как те жилища, которые видел у ительменов Крашенинников: с двумя входами — со стороны реки и через дымовое отверстие в крыше — и с центральным очагом; стропила ее перекрытия покоились на четырех центральных столбах. Короткий и широкий коридор вел из этой землянки в смежную землянку более крупных размеров.

Р и с. 38. Илья Иосифо-
вич Г у р и н.

Судя по характеру находок, маленькая землянка служила для работы, в ней оказалось много отходов производства и недоделанных орудий. Большая часть их обнаружена вокруг центрального очага и в нем самом. В очажной золе среди вулканических бомб (служивших в накалинном виде для кипячения воды) и небольших валунов оказалось несколько заготовок каменных топоров и тесел, уже подвергнутых первоначальной обработке, а также отбойник. Вблизи очага были обнаружены пряслице из вулканического туфа, обломок копья из глинистого сланца, четырехгранный долотовидный предмет из мелкозернистого сланца, нефритовый топор, скребки и обломок топора из глинистого сланца.

Следы небольшого очажка, скопление углей, золы и рыбьих костей сохранились возле наружного входа в эту небольшую землянку. Среди очажных остатков здесь встретилось еще одно скопление вещей: халцедоновый скребок, топор из глинистого сланца и большой листовидный наконечник из обсидиана. Наконечник был обожжен до растрескивания, один его конец даже расплавился, вытянувшись каплей, а по поверхности его распространились застывшие пузырьки и небольшие пористые вспучивания.

Пол землянки прослеживался на глубине 80 сантиметров. Он устлан корой березы и обгоревшей травой, из которой были сплетены циновки. На стенках землянки местами сохранились обгоревшая березовая кора и трава. В восточной стене оказалась ниша прямоугольной формы (длиной 1,5, высотой 0,5 и глубиной 0,5 метра). Внутри нее обнаружены деформированные, сплюснутые тяжестью земли остатки берестяной посуды и каменный жирник, растрескавшийся во время пожара. Он стоял в берестяной посудине. В правом углу ниши на глубине 1,7 метра найдена нижняя челюсть росомахи или медвежонка, там же обнаружен халцедоновый скребок. Доски, перекрывавшие нишу, по-

Рис. 39. Вид на Никульское городище.

коились на деревянных столбиках. Сама ниша, судя по характеру находок в ней, очевидно, являлась кладовой.

Смежная большая землянка конструктивно мало отличалась от маленькой: тот же центральный очаг в середине (под дымовым отверстием в крыше), те же опорные столбы, поддерживающие земляную крышу. Разница только в том, что опорных столбов здесь было не четыре, а шесть, что объясняется большим размером помещения.

Вещей в этом огромном помещении найдено очень мало: всего несколько отщепов вокруг очага и ближе к северному углу, обломок каменного топора в очаге, халцедоновая провертка в западном углу да шлифованный нож (скребок из глинистого сланца) при входе.

Перед входом в коридор, идущий из маленькой землянки и в большую, на полу найден кусок обгоревшего дерева — половина короткой (20-сантиметровой) тополевой чурки, расколота вдоль, со следами каменного топора. Обрубок дерева стоял строго перпендикулярно полу, плоской стороной к первой землянке. Нижний конец его имел форму конуса, очевидно, для удобства вбивания в грунт. Похоже, что сохранившийся кусок дерева является нижней частью сгоревшего в землянке во время пожара идола, подобного ительменскому Хантаю или

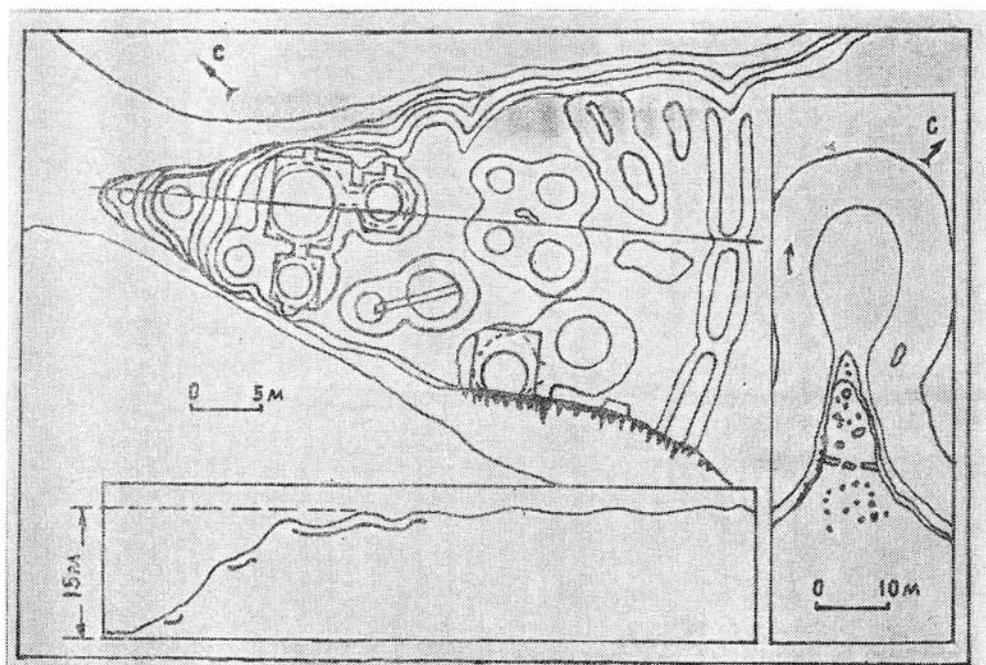

Рис. 40. План Никульского городища.

Ажушаку. Крашенинников о почитании таких идолов свидетельствует следующее:

«У северных камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется Хантай, а другой Ажушак. Хантай делается наподобие сирены, то есть с головой по груди человеком, а оттуда рыбою, и становится обыкновенно подле огнища, а для чего и в образ кого, другой причины не мог выведать, кроме того что есть дух сего имени. Идол (образ) сего Хантая ежегодно делается новый во время грехов очищения и становится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от построения.

Ажушак есть столбик с отделанной верхушкой наподобие головы человеческой, становится над домашнею посудю и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты лесные духи, за что и кормят его камчадалы по всякой день, мажут ему голову и рожу вареною сараню или рыбою».

После раскопок этого большого сдвоенного жилища мы реконструировали его устройство. Всеми своими особенностями оно оказалось больше всего сходным с полуземлянками ительменов середины XVIII века в описании Крашенинникова и Стеллера. Необычайной бы-

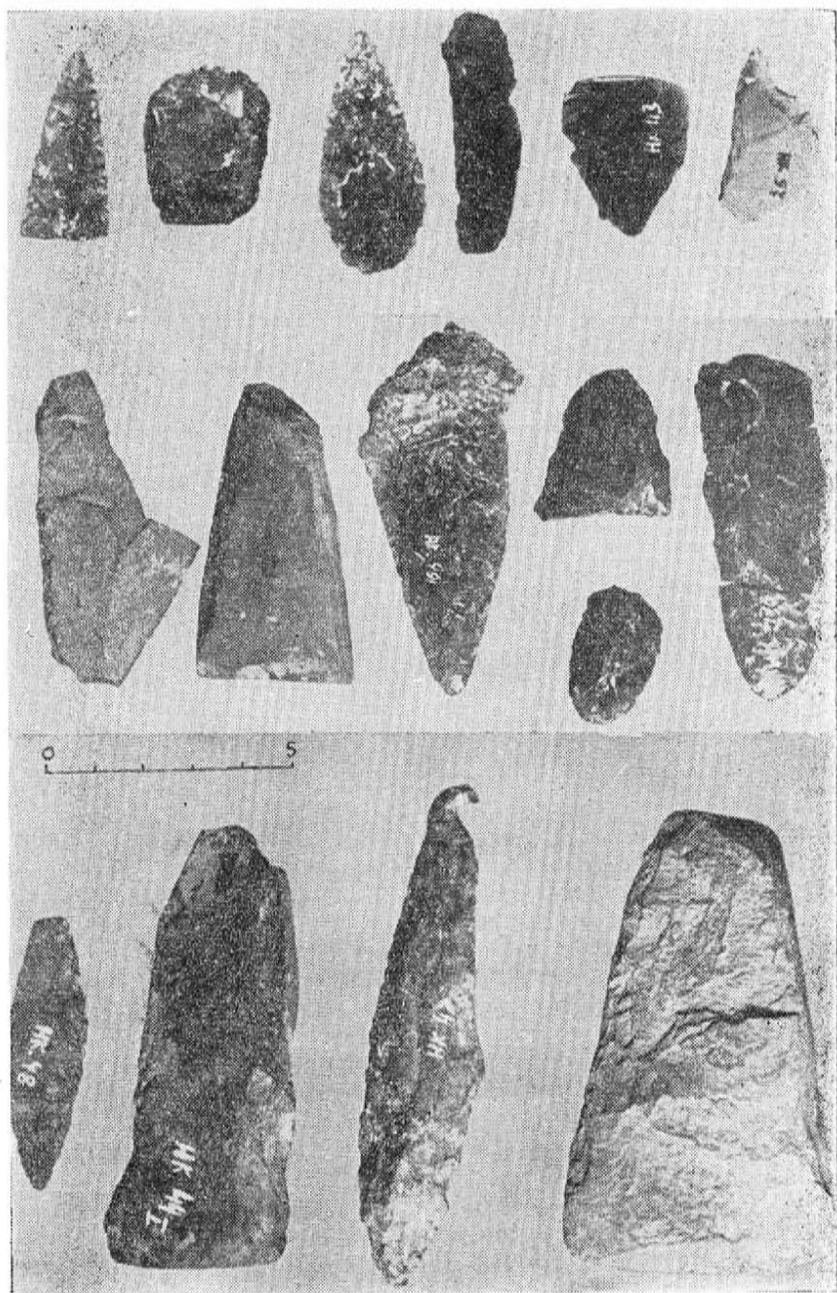

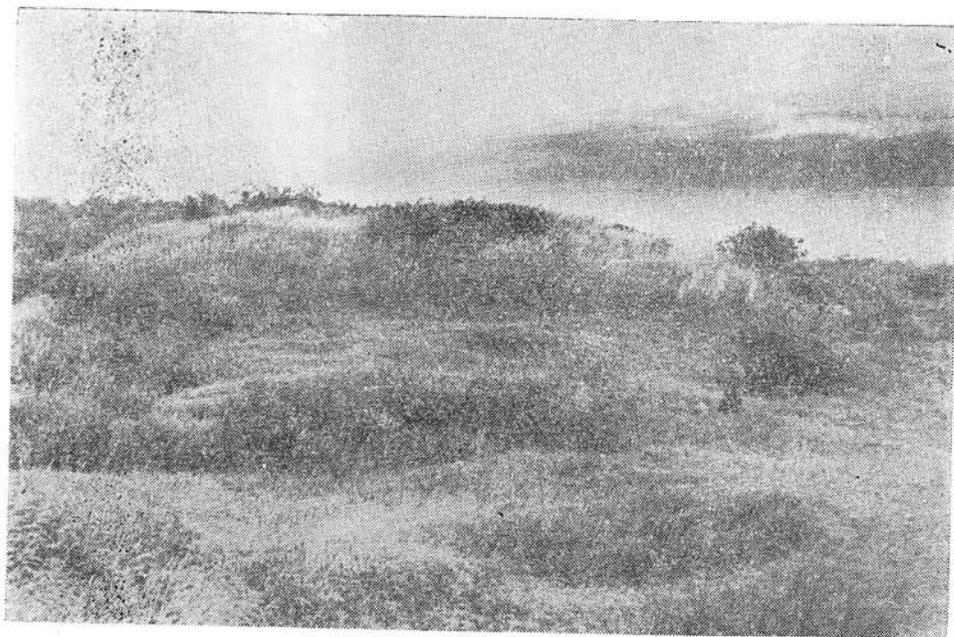
Рис. 41. Каменные вещи из землянок № 3 и № 5 Никульского городища.

ла только сдвоенность жилищ ительменов, нигде особо не отмеченная названными учеными, но характерная для жилых построек айнов.

Раскопки остальных жилищ Никульского городища дали картину общего конструктивного сходства с зимними жилищами ительменов. В одном из них (№ 2), имеющем округлое очертание (6,5×6 метров), земляное дно пола было углублено на один метр. Очажное углистое пятно оказалось посередине. Таким же, как и в предыдущих жилищах, оказалось и продольно-поперечное расположение жердей рухнувшего после пожара перекрытия крыши с четырьмя центральными опорными столбами. На стенках сохранились береста и обгоревшая трава — типичное покрытие стен ительменских жилищ. Вещей оказалось немного: обсидиановый нож, круговой скребок и три отщепы.

Другое жилище (№ 5) заинтересовало нас прежде всего тем, что остатки его находились в состоянии разрушения, так как располагались на самом краю берегового обрыва реки Никулки. Юго-западная часть сооружения была смыта рекой, и по обнажению обрыва великолепно прослеживалась его поперечная конфигурация, что значительно облегчило процесс исследования. Жилище оказалось подпрямоугольной формы, с закругленными углами, размером 7×5 метров с очагом с юго-

Р и с. 42. Одно из городищ на берегу реки Камчатки.

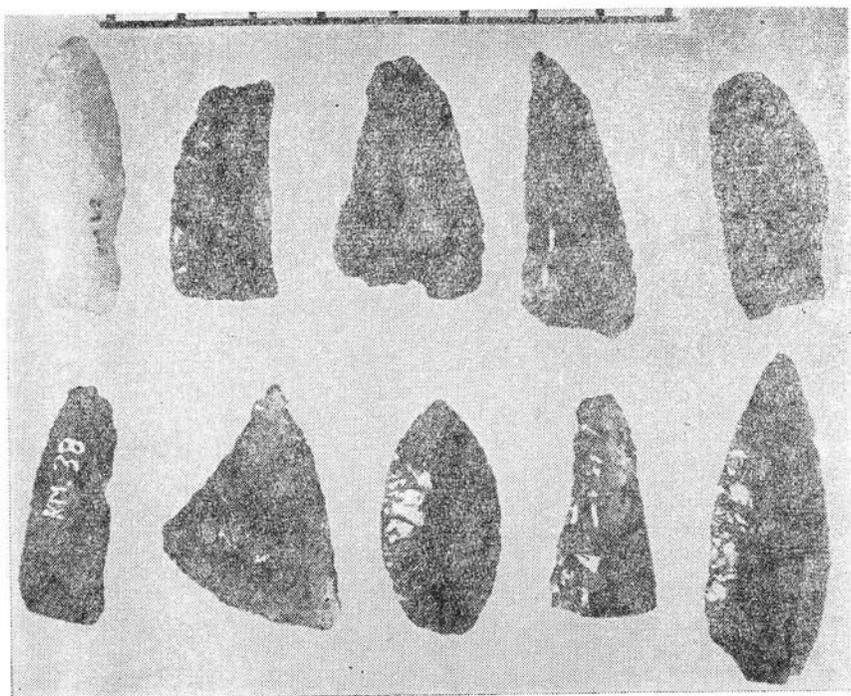

Рис. 43. Каменные изделия, найденные из древненельменского культурного слоя в деревне Камаки (подъемный материал возле устья реки Букрич).

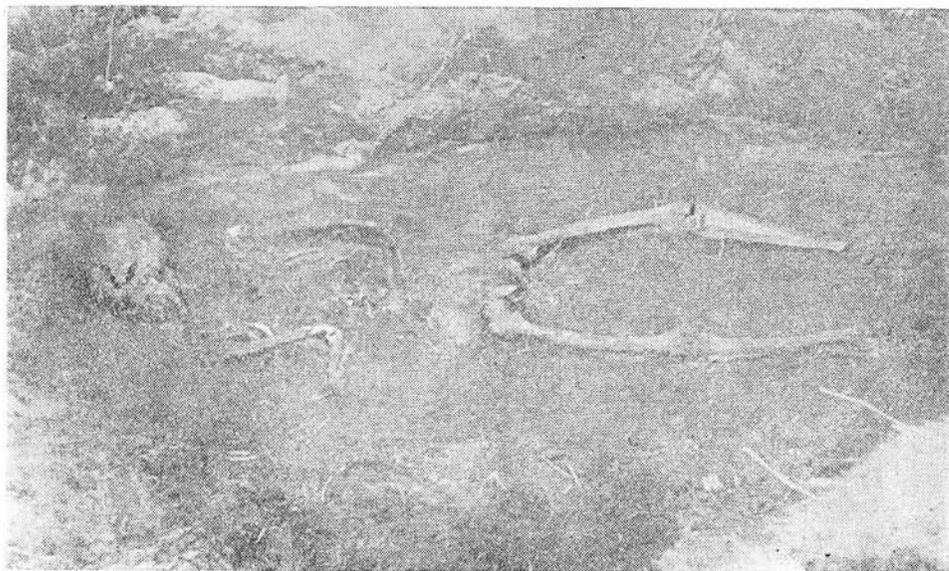
западной стороны, где должен быть вход в него, разрушенный рекой. Еще до раскопок в обнажении обрыва (в мешаной земле заполнения полуземлянки) на глубине 60 сантиметров был найден обломок костяного орнаментированного нарезками игольника. Но особенно много вещей оказалось в центральной части землянки: 8 каменных топоров и тесел (рис. 41), скребок из обсидиана, три наконечника от стрел: один костяной, сильно обожженный, и два обсидиановых. Ближе к обрыву возле южной стенки ямы располагался очаг из крупных пористых вулканических бомб, обмазанных глиной. Очаг возвышался на 40—50 сантиметров над полом. Он имел подковообразную форму, как и все очаги нинульских землянок. Ближе к северной стенке (на расстоянии 30 сантиметров от очага) на глубине 70 сантиметров встретился костяной наконечник стрелы, а в куче пережженных костей и золы с восточной стороны очага — обломок глиняной ложки (вероятно, служившей льячком) и костяная «серьга». В центре землянки обнаружили еще несколько каменных скребков.

Возле северной стены жилища выявили остатки лежанки в виде гладко отесанных обгоревших досок, лежащих вдоль стены. Общая ширина лежанки — 60 сантиметров. Она была покрыта обгоревшей циновкой из крапивы, которую мы тщательно расчистили и взяли для специального изучения. При разборе лежанки под ней на глубине 80 сантиметров обнаружили нефритовый топор. На той же глубине, но уже не под лежанкой, оказалось 9 каменных скребков и два кусочка отшлифованных камней. Пол был неровный, изрытый ямами, глубиной до 30 сантиметров. Они были забиты жжеными костями, золой и углями. В одной из таких ямок найдены обломок каменного орудия, наконечник копья из обсидиана и несколько отщепов. А рядом нашли скребок из обсидиана и топор из глинистого сланца.

Раскопки Никульского городища позволили выяснить все существенные особенности устройства юртов, наиболее распространенных и заметных, но до сих пор по-настоящему не исследованных.

В дальнейшем, по мере движения отряда вниз по реке Камчатке, подобные памятники встречались неоднократно. На участке от села Ключи до Усть-Камчатска и на смежных с рекой озерах мы зафиксировали около 50 укрепленных городищ. Они находятся на высоких речных мысах или на озерных островах. Со стороны пологих склонов бугра

Рис. 44. Погребение возле древнего ительменского городища в Камаках.

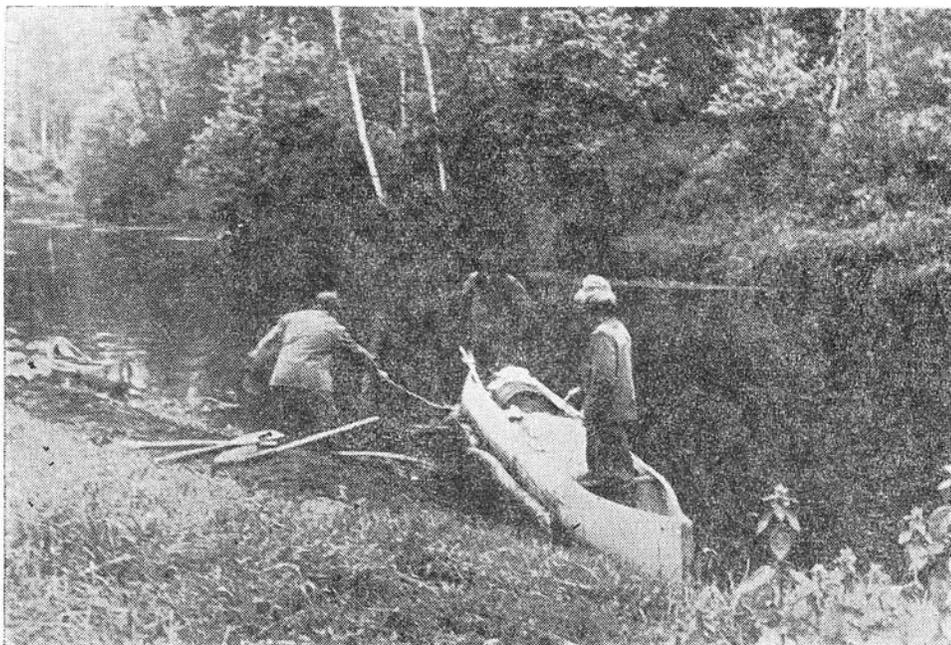

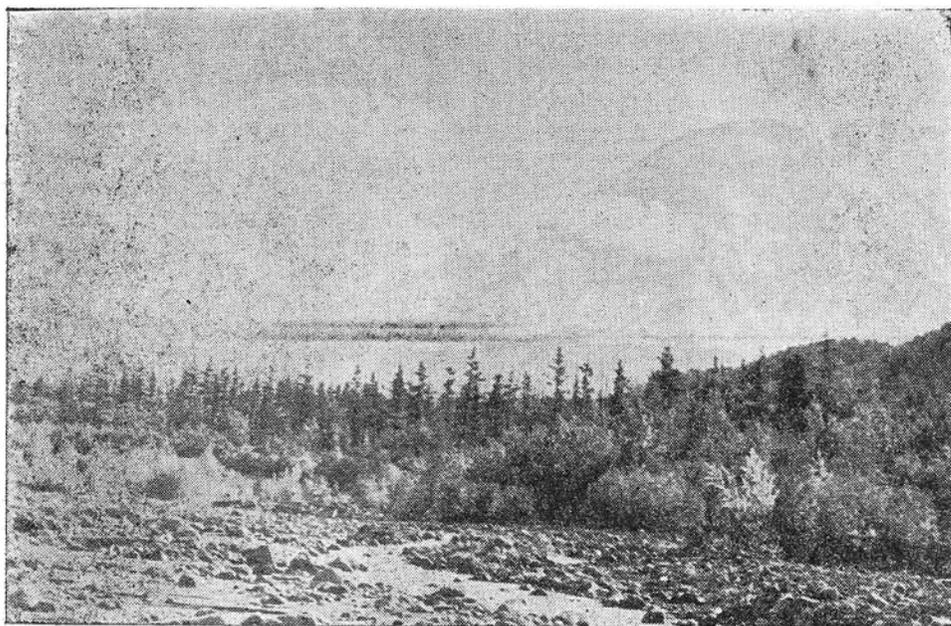
или мыса всегда встречаются оборонительные валы и рвы, а то и целая фортификационная система из оборонительных ямок до двух метров в поперечнике. Количество жилищ в пределах одного городища, от которых остались теперь только поросшие травой ямы подпрямоугольных эчертаний, колеблется от 4 до 25. Размер землянок или полуземлянок от 4 до 10 метров в поперечнике, причем, как правило, на каждом городище имеется одно более крупное жилище. Нередко жилища располагаются попарно, а в отдельных случаях, как на одном из нижекамчатских городищ, переходами соединены даже пять жилищ.

Изучение городищ не ограничивалось только обмером и нанесением их на план. В одном из жилищ каждого городища закладывались маленькие шурфы для взятия пробы угля для радиоуглеродного определения даты и выяснения стратиграфии. В результате исследований установлено, что все они моложе последних пепловых слоев вулкана Шивелуч и перекрыты только тонким слоем голубого пепла вулкана Безымянного.

Более обширный шурф (9×10 метров) в самой большой земляночной яме на городище у входа в Каменское озеро позволил выявить

Рис. 45. Мы поплыли вверх по горной речке Озерной.

Р и с. 46. У подножия вулкана Толбачик (по реке Пахча).

подземный туннелевидный вход против очага с юго-западной стороны для тяги, что соответствует описанию ительменских жилищ Крашенинниковым.

В верхнем поддерновом слое в центре ямы здесь были встречены обломки человеческого черепа и плечевая кость, а на полу жилища возле очажного углистого пятна на глубине двух метров — обломок обсидианового наконечника копья.

Второй большой шурф в землянке на городище, расположенном на левом берегу протоки Малая Каванака, раскрыл нам устройство очага, сложенного из камней посреди жилища, и пола, устланного травой и горбылями (там были обнаружены два грузила, отщелы, череп и расколотые кости собаки).

Наконец, у небольшой деревни Камаки в низовьях Камчатки, возле огромного городища, впервые на Камчатке обнаружено древнее кладбище.

Ительменский обычай выбрасывать покойников на крышу землянок на съедение зверям затруднил нам поиски погребений, синхронных древнеительменским городищам. Разрозненные человеческие кости в лучшем случае попадались либо поверх рухнувших перекрытий жилищ, либо уже в переотложенном виде на бечевнике, куда их вымыва-

ло рекой или озером из разрушенных, находящихся на береговых обрывах древних землянок. Но настойчивые поиски привели все же к открытию своеобразных захоронений в ямах под настилами, о которых не имеется упоминания ни у Стеллера, ни у Крашенинникова. Могильник подобного типа обнаружен на южном склоне бугра, что на правом берегу реки Камчатки, на самой вершине которого находилось городище из четырех больших и нескольких малых подпрямоугольных ям — землянок.

Погребение оказалось в одной из многочисленных маленьких ямок (до двух метров в поперечнике), с двух сторон окружавших городище. Кости погребенного лежали на глубине 1,25 метра на дне ямы, заполненной мешаной землей. От помоста, первоначально их перекрывавшего, а затем обрушившегося под тяжестью земли, остались основания двух столбов и несколько почти сгнивших жердей. Положение костей указывает на то, что погребение совершено весьма своеобразно: покойник был усажен в яме и закрыт настилом. Впоследствии кости скелета рассыпались. Никаких вещей в погребении не оказалось. Изучение костей позволило установить, что была захоронена девочка-подросток. На сравнительно неглубокую древность погребения указывает то, что могильная яма была перекрыта только одним слоем пепла вулкана Безымянный.

Поиски погребений увлекли нас. К тому же мы хотели найти пещеры с ительменской утварью, о наличии которых возле Толбачика писал директор Камчатского института вулканологии член-корреспондент академии наук Б. И. Пийп. Целых пять дней (с 25 до 28 августа) потратили на увлекательную экскурсию из Средне-Камчатска к загадочным пещерам Толбачика.

Вместе с проводником Бушуевым мы отправились вверх по горной реке Озерной к застывшим лавам южного склона вулкана. На месте убедились, что, если и можно назвать пещерами некоторые наиболее значительные по величине пустоты в лавах, то со множеством оговорок. Все заливаются дождевой водой, и, разумеется, ничего древнего там не могло сохраниться.

Вторую экскурсию уже к северному склону Толбачика из Козыревска предпринял сначала я один, а затем с Петром Гунченко. Добираться пришлось в основном пешком по руслу горной речки и по крутым каменным осыпям. Но и здесь я был вознагражден лишь красотами самого вулкана, горных водопадов и ущелий да острыми ощущениями совсем безоружного путника, одиноко бредущего по свежуютоптаным медвежьим тропам. Известный писатель и путешественник Леонид Пасенюк, автор замечательной книги «Лед и пламень», пишет, что это самое медвежье место на Камчатке. Впоследствии, когда я встретился с этим интересным человеком в 1964 году в Козыревске, он мне подтвердил это лично.

Вулканические пеплы и их значение для археологии. Ошибочная датировка пеплов вулкана Шивелуч Б. И. Пийпом

Все поселки и деревни, которые встретились нам по пути от Мильково до Ключей, стоят на вулканическом пепле. Невообразимую пыль поднимают пешеходы и машины здесь на улицах. В ней утопают ноги, она густо оседает на придорожной растительности, и в сухую жаркую погоду буквально нечем дышать на улице.

Каждое извержение вулкана (в долине Камчатки вулканов много и характер у них беспокойный) сопровождается обычно выпадением на значительной территории огромного количества пепла. Силой и направлением ветра в значительной мере определяются границы территории пеплопада. Раскапывая самое западное Никульское городище, мы встретились с пепловыми прослойками, возникшими, как потом узнали, в результате извержения далекого вулкана Шивелуча.

На Камчатке у меня возникла мысль использовать древние пепловые прослойки для датировки культурных слоев. Если пепел выпадает одновременно на большой площади и тем самым маркирует поверхность земли в данный момент, все культурные слои ниже пеплового слоя будут более древними, все вышележащие — более поздними. Если же таких разновременных пепловых прослоек много, то с их помощью можно расчленил все древние культурные остатки на соответствующее количество хронологических ярусов вне зависимости от особенностей древней культуры на месте того или иного археологического памятника. Археолог получил бы таким образом новый, совершенно объективный метод относительной, а затем и абсолютной датировки своих находок.

Правда, для этого надо прежде всего найти хороший стратиграфический разрез с большим, наиболее полным количеством пепловых прослоек. Затем при помощи структурного, минералогического и химического анализов следует определить отличительные особенности каждого пеплового слоя. И наконец, каждый такой эталонный слой должен быть каким-то образом датирован. Только тогда, сравнивая пеплы какого-нибудь культурного слоя с этой эталонной шкалой, можно было бы безошибочно определять их возраст в любой точке долины Камчатки, а следовательно, и возраст связанных с ними культурных остатков.

Когда мы добрались на своих батах до поселка Ключи, у меня уже была ясно сформулированная программа исследования вулканических пеплов. И мне чрезвычайно повезло. Здесь, у подножья Ключевской сопки, самого высокого в Советском Союзе действующего вулкана, находится вулканологическая станция Академии наук СССР с очень хорошим музеем и библиотекой, здесь можно было ознакомиться с различными образцами пеплов и с историей вулканов, поговорить с сотрудниками станции. Я узнал от них много интересного и полезного и выска-

зал свои соображения о необходимости датировки пеплов археологическим методом и по радиоуглеродным датировкам угля из культурных слоев. Оказалось, что на станции в это время уже велись исследования естественной намагниченности пепловых слоев района Ключевской группы вулканов. Впоследствии появилась очень интересная коллективная работа Е. К. Мархинина, В. Б. Пугачева и С. Н. Мархининой. Но на станции в то время еще придерживались старой датировки верхних горизонтов пеплов Шивелуча, предложенной директором института вулканологии Б. И. Пийпом. После наших первых раскопок на верхней и средней Камчатке к этой датировке я относился с недоверием.

Б. И. Пийп выбрал, как известно, для датировки пеплов обнажение рыхлых отложений (с пеплами вулкана Шивелуч и древними культурными остатками) на высоком островке в центре поселка Ключи. Опираясь на исторические свидетельства об извержениях вулкана Шивелуч, он датирует верхний слой пепла этого ключевского разреза 1854 годом, второй — 1810, третий — 1780, четвертый (под культурным слоем, как он считает) — серединой XVI века и пятый — началом XV века. Устанавливая такую периодичность, он руководствовался весьма ненадежным, ошибочным принципом определения времени по толщине вмещающих пеплы рыхлых отложений. Кроме того, он неправильно определяет положение явно перекопанного ямами культурного слоя. В этом мы убедились, рассматривая разрез в натуре. Культурный слой лежит здесь не под третьим слоем пепла, как считает Б. И. Пийп, а над первым. Подобное расположение остатков каменного века выше самого верхнего шивелучского пепла было зафиксировано нами в долине реки Камчатки неоднократно: и на реке Никулке, и на Домашнем озере, и в Доярках. Поэтому было совершенно очевидно, что Б. И. Пийп явно ошибся, и датировать два верхних пепловых слоя 1854 и 1810 годами невозможно. Отмеченные этими двумя слоями извержения Шивелуча произошли, конечно, еще до поселения здесь русских. Значительно более древними следует считать и три нижних слоя пепла.

В дальнейшем мы все более убеждались в неправоте Б. И. Пийпа, отнесшего верхний горизонт пеплов Шивелуча к 1854, второй — к 1810, а третий — к 1780 году. С целью уточнения хронологии нами было защищено несколько обнажений в окрестностях поселка Ключи: в трех пунктах на левом четырехметровом берегу речки Ключи и на так называемой Старой сопочке.

В пункте первом угли и каменный скребок были обнаружены под 3 и 4-м слоями пеплов; в пункте втором — под теми же нетронутыми слоями пеплов оказался только уголь; в пункте третьем между потревоженными 4 и 5-м слоями были найдены и угли и каменный топор. А на Старой сопочке мы раскопали целое жилище каменного века. Оно прорезывало самый верхний пепловый слой, но в инвентаре не было никаких признаков влияния русской культуры. Скоро мы убедились,

Рис. 47. Разрез через пепловые слои в селе Ключи.

что пеплами Шивелуча покрыта огромная территория и вниз по течению реки Камчатки — от Ключей до Нижне-Камчатска. Они встречались на всех городищах этой части долины и на более древних неолитических стоянках.

На первых порах шивелучские пеплы узнавали на глаз, визуально. Это облегчалось тем, что каждый пепловый слой Шивелуча легко от-

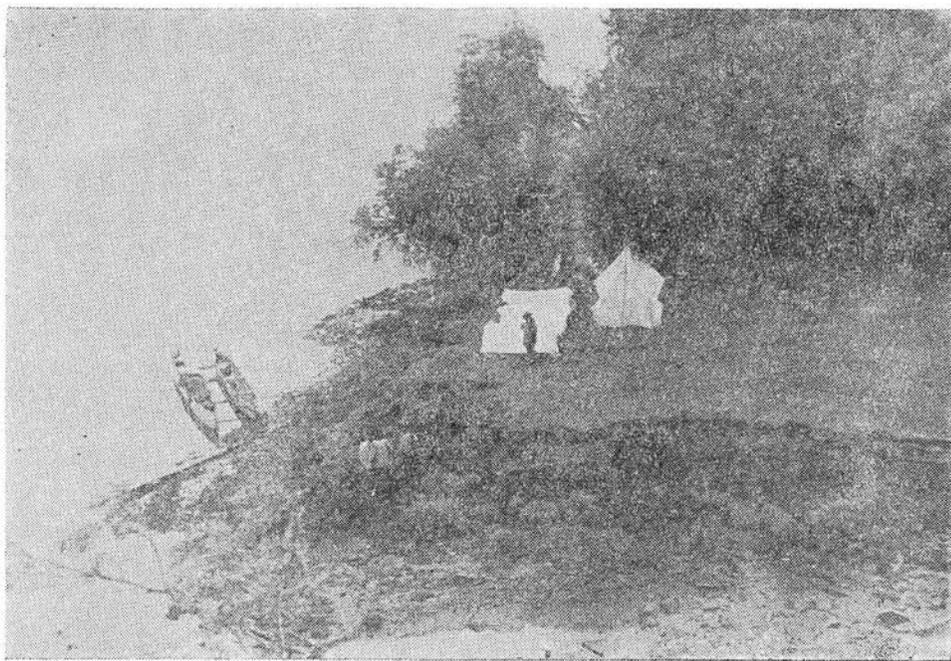

Рис. 48. Вид на неолитическую стоянку в Доярках.

личается либо цветом, либо наличием или отсутствием вулканического песка. И мы всюду брали пробы для химического и гранулометрического анализа. А в 1962 году получили, наконец, и великолепный опорный разрез. Он оказался на Ушковском озере. Об этом речь будет ниже.

**Моя гипотеза подтверждается:
мы находим подлинно неолитические стоянки
с ножевидными пластинками**

Первая неолитическая стоянка обнаружена на южном берегу Домашнего озера в буром слоистом суглинке трехметровой террасы на глубине 1,2 метра под четырьмя слоями пепла Шивелуча. Здесь было несколько едва заметных округлых впадин, соответствующих древним жилищам. Раскопали только тот участок берега, где сохранились остатки почти полностью смытой в озеро полуземлянки, и обнаружили обсидиановые наконечники стрел, скребки, отщепы, ножевидную пластинку.

Вторая неолитическая стоянка оказалась на правом берегу реки Камчатки, в местечке Доярки. Подъемный материал был собран на бе-

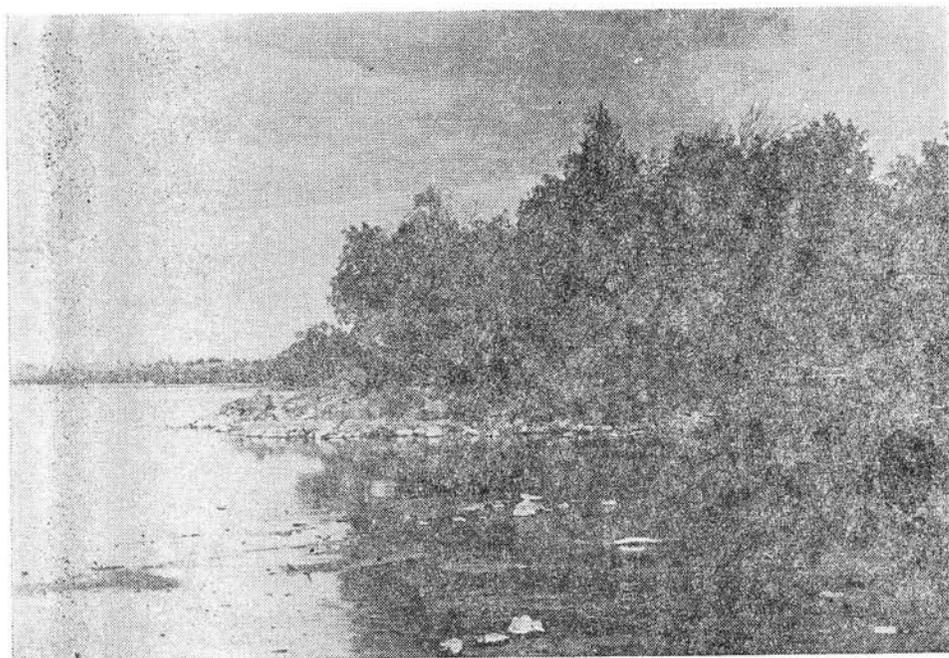

Рис. 49. Многослойная стоянка на берегу Ушковского озера до раскопок.

чевнике по обе стороны впадающего в этом месте в Камчатку ручья (ножевидные пластинки, отщепы, скребки, наконечники стрел) и по склону холма на левой стороне ручья.

Сама стоянка располагалась на правой стороне ручья на 2,5-метровой (первой надпойменной) террасе. На поверхности террасы никаких признаков жилищ не было, зато по всему обнажению берегового обрыва очень четко прослеживались облегаемые слоями вулканического пепла широкие впадины, соответствующие жилищам. Здесь мы также ограничились только разведывательными раскопками и расчистили лишь попавший в обнажение на углу террасы очаг. Очаг представлял собой овальное (поперечником в один метр) скопление камней, углей и золы с рыбьими косточками на глубине 1,5 метра. Среди камней очага встретилось несколько обсидиановых отщепов и скребков из кремнистого сланца.

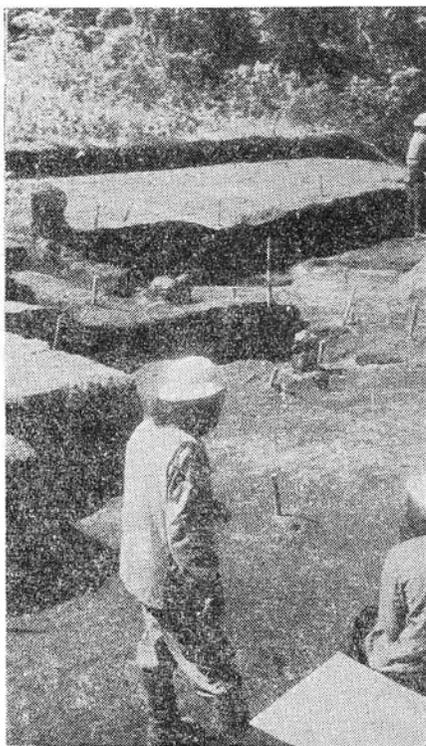
Третья стоянка располагается на берегу Ушковского озера на 3,5-метровой террасе, основанием которой являются каменные породы, на мысовидном ее выступе при выходе из озера. Тщательный осмотр бечевника возле этого мыса дал обильную коллекцию обсидиановых, кремневых и из кремнистого сланца отщепов, ножевидных пла-

Рис. 50, 51, 52. Уже второй, третий год мы ведем раскопки на Ушковском озере.

стинок, наконечников стрел, миниатюрных клиновидных нуклеусов — скребков и массивных грубо обитых орудий. Немало удалось их найти методом «подводной» археологии на дне озера вблизи этого места. Внимательный осмотр бечевника, а затем обнажения террасы и ее поверхности помогли, наконец, обнаружить и сам культурный слой. Он простирался под мощным дерновым и почвенным слоями на глубине около одного метра вдоль обрыва берега. Среди густого кустарника разыскали две едва приметные, очень незначительной глубины, широкие впадины округлых очертаний — следы полуподземных жилищ.

Одна впадина имела поперечник пять, другая — семь метров. Разведывательные раскопки начали с того места обнажения террасы, где на глубине одного метра были видны угли. Там попались два грубо обработанных массивных скребка из ороговикованного темно-серого глинистого сланца и один отщеп. Культурный слой на этом участке вклинился на один метр в глубь берега — это были остатки третьей, почти полностью смытой озером полужемлянки. Затем раскопали меньшую,

пятиметровую землянку. В центре ее, на глубине 75 сантиметров, оказался очаг в виде кучно расположенных шести камней, а вблизи него — две обсидиановые ножевидные пластинки, концевой скребок на ножевидной пластинке, нож из желтого кремня, большое, грубо с двух сторон обитое массивное овальное скребло и два нуклеуса-скребка из кремнистого сланца.

То, что я назвал только что «нуклеусом-скребком», представляет собой клиновидный нуклеус, особую специфическую разновидность заготовок для изготовления тончайших ножевидных пластинок.

Эта находка сразу же выдвинула Ушковскую неолитическую стоянку в число самых перспективных для исследования памятников. Забегая вперед, скажу, что в 1962 году мы начали здесь большие раскопки, в ходе которых подвергли исследованию еще одну неолитическую стоянку в самом отдаленном углу Ушковского озера, в так называемом Култуке. Была полностью вскрыта большая округлая землянка, на полу которой удалось проследить расположение сгоревших бревен рухнувшей во время пожара крыши, восстановить облик этого коллективного жилища.

Рис. 53. Боспорские и хорезмийские монеты, найденные на берегу Ушковского озера на Камчатке.

На Ушковское озеро меня привела интригующая заметка С. Н. Маркова (1949) о находках здесь четырех древних медных монет: двух пантикапейских (III век до н. э., 17 год н. э.) и хорезмийской. Их обнаружил на берегу озера в 1944 году сотрудник Ушковского рыбопроизводного завода О. Н. Орехов. От него они попали в Эрмитаж, где и были определены и датированы.

Однако загадка проникновения этих монет на Камчатку из причерноморского Боспорского царства и из среднеазиатского Хорезма до сих пор не разгадана. Быть может, они привезены неизвестным путешественником-греком или хорезмийцем. Возможно также, что они попали на Ушковское озеро от древних китайцев или японцев в результате многоэтапных торговых связей. Не исключено, что их привез и потерял там какой-нибудь поздний путешественник, любитель нумизматики.

Ни в 1961 году, ни в последующие годы нам так и не удалось найти на Ушковском озере подобных монет, и вообще никаких других признаков боспорского, хорезмийского или китайского и японского влияния.

Зато мы нашли там нечто более ценное, целую серию более древних, чем верхний, культурных слоев, четко разделенных вулканическими пеплами. Мы стали обладателями великолепного четко стратифицированного опорного разреза. Иными словами, мы обрели ключ к истории древнего Северо-Востока.

Пользуясь неизменной поддержкой и помощью директора Ушковского рыбопроизводного завода Ильи Ивановича Исаева, мы организовали здесь в последующие годы большие раскопки. Вскрыли более 1000 квадратных метров древних напластований, собрали уникальные материалы.

О результатах этой работы рассказано будет ниже. А пока коротко об археологических разведках, которые были предприняты нами в том же 1962 году в другом направлении.

Разведка по реке Пенжине в 1962 году

Уже в сентябре после большой многомесячной работы на реке Камчатке наша экспедиция, состоящая из трех человек, перебазировалась в верховье реки Пенжины, в Аянку. Со мной были Тамара Митрофановна Дикова и Илья Иосифович Гурин. В деревне Аянке мы раздобыли плоскодонную лодчонку, приспособили к ней руль-мотор и отправили

лись вниз по реке в сторону Охотского моря. Предстояло пройти несколько сот километров вдоль совсем безлюдных берегов. В прошлом здесь проходил путь расселения людей в сторону Анадырской низменности, а затем и в Америку, и поэтому мы с надеждой осматривали каждое сколько-нибудь привлекательное для обитания место и все береговые обнажения.

Наше путешествие, конечно, не обошлось без происшествий. Расскажу только об одном случае.

Большой обрыв на левом берегу реки привлек мое внимание еще на карте. И когда его достигли, мы с Тамарой Митрофановной сошли на берег, а Илья Иосифович продолжал плыть по реке до места предполагаемой ночевки.

Уже вечерело, поэтому мы засветло старались осмотреть обрыв. Жена несла карабин, а я время от времени лопатой делал зачистки береговых обнажений. Все шло, как обычно. Но в самый разгар работы вдруг послышался приближающийся шум мотора. Наша лодка на полном ходу шла обратно.

Что произошло? — терялись мы в догадках.

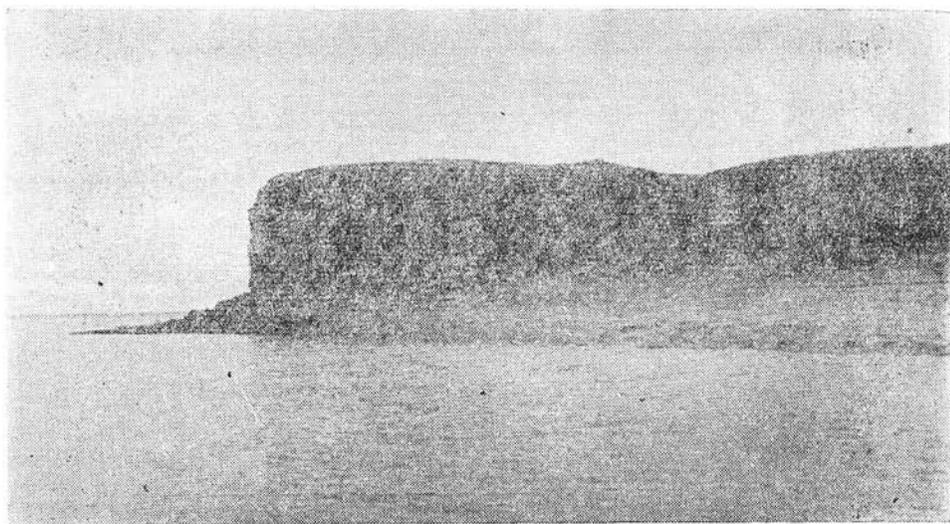
Илья рассказал о случившемся. Как только он пристал к облюбованному для лагеря месту и начал раскладывать костер, из-за кустов прямо на него вышли четыре медведя: самка и довольно взрослые дети-погодки. Бывалый охотник, конечно, не растерялся. Он выстрелил из мелкашки вверх, медведи остановились, а Илья — в лодку. И, как это ни удивительно, мотор завелся на этот раз с первого рывка, иначе все кончилось бы по-другому...

Двигаясь по этим глухим медвежьим местам, иногда даже пристраивая свою палатку прямо к медвежьим берлогам (был и такой случай), мы достигли, наконец, более щедрых в археологическом отношении мест.

Возле села Каменского нашли становища древних охотников на дикого оленя. В пяти километрах выше и в шести километрах ниже этого села на сопках с плоскими открытыми вершинами на мелкощербистой поверхности собрали вещественные доказательства производственной деятельности древних поселенцев — преимущественно каменные отщепы.

А в самых низовьях Пенжины посчастливилось обнаружить и более мощные культурные напластования позднего неолитического времени. Это были руины становищ морских зверобоев — предков коряков. Остатки одного из них исследовали на вершине каменистого Зеленого мыса в двух километрах вниз по течению от села Манилы (на правом берегу Пенжины), другой — на Большом мысе, тоже каменистом, — еще пятью километрами ниже, по тому же правому берегу реки.

На обеих стоянках ясно видны жилые ямы глубиной до одного метра и пяти-шести метров в поперечнике. Культурный слой находился

в буром суглинке. Среди находок преобладает керамика с налепными валиками и грубые скребки, ножи и наконечники из базальта, а также кости морских зверей.

Аналогичный подъемный материал был собран на огородах в селе Манилы, на террасе четырех-пяти метров высотой.

Закончился этот сугубо рекогносцировочный маршрут возвращением на нашей лодочке в сильный шторм обратно в Каменское, откуда мы вылетели в Петропавловск-Камчатский, когда уже все было покрыто снегом.

На Командорских островах

Еще одна попытка определить путь возможного расселения племен из Азии в сторону Америки была предпринята нами в 1964 году на острове Беринга, самом большом из Командорских островов.

В начале сентября, оставив на Ушковском озере отряд студенток педагогического института во главе с Тамарой Митрофановной Диковой, мужская часть экспедиции вместе со мной вылетела из Козыревска прямо на остров Беринга в село Никольское. Нас было семеро: Давид Райзман, Илья Гурин, Петр Гунченко, Владимир Ким и двое студентов-геологов. В селе Никольское мы ознакомились с его достопримечательностями, побывали у памятника знаменитому командору Битусу Берингу.

Вместе с Алексеем Чириковым он возглавлял две большие, так называемые Камчатские экспедиции, снаряженные по приказу Петра I

Рис. 54. Стоянка каменного века на Зеленом мысе, на реке Пенжине.

Рис. 55. Памятник Витусу Берингу в селе Никольское на острове Беринга.

для изучения прохода между Азией и Америкой в 1725—1730 и 1733—1743 годах. Он умер во время зимовки на острове, носящем ныне его имя.

Познакомились мы и с весьма активной общественностью острова. Оказалось, что местные жители знают историю своих островов и гордятся их историческим прошлым, собираются организовать краеведческий музей.

Раздобыв в Никольской школе лодку, мы повезли ее на большое Саранное озеро. Правда, километрах в трех, не доезжая до озера, машина остановилась: дальше не было дороги, и нам пришлось тащить лодку по дну пересохшей речки, соединяющей озеро с Беринговым морем.

Наконец, лодка на огромном озере, обрамленном обрывистыми гористыми берегами.

Что оно нам сулит? Ведь мы ждем от него ответа: горели или нет на его берегах костры древних палеолитических или хотя бы мезолитических охотников. Если нет, то вряд ли есть смысл искать их следы в других местах на Командорах. Саранное озеро — самое удобное место для охотников и рыболовов.

За два дня на моторной лодке удалось осмотреть каждую пядь берега, что позволило убедиться в отсутствии на острове древних землянок. Только на одном мыске встретились следы более поздних землянок. Такие же ямы от жилищ встречались и слева от устья речки, выходящей из озера, на склоне возвышенности, где теперь стоят домики пионерского лагеря.

Чтобы составить более полное представление о древних памятниках острова, совершили две поездки к котиковым лежбищам. К север-

ному лежбищу доехали на машине. Здесь нашли довольно много таких же поздних алеутских землянок с обильными остатками продуктов морской охоты и костей различных морских животных, преимущественно ластоногих.

К юго-западному мысу смогли добраться только на вездеходе. Там, возле большого котикового лежбища, на заросшем высокой травой склоне сопки нашли те же следы пребывания морских охотников. В глубоком шурфе встречалось множество расколотых костей мелких ластоногих и птиц.

Работы на острове позволили сделать вывод, что обитаем он сравнительно недавно, но до поселения здесь алеутов. Вместе с тем мы убедились, что в палеолите, мезолите и даже раннем неолите остров не заселялся. Да это и понятно. Ведь он был всегда отделен глубокой морской впадиной от полуострова Камчатки, даже в то ледниковое время,

Рис. 56. К Саранному озеру нам пришлось тащить лодку по мелководью.

когда существовал сухопутный мост между Чукоткой и Аляской. Только относительно развитые мореходные средства поздних морских охотников позволяли форсировать эту преграду. Следовательно, в результате нашей разведки окончательно отпадала довольно широко распространенная гипотеза о заселении Америки в палеолите через Командорские и Алеутские острова.

Это весьма существенный исторический вывод, сделанный нашей экспедицией после семидневной напряженной работы на острове Беринга.

После посещения острова Беринга не было никакого смысла ехать на остров Медный (второй из Командорских островов). В результате обстоятельных разведок американского археолога, чеха по происхождению, Алеса Грдлички, в пещерах этого острова были обнаружены только поздние погребения алеутов. А для стоянок более древних, чем

Рис. 57. Котиковое лежбище возле древней стоянки на северо-западном мысе острова Беринга.

культура морских охотников, остров Медный еще менее пригоден, чем остров Беринга. И мы вернулись на Камчатку, на нашу стационарную базу на Ушковском озере. Именно там мы нашли, наконец, наиболее древние следы людей и ответ на вопрос, каким же путем заселялась Америка в палеолите.

По ступеням тысячелетий к палеолиту Ушковского озера. Палеолитические жилища и погребение

Уже третий год мы вели раскопки на берегу Ушковского озера и не переставали восхищаться исключительно живописным его местоположением, великолепным видом на вулканы Толбачик, Ключевскую сопку и Шивелуч. И с каждым годом оно все более радовало нас новыми находками.

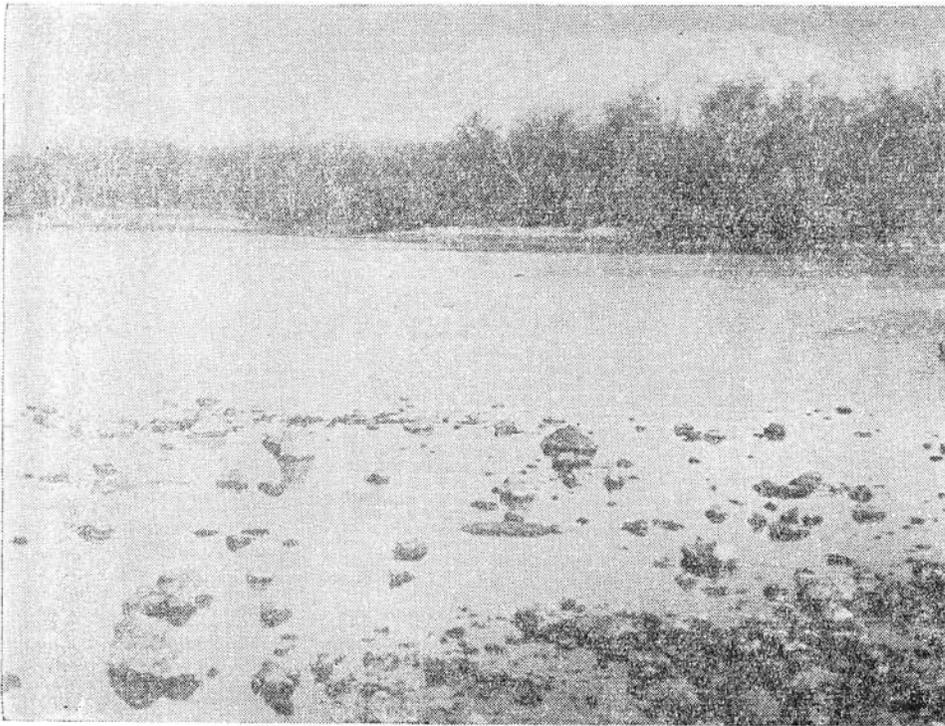
Южный берег этого богатого рыбой озера сверху донизу нафарширован так называемыми культурными слоями. Их здесь (если считать все прослойки) оказалось двенадцать — рекордное количество чуть ли не для всей Сибири. Раскапывая их последовательно сверху вниз, мы проследили развитие культуры в течение многих тысячелетий, проникли здесь в прошлое глубже, чем где бы то ни было на Северо-Востоке СССР.

Уже в самом верхнем слое нас ожидал приятный сюрприз: рядом с небольшой землянкой ительменского типа сохранились остатки святилища. Его шатер, так же как и сама землянка, сгорел в огне пожара. Но среди рассыпавшихся в прах углей после тщательной расчистки явно проступили очертания огромной рыбы, выложенной из жердей и бересты. Так мы нашли изображение родоначальника того рыбоподобного бога Хантая, которому еще в XVIII веке, по свидетельству С. Крашенинникова, поклонялись ительмены. Древние рыболовы приносили в жертву своему божеству лучшие, самые жирные кусочки. В его берестяном желудке мы отыскивали много косточек от самых лакомых головных частей кижуча и гольца. Кроме землянки и культового сооружения, в этом пласте оказалось много ям для хранения рыбных запасов. Всюду нам попадались обломки каменных изделий: наконечников стрел и копий, скребков, шлифованных плоских топоров и тесел.

Техника шлифования твердого камня была известна и тем, кто оставил следы своего обитания в нижележащем слое на глубине 70—80 сантиметров, хотя он не менее чем на тысячелетие древнее верхнего. Шлифованные тесла, треугольные в поперечном сечении, оказались здесь «руководящей», как говорят археологи, формой, типичной только для этого слоя. Они очень удобны для изготовления лодок-долбленок, столь необходимых рыбакам Камчатки, как древним, так и современным.

Но стоило нам спуститься еще на одну ступень, на глубину более чем на один метр, и очутиться в V—IV тысячелетиях до н. э., как все резко изменилось. Здесь не оказалось никаких шлифованных орудий и господствовала совершенно особенная техника использования тонких и прямых обсидиановых пластин с острыми, как у бритвы, краями. Такие ножевидные пластины скалывались со специально подобранных продолговатых галек. Первобытный мастер обрубал у гальки концы, затем сбивал с нее продольные прямые пластинчатые отщепы в несколько сантиметров длиной. Эти режущие стандартные пластинки вставлялись в пазы роговой или костяной оправы. Оснащенные такими составными лезвиями кинжалы, ножи и наконечники копий сочетали в себе прочность, упругость кости и смертоносную остроту тонко расщепленного хрупкого камня. Люди быстро оценили преимущества этой так называемой «вкладышевой» техники, и она быстро распространи-

Рис. 58. Вид на четвертую многослойную стоянку на берегу Ушковского озера.

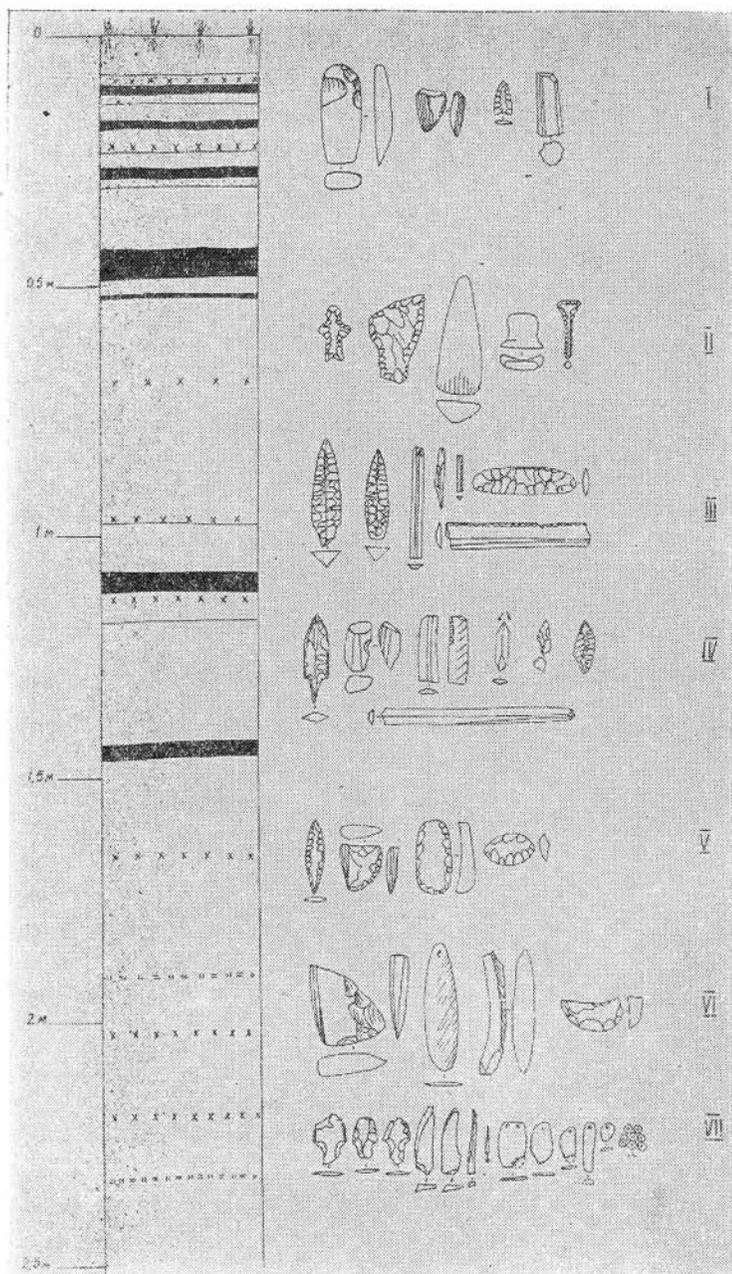

Рис. 59. Схема
 послойного распре-
 деления древних
 остатков матери-
 альной культуры.

Черными полосами
 обозначены пепловые
 прослойки, крестика-
 ми и черточками —
 культурные гори-
 зонты).

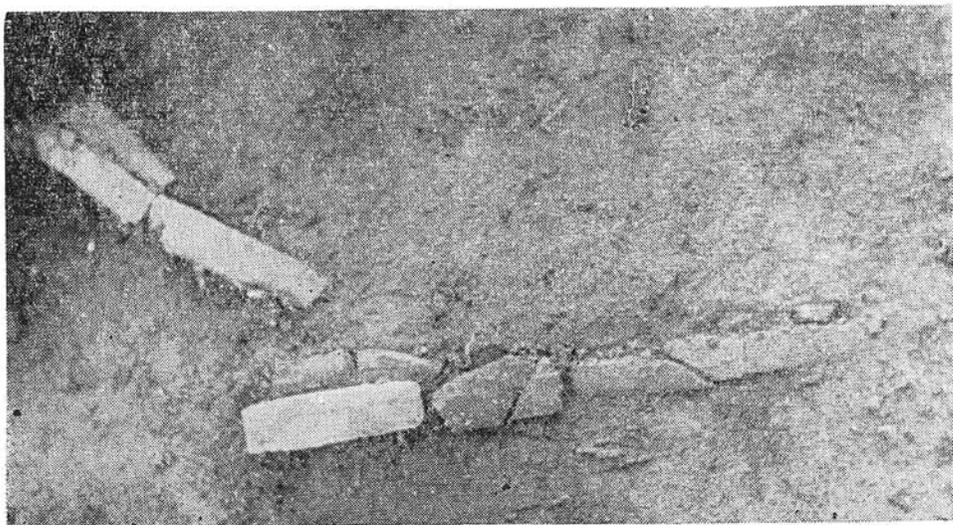

Рис. 60. Obsидиановые ножевидные пластинки, найденные вместе с костяной оправой при расчистке мезолитического IV слоя четвертой Ушковской стоянки.

лась в мезолите на значительной части нашей планеты, в частности, на Северо-Востоке Азии и на Севере Америки.

Ножевидные пластины попадались нам на двух уровнях. На глубине 1,2 метра вместе с ними встречались напильниковидные трехгранные наконечники стрел из obsидиана, а 10—15 сантиметрами ниже под прослойкой вулканического пепла в слое гумусированной супеси им сопутствовали совсем другие наконечники стрел (черешковые с ромбическим поперечным сечением). И там и тут ассортимент каменных изделий дополнялся резцами, сделанными из ножевидных пластин, скребками, двусторонне обработанными листовидными ножами, и, что весьма примечательно, здесь так же, как и в вышележащем слое, совсем не было клиновидных нуклеусов. Последние имели призматическую, карандашевидную и коническую форму, причем часть их была обработана лишь с одной стороны и имела уплощенную форму.

Следующий пласт супеси под еще более глубоким слоем пепла мы снимали с особым вниманием. Ведь никто из археологов не проникал так глубоко в прошлое Северо-Востока. Мы стояли на древнем слое почвы, уровень которого более чем на полтора метра ниже современного. Данные палинологии указали нам вскоре, что климат в то время здесь был более суровым, чем теперь, древесной растительности не было вовсе, кругом простиралась каменистая тундра. В этом слое (древность которого по остаткам угля физиками определена в $10\,360 \pm 350$ лет) обнаружены следы людей. Их культура резко отличалась

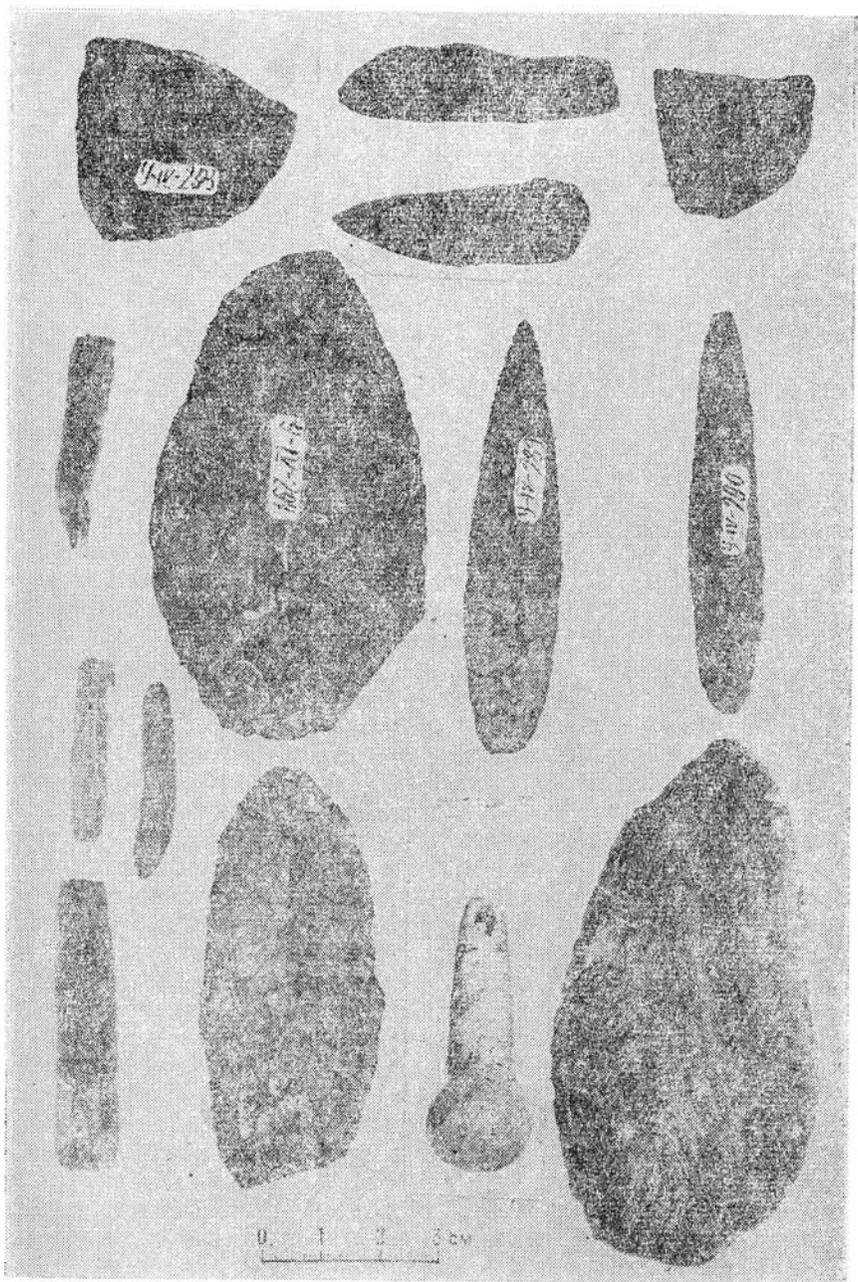

Рис. 61. Вещи из слоя VI Ушковской стоянки.

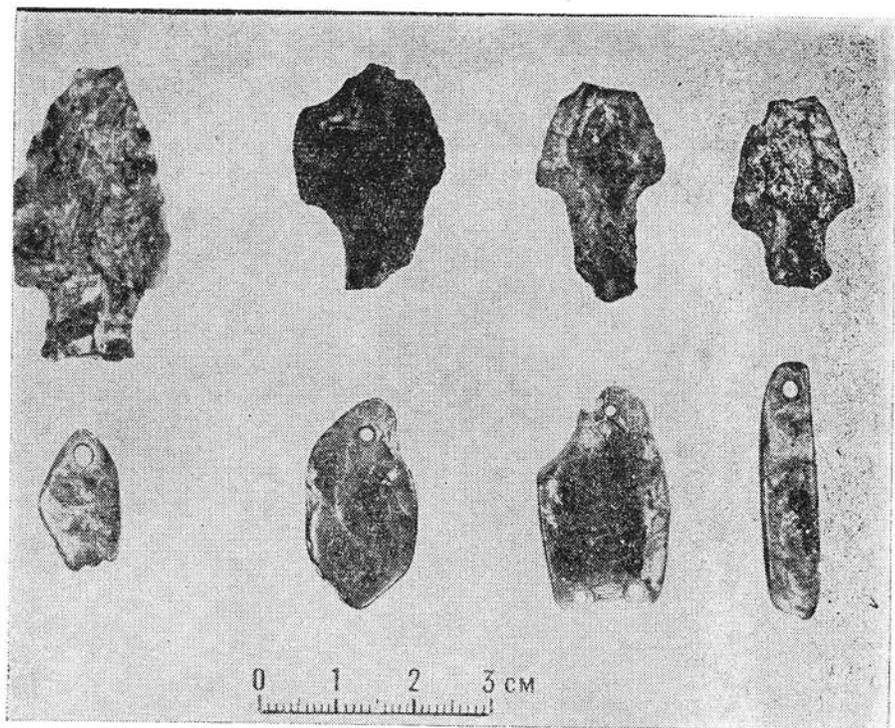
от исследованной нами выше. На охоте ими использовались дротики и копья с каменными двусторонне обработанными листовидными наконечниками. У них были совсем особые приемы обработки кремня. Исключительно широко использовали мелкие нуклеусы своеобразной клиновидной формы, с которых можно было скалывать самые тонкие ножевидные пластинки.

Для их каменного инвентаря характерно типичное для сибирского палеолита сочетание тонких микролитических пластинок с бытованием крупных ударных и скребковидных орудий.

Короче говоря, этот культурный пласт (по нумерации на разрезе это слои Va, Vб, VI) не только по своему хронологическому положению, но и по характеру своей каменной индустрии является типично палеолитическим в том понимании, какое сложилось о палеолите Северной Азии. Таким образом, мы попали, наконец, на след хотя и позднего, но самого настоящего палеолита.

Рис. 62. Раскопки палеолитического VI слоя на Первой Ушковской стоянке.

По мере дальнейших раскопок на берегу Ушковского озера, предпринятых в 1965—1967 годах, постепенно вырисовывалась более полная картина палеолитических становищ. Раскопки велись теперь уже на трех стоянках (Ушки I, Ушки II и Ушки IV) на площади в сотни квадратных метров, где встречались уже не только отдельные кострища, но и остатки различных жилищ. Всего их исследовано семь.

Полуподземные жилища были очень неглубокими и напоминали жилища некоторых американских индейцев, надземные имели, вероятно, вид чумов или вигвамов.

Степень сохранности жилых сооружений оказалась различной. Полностью сохранилось основание слегка углубленного в землю четырехугольного жилища с коридорообразным входом и кольцевым очагом, с четырьмя опорными столбами вокруг последнего (№ 1). Пол остальных жилищ, конструктивно отличающихся друг от друга, сохранился частично. Среди жилищ обнаружена еще одна округлая землянка (№ 6) с очагом из уложенных неправильным кругом камней (Ушки IV). Два других сооружения были целиком наземными шалашами округлой и овальной формы с пепелищами очагов без каменных обкладок (Ушки I и IV). Состояние остальных трех жилищ не позволяет

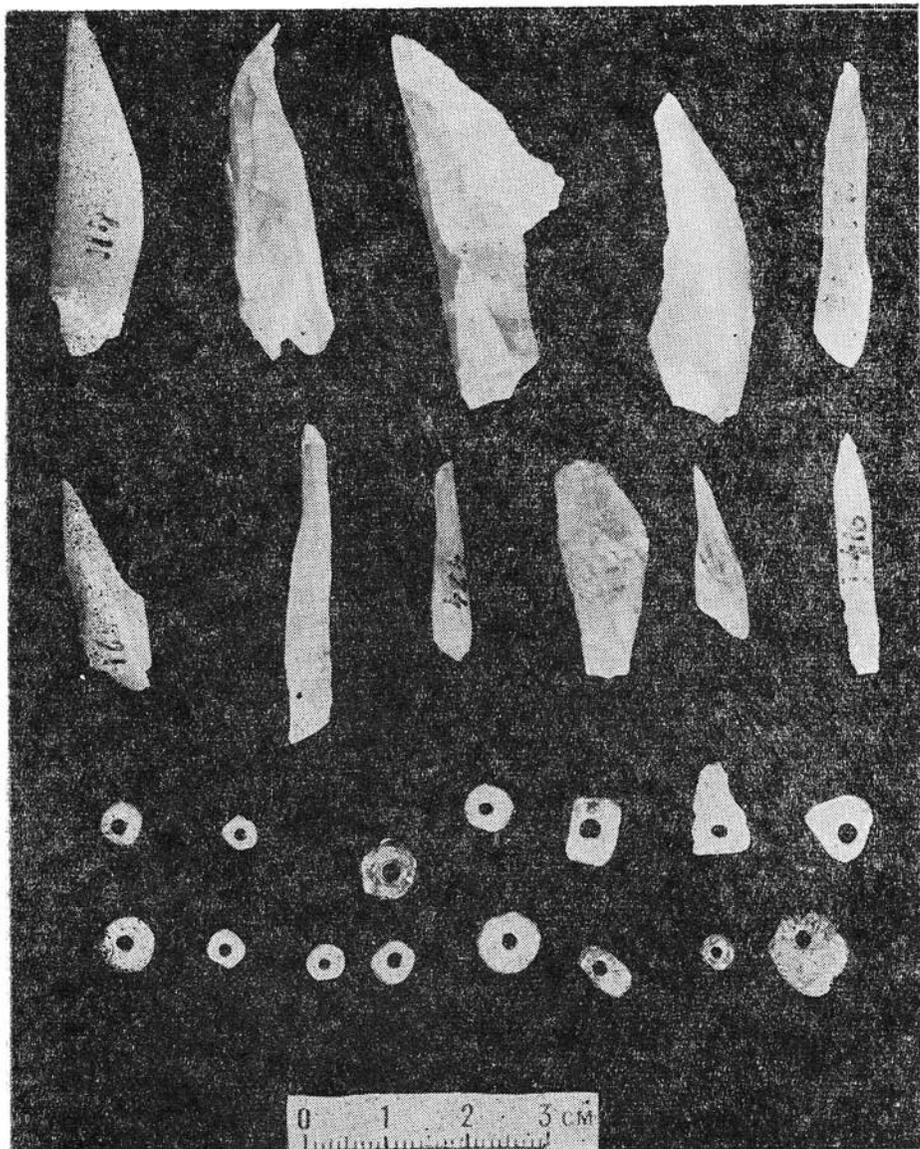

Рис. 63. Слева: каменные наконечники стрел и подвески из VII палеолитического слоя (со стоянки и из погребения) Первой Ушковской стоянки. Справа: литовые режущие остря и пирофилитовые бусы из Ушковского палеолитического погребения.

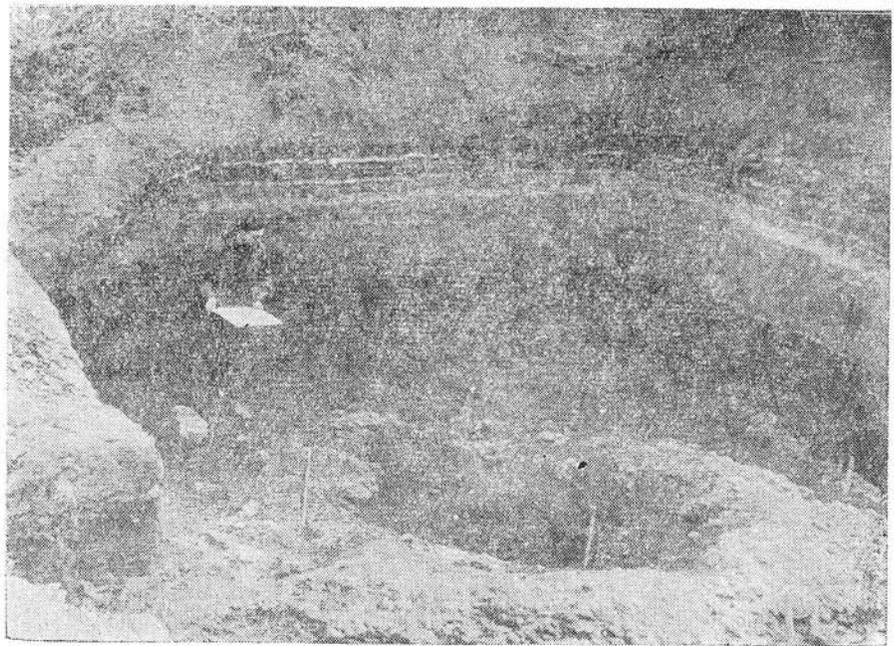
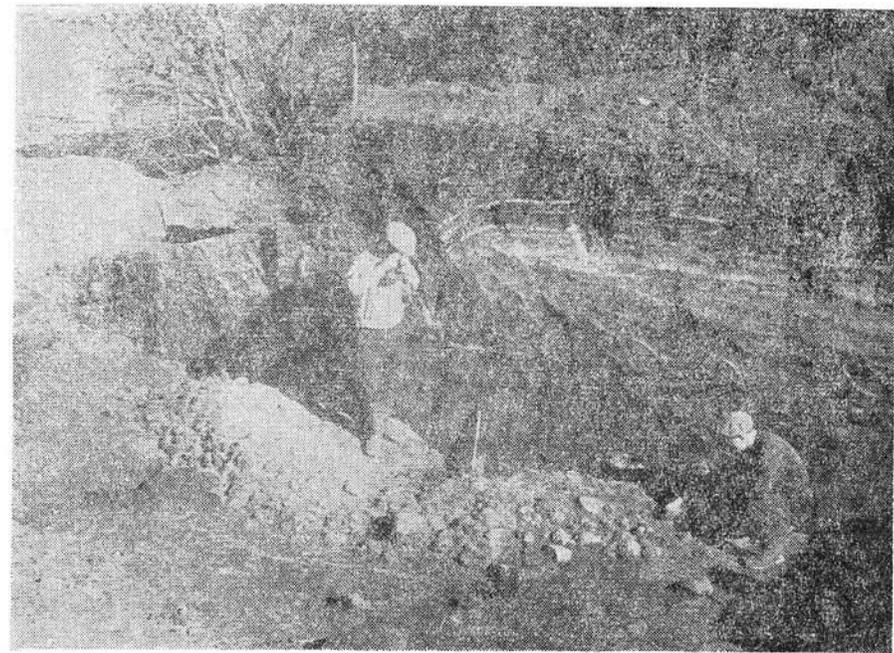
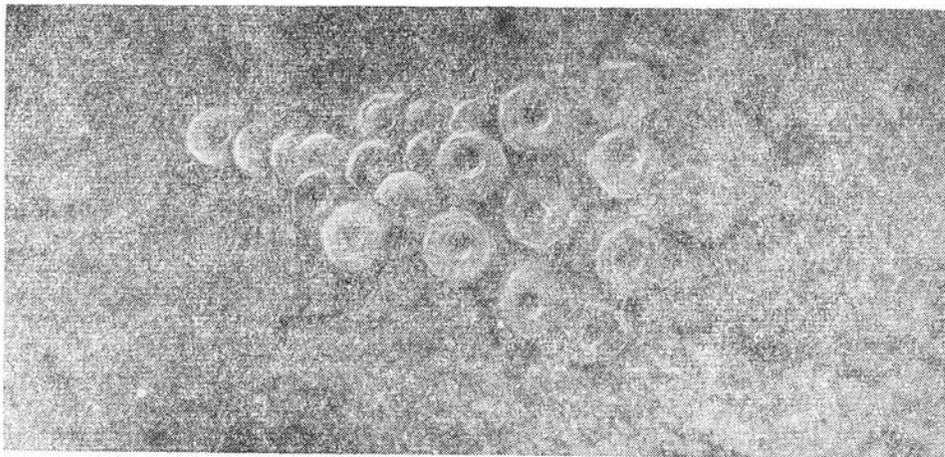

Рис. 64. Исследование неолитического погребения на берегу Ушковского озера.

определенно судить об их форме и устройстве, ясно одно, что у двух из них каменные многосекционные очаги. Площадь жилищ относительно небольшая — от 12 до 20 квадратных метров. По краям очагов в жилищах № 1 и № 6 зафиксированы многочисленные углистые прослойки, соответствующие, очевидно, сезонному ритму заселения. В жилище № 6 четко прослеживались два уровня пола в виде окружающих очаг углистых прослоек, разделенных тонким (10—20-сантиметровым) стерильным слоем супеси. Этот слой между верхним и нижним настилом свидетельствует о довольно длительном перерыве в повторном заселении жилища.

Раскапывая эти драгоценные для науки палеолитические жилые комплексы (не так уж много их известно в Сибири), мы применяли единую строго выдержанную методику. Она заключалась в сочетании двух основных приемов прослеживания пола и общих внешних контуров: наблюдением по разрезам на так называемых «бровках» и тщательной зачисткой пола от очага к краям жилища. Такая методика оказалась очень эффективной вследствие того, что во всех жилищах пол представлял собой более или менее интенсивное углистое пятно, постепенно сходящее на нет к периферии. Обугленность пола отнюдь не является непременно следствием пожара. Она могла возникнуть и в результате каждодневного замусоривания пола очажным углем и постоянного его втапывания, что свидетельствует об очень низком санитарном состоянии первобытного жилья. Кроме каменных изделий, на полу всегда разбросаны многочисленные отходы производства: отщепы, оскол-

Рис. 65. Подвеска из каменных бусинок, обнаруженная в процессе расчистки Ушковского палеолитического погребения.

ки и кости животных. Все это вместе с углистой прослойкой делает культурный слой еще более заметным.

В очагах мы собрали только угли для определения их возраста по радиоуглероду и косточки рыб. По определению ихтиолога Цепкина, кости принадлежали весьма крупным лососевым. Основой существования обитателей ушковских палеолитических становищ была, следовательно, не только охота, но и рыболовство, ради которого они, очевидно, и поселились на берегу обильного рыбой и никогда не замерзающего озера.

Но самое интересное и значительное оказалось еще глубже, в более древнем палеолитическом слое. Костры рыболовов и охотников на мамонтов горели на погребенной в этом слое почве около 15 тысяч лет назад (радиоуглеродные даты, определенные профессором В. В. Чердынцевым, $14\,300 \pm 200$ и $13\,600 \pm 250$ лет). Мы нашли их следы на глубине, свыше двух метров; угольки, грубо обитые с одной или с двух сторон, каменные черешковые наконечники стрел, непохожие на все известные нам до сих пор. Рядом с древними кострищами отыскивалось и палеолитическое погребение. Могильная яма, выдолбленная в каменистом грунте, и большая площадка вокруг нее были засыпаны ярко-красной охрой — непременным для палеолитических погребений магическим «восстановителем» жизненной силы. Кости погребенного не сохранились, но судя по всему, он лежал на боку в скорченном виде. На дне могилы было огромное количество бисера, бус и различных подвесок, с поистине ювелирным мастерством сделанных каменными резцевидными остриями (они были тут же) из мягкого цветного камня — пирофилита. Судя по расположению всего этого, таким типично индейским «вампумом» была украшена одежда погребенного.

Эта находка была совершенно неожиданной. Случайное ли это совпадение или действительно глубокие азиатские истоки индейского обычая носить вампум — ожерелья, пояса и различные другие украшения из бус и бисера? Короче говоря, мы оказались лицом к лицу с проблемой заселения Нового Света.

Проблема заселения Америки

Как известно, на огромном Американском континенте, так же как и в Австралии, эволюция обезьян не привела их к очеловечению. Люди появились там из теплых стран Старого Света уже значительно позже, лишь тогда, когда они окончательно сформировались, научились приспособливаться к перемене климата, изобретая теплые жилища и одежду. Не с Европой и Африкой, а именно с Азией, притом с ее юго-восточной частью, связано коренное индейское население Америки своим протомонголоидным антропологическим сходством и совпадением многих

этнографических элементов культуры, таких, например, как копьеме-талка, стрелометательная трубка, катамараны, жилища, на плотках.

Проблема древности проникновения первых человеческих обществ из Азии в Америку решается сейчас интенсивными археологическими исследованиями как в Южной, так и в Северной Америке. Ученые получили возможность широко применять радиоуглеродный метод для определения возраста археологических остатков. На основании этих данных большинство археологов и антропологов полагает, что появление человека в западном полушарии относится к верхнепалеолитическому периоду — 30—15 тысяч лет назад. Такая датировка, конечно, весьма приблизительна и по мере выявления хорошо датированных археологических материалов может существенно измениться.

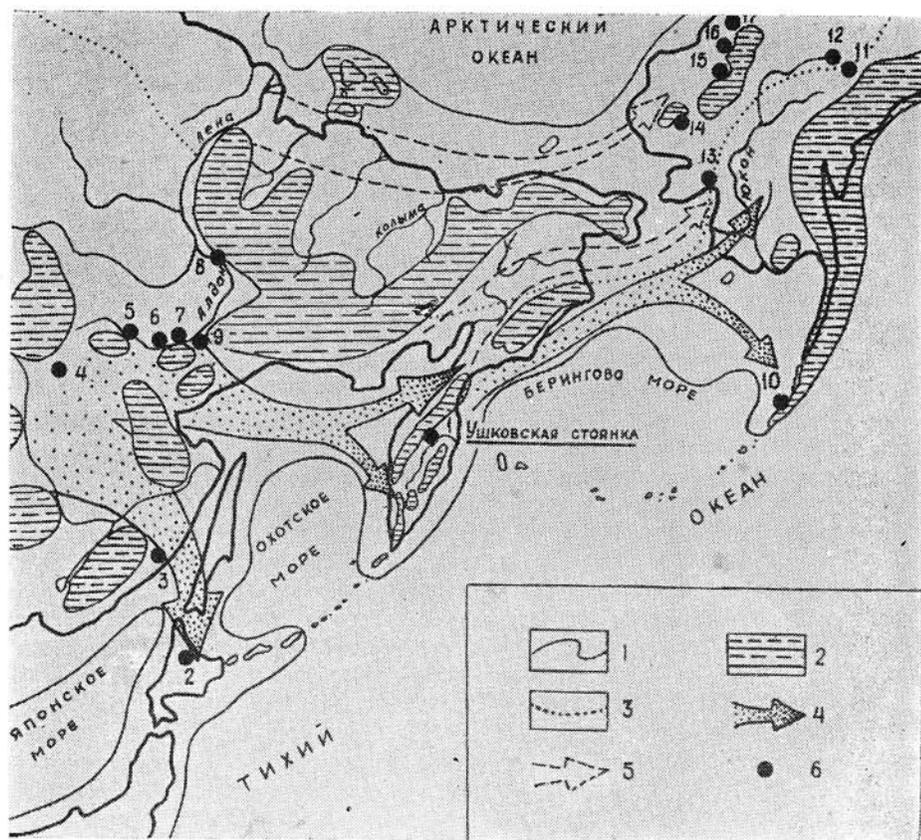
Не хватает археологических данных для решения и другой проблемы: какими же именно путями шло первоначальное заселение Америки из Азии? Многие исследователи считают, что основной путь проходил через Северо-Восточную Азию, но полное отсутствие сведений об археологических памятниках на этой территории, более древних, чем поздний неолит, исключало возможность представить такой путь сколько-нибудь конкретно и определено. Отсутствие археологических данных позволяет порой некоторым ученым воображать совсем уже маловероятные, подчас и вовсе фантастические пути первоначального заселения Америки через южные широты Тихого океана, Меланезию, Полинезию и даже Антарктиду в период отступления на ней ледника.

И только теперь, когда на Крайнем Северо-Востоке Сибири, на Камчатке открыт палеолит, к этой сложной проблеме можно отнестись не только с антропологических и этнографических позиций, но и с вполне определенными достоверными археологическими материалами.

В Америку через Камчатку. Мост в Новый Свет

Совершенно очевидно сходство камчатского палеолита с нашим южно-сибирским поздним палеолитом. Многие типы каменных изделий с южно-сибирских палеолитических стоянок (Афонтова Гора II, Красный Яр, Федяевская, Верхоленская Гора), а также со стоянок соседней Монголии, такие, как скребки, клиновидные нуклеусы, двустороннеобработанные ножи и наконечники, буквально повторяются в палеолитических слоях Ушковского местонахождения. Но в сибирском облике Камчатского палеолита есть что-то такое, что заставляет вспомнить и иные древности.

С одной стороны, налицо очевидная близость древнейшей каменной индустрии Камчатки с наиболее древней так называемой докерамической культурой Японских островов. И там и тут господствует техника скальвания ножевидных пластин с клиновидных нуклеусов.

С другой стороны, очень заметно техническое сходство некоторых позднепалеолитических и раннемезолитических комплексов на Аляске (Онион Портедж Хилли-Лейк, Анангула и др.) с каменными вещами ушковского палеолита.

Там найдены такие же клиновидные нуклеусы и широкие скребла — ножи. А иволцистые, покрытые с двух сторон отжимной ретушью каменные наконечники верхних горизонтов ушковского палеолита в точности копируют американские раннемезолитические наконечники кордильерских стоянок.

Ушковские черешковые наконечники (из VII слоя) сходны с древнейшими на юге Америки (из пещер Фелл и Палли-Айк) и являются, очевидно, реликтами наиболее древней протоиндейской культуры.

Все перечисленные аналогии отмечают тот великий многоэтапный путь, по которому в течение тысячелетий шло распространение людей, вещей и идей из Сибири в Америку.

Ответвление этого пути шло в Японию.

Рис. 66. Пути распространения культуры в верхнем палеолите из Сибири на Аляску через Камчатку, Чукотку и древнюю Берингию (палеогеографическая основа по Д. М. Гопкинсу, Д. В. Наливкину, Г. Л. Пейве, Мисимуро Сабуро, Ю. Г. Решетову).

- 1 — контуры древней суши;
 2 — оледенения;
 3 — граница между арктической флорой и тайгой;
 4, 5 — пути распространения культуры;
 6 — палеолитические и мезолитические стоянки.

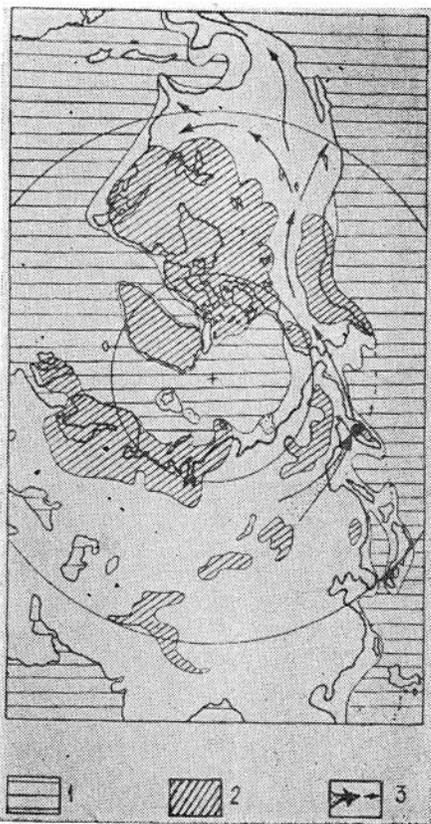

Рис. 67. Заселение Америки в ледниковое время.

- 1 — площадь, занятая морем;
 2 — районы оледенения;
 3 — один из берингийских путей в Америку.

Чтобы представить себе все это наглядно и оценить роль камчатского палеолита в заселении Америки, воссоздадим в своем воображении ту палеогеографическую обстановку, в условиях которой все эти события происходили.

Камчатка в эпоху наибольшего развития последнего оледенения, что совпало со временем максимальной, так называемой гримальдийской регрессии (отступления) мирового океана, входила в обширную приледниковую зону, протянувшуюся от Северной Европы через всю Сибирь к Северной Америке. С последней она была тесно связана Берингией — широким тысячекилометровым мостом суши на месте нынешнего Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Прямая сухопутная связь была тогда и через нынешнее Охотское море между Амуром, Сахалином и Японскими островами, с одной стороны, и с Камчаткой, с другой.

Первоначальное заселение Камчатки в этих условиях должно было проходить из областей, лежащих где-то к юго-западу от Охотского мо-

ря, по суше. Медленное распространение людей оттуда на северо-восток — на Камчатку, Чукотку и далее по Берингии и привело их в Америку. Разумеется, ее заселение могло идти одновременно и другим путем — северным.

Сначала была заселена Аляска. Несколько позднее, когда надолго образовался коридор между лаврентьевским и кордильерским ледниковыми щитами, люди проникли по нему и на юг Северной Америки. Возможно, что они распространились в этом направлении еще тогда, когда этот коридор был не сквозным. Таким образом, первым землепроходцам Америки пришлось преодолеть однажды узкую перемычку материкового льда. Короче говоря, мы возвращаемся к нашему парадоксальному предположению о проникновении человека в Америку тогда, когда вход в нее был весьма затруднен и людям приходилось преодолевать, возможно, и сам ледник. Северо-Американский ледник сыграл, согласно этой гипотезе, роль своего рода клапана. Оказавшись за его южной стороной, люди уже не могли, да и не хотели выбираться обратно на север. Они расселились на юг вплоть до Огненной Земли и, оказавшись в длительной изоляции, выработали свои совершенно оригинальные культуры. В частности, охотники к востоку от Скалистых гор изобрели для копий единственные в своем роде, до сих пор нигде в Старом Свете неизвестные, каменные наконечники типа Сандия (с боковой выемкой у основания) и более поздние, типа Кловис, и Фолсом — с желобками с двух плоских сторон, как у японского штыка.

В трудных условиях переселения в заледниковую Америку могли проникнуть, вероятнее всего, только незначительные группы людей. Это подтверждают исследования крови, на основании которых антополог Г. Ф. Дебец пришел к заключению о происхождении коренного населения Америки от какой-то одной небольшой группы населения.

Рост населения способствовал его распространению из района, лежащего к юго-западу от Охотского моря (вероятно, со стороны Алдана, Амура и Приморья), в юго-восточном направлении по сухопутному мосту через Сахалин на Хоккайдо и далее на юг Японских островов. Люди оказались там примерно в таких же условиях изоляции, как и в заледниковой Америке. Правда, эта изоляция была вызвана другими причинами (образованием проливов) и наступила позднее — в начале голоцена (так называется послеледниковое время).

Некоторое сходство камчатского и японского палеолита объясняется поэтому не переселением людей с Японских островов через Курилы на Камчатку, а общностью их происхождения. В начале голоцена Охотское море приобретает свои нынешние очертания, залив Шелихова наполняется водой, и теперь единственной связью Камчатского полуострова с материком становится узкий перешеек на севере. Дорога на Камчатку из Сибири и южных областей советского Дальнего Востока идет отныне только через Чукотку.

Камчатский полуостров становится на некоторое время своего рода резервуаром влияний, идущих преимущественно только с севера со стороны Чукотки. В результате ли переселения племен или диффузии одних только вещей в культурный комплекс послепалеолитической Камчатки проникают северные элементы (ромбические, а затем и треугольного сечения наконечники стрел).

Южные же влияния на культуру Камчатки начинают носить спорадический характер. Теперь они переносятся туда только через Курильские острова и потому находятся в прямой зависимости от степени развития мореходных средств. На некоторое время Камчатка уподобляется своей изолированностью Америке, разумеется, в миниатюре. Входят в свои берега также Чукотское и Берингово моря. Отныне Америке вот уже 10 тысяч лет отделяет от Азии Берингов пролив.

Начало вековой изоляции Северо-Востока. Как Америка была «закрыта»

Но не только новые географические рубежи возникают в голоцене на Северо-Востоке Азии на подступах к Америке. Неравномерность развития производительных сил создавала здесь в то время еще более значительную, хотя и, казалось бы, совсем незримую преграду.

В северной субтропической полосе Старого Света совершались тогда события, имевшие большое значение для дальнейшего развития этнических и культурных связей. Огромный мир охотников, рыболовов и собирателей перестает быть единственным на земном шаре. В долине Нила и Месопотамии и других местах Ближнего и Дальнего Востока, вплоть до Китая, начинается заря другой жизни. От собирания готовых продуктов природы люди переходят к их производству, начинают заниматься земледелием и скотоводством.

Этот революционный процесс распространился кое-где и далее на Север, захватив, например, тундро-степную долину верхней и средней Лены, подойдя здесь почти к самому Полярному кругу — пределу возможного в те времена распространения высокоразвитого скотоводства.

Если раньше в верхнем палеолите и даже мезолите охотникам и рыболовам было все равно куда расселяться, лишь бы не оказалось на пути непреодолимых природных препятствий и был зверь для охоты, если его не страшила даже перемена климата, которая, кстати, при медленном вековом движении почти не осознавалась, то теперь переход населения к скотоводству и земледелию резко сократил стимулы его расселения по континенту на Северо-Восток, в тайгу и тундру, за среднеленские степи в сторону Америки.

Именно с этого времени постепенно наступал длительный (вплоть до Колумба и Дежнева) период относительной изоляции Севера, Край-

него Северо-Востока, а также Америки от высокоразвитых культур Старого Света.

Весьма знаменательный признак этого явления можно усмотреть уже в том, что бронзовый век, достигнув было Чукотки (об этом говорят бронзовые резцы Усть-Бельского могильника трехтысячелетней давности), не перешел через Берингов пролив в Северную Америку. Уже одно это ярко свидетельствует об ослаблении связей, направленных из внутриконтинентальной Азии в сторону Америки. В дальнейшем, в раннем железном веке, эти связи еще больше сокращаются. Постепенно весь Крайний Северо-Восток Азии и Америка выключаются из постоянного контакта со все более прогрессирующими скотоводческо-земледельческими континентальными культурами Восточной Азии. Начинается нечто вроде своеобразного «закрытия» Америки и примыкающих к ней областей Азии, в которых сохраняется охотничье-рыболовецкий быт. Наступает значительный перелом в развитии связей между Старым и Новым Светом, сущность и значение которого нельзя недооценивать.

Замкнувшиеся в своей природной зоне древние цивилизации Старого Света до смехотворного мало знают в этот период о Дальнем Севере Старого Света и совсем ничего не знают об Америке. Воображение древних греков населяет эти далекие земли мифическими гиперборейцами. Древние китайцы полагают, что там живут люди с лошадиными ногами (очевидно, это отголоски проникавших в Китай слухов о якутах-конниках).

Слухи об огромных лежбищах ластоногих и диковинных безусых нерпах, поразительно похожих своими любопытными мордами на людей, дают японцам повод считать, что где-то на Севере обитают народы, сплошь состоящие из женщин. И даже значительно лучше осведомленные о Севере арабы еще в XII веке и позже населяют по традиции неведомые северо-восточные страны «Седьмого климата» фантастическими яджуджами и маджуджами — страшными чудовищами, имеющими по четыре глаза (по два на лбу и по два на груди), покрытыми шерстью, с усами, свисающими до плеч, и издающими звуки, похожие одновременно на змеиное шипение и птичий свист.

Но даже в это время изоляция нашего Северо-Востока и Америки, разумеется, не была абсолютной. Видимо, само отмирание связей шло медленно, как и заселение края. К тому же сокращение стимулов переселения и связей из континентальной Азии вследствие возникновения там высокоразвитых типов хозяйства, скотоводства и земледелия, отнюдь не исключало периферийных путей распространения культуры и переселений вдоль океанских берегов.

Вдоль Ледовитого океана (где и в палеолите, вероятно, проходил путь распространения людей из Азии в Америку), от Норвегии до Гренландии распространяется, как мы уже говорили, в это время удиви-

тельно единообразная циркумполярная культура охотников на дикого оленя.

По Тихоокеанскому берегу и островам Азии шло проникновение на Северо-Восток и дальше в арктическую Америку к предкам эскимосов железа (хотя и в мизерных количествах) и некоторых южных элементов культуры, вроде криволинейной орнаментации.

С неолитического времени начинают развиваться мореходство и, таким образом, впервые открывается возможность случайных (не по воле людей, а по воле стихии) далеких транстихоокеанских странствий на плотках. Иной раз они могли благополучно оканчиваться «открытием» Америки. Свидетельством этого считаются, например, получившие широкую известность остатки глиняной посуды из недавних раскопок археологом-любителем Эмилио Эстрада раковинной кучи в Эквадоре. Они поразительно похожи на неолитическую керамику Дземон III тысячелетия до н. э. из раковинных куч на Японском острове Кюсю.

Не исключено, что и подобным более поздним путешествиям через Тихий океан (следы их еще предстоит открывать) обязано индейское население Америки некоторым своим антропологическим и этнографическим сходством с населением Юго-Восточной Азии.

В заключение хочется возразить тем, кто считает стихийные путешествия одиночек подлинным открытием Америки. Каждому понятно, что странствия по воле стихии не могли привести к открытию нового материка, так как эти «открытия» не становились общественным достоянием Старого Света. Только Христофор Колумб был и остается истинным первооткрывателем многие тысячелетия назад заселенной людьми Америки. Пальму первенства открытия Америки со множества оговорок могут оспаривать разве только скандинавские викинги, знавшие этот материк за пять веков до Колумба.

Но вернемся к Северо-Востоку.

В условиях изоляции история развития пошла там вспять — назад к каменному веку. Черты каменного века были присущи почти всей Чукотке и Камчатке вплоть до XVII века, и даже позднее.

Но и изолированные от всего мира народы нашего Дальнего Севера находили средства борьбы с суровой природой. Несмотря на отсталую технику каменного века и невероятно тяжелые природные условия, там все же шло поступательное развитие производительных сил и производственных отношений.

ПО МОРСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ЧУКОТКИ — К ПРЕДКАМ ЭСКИМОСОВ И БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ

Существенный прогрессивный сдвиг в истории Чукотки этого периода совершился на морском побережье. Примерно две тысячи лет назад в зоне Берингова пролива после нового значительного похолодания распространилась необычайно своеобразная высокоразвитая культура морских зверобоев — предков эскимосов и береговых чукчей. В своем развитии она прошла здесь, как известно, несколько этапов: уэлено-оквикский, древнеберингоморский, бирнирский и (примерно с VII по XV век) пунукский, — названные так по местонахождениям наиболее типичных для них памятников.

Каждый из этих этапов распознается теперь прежде всего по формам костяных поворотных наконечников гарпунов (основного орудия промысла морского зверя) и по стилю художественной резьбы на них и на других костяных изделиях.

Стиль этот, сначала подчеркнуто лаконичный, в древнеберингоморское время достиг особенного расцвета, являя изысканные, а затем уже просто обильные сочетания криволинейных узоров. На пунукской же стадии он резко упростился — стали преобладать узоры из прямых линий и кружков с точками внутри.

В течение всех этих этапов совершенствовался зверобойный промысел. Если сначала поморы охотились на моржей, лахтаков и нерп, то в пунукское время, а может быть и несколько раньше, они научились уже бить китов, отважно выходя на своих кожаных байдарках в открытое море.

К первым векам нашей эры относится крупнейшее поселение Ипиутак на мысе Хоп на Аляске. Это настоящий «город» из 800 землянок, в которых жило не менее 4000 охотников на морского зверя и на оленей-карибу. Более мелкие поселки этих оседлых зверобоев известны теперь по всему Арктическому побережью Чукотки и Северной Америки вплоть до Гренландии, где и сейчас обитают эскимосы — наследники этой древней культуры, потомки ее зачинателей.

Вот уже 200 лет ученые пытаются узнать, откуда и почему в стране вечных льдов возникла такая своеобразная культура, такая изумительная жизнеспособность, такая поразительная художественная одаренность. Длительная борьба взглядов вокруг этой очень сложной эскимосской проблемы уже завершает на наших глазах свой путь диалектического отрицания отрицания. Если сперва (с конца XVIII до середины XIX века) господствовало предположение об азиатском происхождении древней берингоморской культуры, то затем (с конца XIX века) наступила полоса увлечения различными гипотезами ее американского происхождения. С 1930 года в различных вариантах снова начинает преобладать первоначальное предположение. Причем одни (например, американский археолог Коллинз) считают, что предки эскимосов пришли к Берингову проливу с запада и юго-запада, другие (Окладников) отстаивают точку зрения, что они пришли с юга по Тихоокеанскому побережью. Наконец, имеется и такая группа исследователей (Мачинский и др., точку зрения которых разделяем и мы), которым представляется более вероятным, что древняя эскимосская культура приобрела свои характерные черты именно на Севере, а не была принесена туда какими-нибудь пришельцами в готовом виде.

Наличие столь разноречивых точек зрения на данную проблему говорит о том, что, несмотря на длительную историю исследования, культура предков эскимосов известна до сих пор еще недостаточно. Поэтому наша экспедиция в первый же год направляет свои поиски в сторону Ледовитого океана и Берингова пролива.

Сенлун мстит археологам

16 июля 1956 года вместе с Сергеем Этекменом приехали мы на пароходе «Донец» в эскимосский поселок Наукан, чтобы отсюда отправиться в Уэлен к скале Сенлун. Я осмотрел и сфотографировал удивительные науканские жилища. Они до самой крыши обложены камнями, а сверху покрыты моржовыми шкурами. Познакомился со стариком Ияй, с работниками метеостанции и инженером Б. Семененко, соорудившим в Наукане маяк — памятник Дежневу.

На утро следующего дня мы с Сергеем отправились на вельботе дальше на север. Мимо проходят мрачные береговые утесы, вельбот с трудом пробирается между плавающими льдами.

Мне показывают глубокий распадок. Здесь старый Наукан — место, заинтересовавшее профессора С. И. Руденко, производившего первую археологическую разведку у этих берегов в 1945 году. А дальше таинственный Сенлун — крутой уступчатый мыс. Еще дальше, перед самым Уэленом, — Три брата — три остроконечных камня стоят на некотором расстоянии от берега, в море.

И вот наш вельбот под крутым колодцеобразным склоном Сенлуна. При взгляде на эту кручу мне стало немного жутко: как мы туда заберемся — ведь это сплошная осыпь. Выгрузили снаряжение на крохотную полосу низкого, утыканного большими острыми камнями берега. Здесь и палатку поставить негде.

Вельбот ушел, а мы втроем — Сергей, проводник-чукча Памье и я остались на берегу. Я сразу же залез наверх, и предо мной предстало городище, обрамленное низким каменным валом. Древние землянки этого городища были очень хорошо заметны. Среди каменных осыпей по склону сопки над городищем сразу же попались две деревянные пластины от лат и трубчатая человеческая кость — следы побоища, о котором еще в Анадыре в 1955 году рассказывал мне Сергей Этекмен. Когда пили чай, я записал легенду о битве со слов проводника Памье.

Люди, которые устроили в Сенлуне крепость, пришли из тундры. Они были оленеводами, кочующими чукчами.

Однажды зимой мимо этой скалы проходили якуняне, люди с Запада. Они угоняли оленей. Те, что были наверху, стали готовиться к обороне: нагрузили нарты камнями и поставили их на краю обрыва. Один из них пустил стрелу.

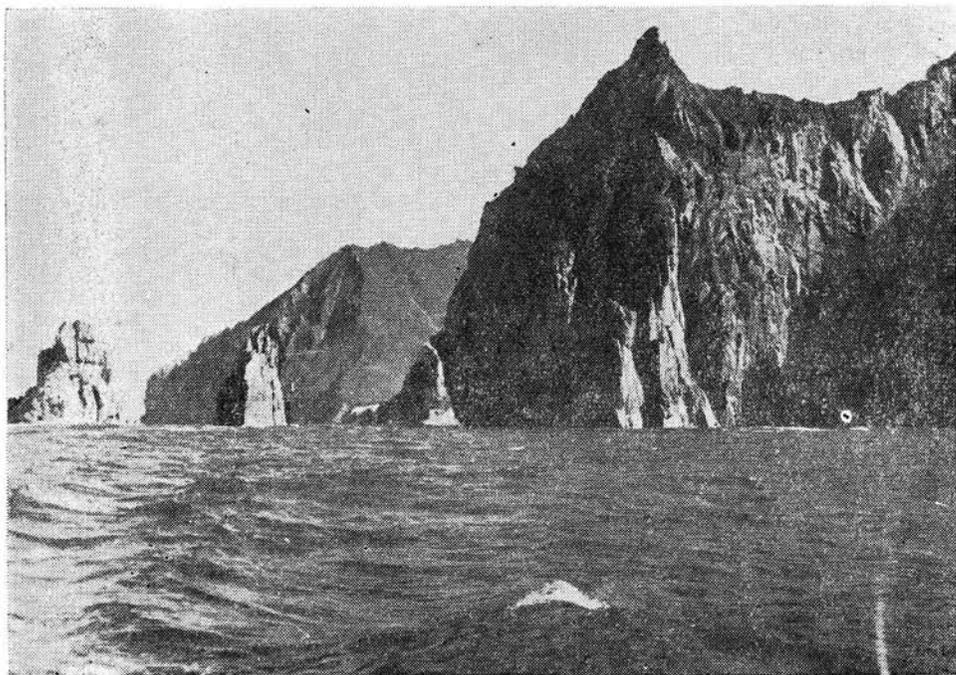
Тогда проходившие мимо решили напасть. Они вскарабкались не со стороны моря, а через распадок, к северу от Сенлуна. Завязалась ожесточенная схватка. Бились копьями, луками и врукопашную. У якунян были железные наконечники стрел, у тех, что наверху, — костяные.

Пришельцы перебили всех. Уцелели только муж с женой; они спустились по тропинке с правой стороны крепости и по льду ушли на север.

Отпустив Памье домой, мы с Сергеем забрались наверх и до самого утра (благо, полярный день, можно работать и ночью) искали следы побоища. Наконец в земле на вершине обрыва попало какое-то мотыгообразное орудие из моржового клыка. Копнул глубже, а там череп! Сергею посчастливилось найти четыре черепа и древко от копья: все это было запрятано среди камней крепостного вала в стороне от основного городища.

Следующие два дня мы снимали дерн внутри большого кольца (метров семь в поперечнике) из врытых в землю камней. Здесь когда-то стояло большое наземное, вероятно, общественное жилище. В дерне попадались только глиняные черепки. Глубже шел чрезвычайно твердый мелкощебнистый грунт.

В осыпи по склону горы обнаружили и вскрыли еще два захоронения, оба под кловыми ребрами, в щелях между крупными глыбами. Человеческие кости располагались на разных уровнях, в беспорядке. Видно, их туда свалили уже после разложения трупа. Человеческий череп (в осколках) найден только в одной могиле. Как правило, кости не в комплекте, многих нет, ребра вовсе отсутствуют, встречались толь-

Р и с. 68. Скалы в Беринговом проливе вблизи Уэлена.

ко трубчатые и черепные; и всюду они засыпаны мелкими камнями. Третье захоронение обломков двух черепов вместе с древком копья обнаружено под китовой лопаткой.

В двух местах человеческие кости были обнаружены вместе с костяной мотыгой и обломком древка среди крупных камней.

Создается впечатление, что все эти погребения вторичные: содержащиеся в них кости, вероятно, были собраны на поле битвы.

Между тем Сергей заболел. Мы успели с ним вдвоем раскопать еще только одно погребение, нашли три черепа вместе с вырезанными из моржовой кости фигуркой медведя и головой нерпы, украшенной поздним, пунукским орнаментом. После этого я отправил Сергея на попутном вельботе в уэленскую больницу.

Оставшись один, занялся составлением плана городища и исследованием одной из маленьких землянок на соседней скале. Попадались все новые и новые находки: каменные топоры, черепки, амулеты и пр. Постепенно вырисовывался план и особенности своеобразного полуподземного жилища площадью около семи квадратных метров, с решетчатым перекрытием из китовых ребер, нарами из моржовых лопаток, вхо-

дом с восточной стороны и с очагом из камней в специальной нише справа от входа.

Прошло несколько дней. Началась непогода. Вельботы не останавливались у скалы Сенлун, а потом и вовсе их не стало.

Землянка была раскопана, я уточнил план городища, еще раз внимательно осмотрел могильник. А горы были уже в плотном белом тумане. Путь в Уэлен отрезан.

Ночью я проснулся от грохота и увидел, что переднюю часть палатки захлестнуло волной и прибило к земле. Вода хлынула сверху, и со склона посыпались камни.

Захватив свой спальный мешок, я вылез из палатки. Хлестал дождь. Ураганный ветер сбивал с ног. Холодные, как лед, камни обжигали босые ноги. С моря надвигались огромные волны. С трудом по сползающим камням я перебрался на более высокое место, натянул на себя мокрый мешок, съежился, стараясь согреться.

Как долго шло время!

На затаянном тучами небе появился маленький клочок лазури. Сколько радости и надежды он мне принес! Я даже заснул. Наконец наступило утро. Медленно поднималось солнце. Днем обсушился, обогрелся. От палатки, кроме колышка с концом веревки, ничего не осталось. Не осталось и никакой пищи. Я знал, что без пищи можно прожить много дней. Надо только соблюдать режим: по пол-литра воды в день и хотя бы холостые жевательные движения. Об этом я прочел однажды в старой энциклопедии братьев А. и И. Гранат. Одному немецкому профессору, рассказывалось там в статье «Голод», удалось прожить таким способом совсем без пищи 68 дней. Правда, он похудел на 20 килограммов, но зато его идея была проверена на практике.

Вода сбегала со склона рядом, а толстые красные водоросли, жесткие и соленые,— это своего рода американская жевательная резинка. Главное, внушение. Только от страха и самовнушения люди гибнут на седьмой-восьмой день. Я это прекрасно знал и чувствовал себя великолепно.

Волны стали между тем меньше, море медленно отступало.

Кажется, только на пятый день резко отодвинулась линия прибой.

На седьмой день из-за скалы со стороны Наукана показался вельбот. Я стал размахивать над головой белым вкладышем от спального мешка. Вельбот круто повернул к берегу. Двое эскимосов выскочили на камни, подтянули вельбот, и через несколько минут сенлунский берег остался уже позади.

Я сказал, что семь дней ничего не ел, но в вельботе пищи не оказалось. Зато одели меня тепло. Хухутан дал свои торбаса, на плечи мне накинули плащ.

И вот Сенлун уже не виден. Впереди знакомые Три брата, а затем уэленская коса.

Меня встретил Игорь Петрович Лавров и увел в больницу, хотя я был вполне здоров и бодр. Больничной койки я избежал, однако без «подкормки» — введения в кровь глюкозы не обошлось. Но более приятной для меня подкормкой была миска горячих щей. И я сразу почувствовал себя вполне готовым к продолжению раскопок.

В эти дни я близко познакомился с художником Игорем Петровичем Лавровым, заведующим Уэленской косторезной мастерской, широко образованным человеком, тонким знатоком искусства. И. П. Лавров был ко мне очень добр, и наши беседы затягивались порой за полночь. Говорили о смысле жизни, об археологии, об искусстве и о многом другом. Игорь Петрович высказал мне весьма любопытную мысль о том, что С. И. Руденко ошибочно считает уэлено-оквикскую культуру древнее древнеберингоморской. По его мнению, она гораздо более позднего происхождения, а раскопанное нами в Уэлене погребение № 1 занимает промежуточное место. Основным доказательством своей точки зрения И. П. Лавров считал наличие нарезок приостренно-овальной формы на боках уэлено-оквикских наконечников гарпунов. По его мнению, эти нарезки имеют рудиментарное, идущее от древнеберингоморской культуры значение и означают прорезы для боковых вкладышей.

Игорь Петрович высказал свои предположения о происхождении уэленских костяных пеликенов (их прообразом вслед за Г. Ф. Дебецом он считает амулеты американских шоферов) и о том, что загадочные «крылатые предметы» были головками гарпунов на кита.

Не забыть, как после одной из бесед, провожая меня, Лавров вышел со мной на берег моря и мы долго любовались изумительной красотой заката. Фантастически живописное небо, синие тучи, как перья в багровом освещении зари, холодная гамма льдистого моря и темный силуэт корабля вдали напоминали полотна Н. Рериха.

Раскопки Уэленского могильника

И. П. Лавров настойчиво советовал мне заняться исследованием древнего Уэленского кладбища, которое было обнаружено совсем недавно. Один из уэленских жителей, А. Т. Симбирский, обнаружил там и принес в Уэленскую косторезную мастерскую несколько костяных предметов с характерным древнеберингоморским орнаментом. При рытье траншей в том месте были найдены и отдельные человеческие кости. А вскоре после этого учитель Д. А. Сергеев со школьниками обнаружил там остатки человеческого скелета с обильным погребальным инвентарем.

Расположение древнего кладбища весьма удачно: на краю скалистого прибрежного уступа предгорной холмистой возвышенности, как раз над тем местом, где начинается галечниковая уэленская коса. От-

сюда открывается широкий вид на косу, лагуну и море. У подножия скалы ручей. Им пользовались в древние времена, когда здесь располагались становища и поселки уэлено-оквикского и более поздних времен, обнаруженные и исследованные С. И. Руденко еще в 1945 году. Наиболее древнее, уэлено-оквикское стойбище располагается у спокойных вод лагуны на склоне той же возвышенности, но за оврагом, в нескольких стах метрах от могильника; другое, пунукского времени, сохранилось в виде больших бугров от прежних землянок у подножия возвышенности на галечниковой косе, отделяющей лагуну от моря — как раз в том месте, где сейчас уэленский чукотский поселок.

Могильник находится на чуть заметном бугре площадью около 300 квадратных метров, на самом сухом месте, покрытом более чем метровым слоем рыхлого делювия из супеси вперемешку со щебенкой. Поверхность почвы в этом месте задернована. Заметны выступающие из нее в разных местах китовые кости, преимущественно ребра и нижние челюсти, уложенные плашмя; камни, а кое-где каменные плиты, врытые на ребро. Одна группа таких врытых в землю плит оказалась ограждением трех могил, расположенных тесно одна возле другой и устроенных почти так же, как известные плиточные могилы Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века. В пяти метрах к северо-востоку от этой группы могильных оград лежит углубленный одним концом в землю продолговатый камень длиной 1,1 метра. Местные чукчи называют его «старуха-камень». Любопытно, что примерно в 100 метрах к северу от этого камня, на самом краю скалистого обрыва, торчит из земли в наклонном положении «старик-камень» — широкая плита высотой 1 метр, шириной 60—85 сантиметров, толщиной 20—25 сантиметров. Он подперт другим, специально врытым для этого в землю камнем. К востоку, несколько в стороне от могильного бугра, на задернованной поверхности выложено кольцо из хорошо сохранившихся медвежьих черепов.

С целью разведки границ могильного поля мы предприняли раскопки по краям бугра с юго-западной и северо-восточной его сторон.

На юго-западном краю бугра уже в дерне попадались разрозненные человеческие кости от трех скелетов, в том числе три черепа. Кости ног двух, а также и кости рук одного скелета располагались в анатомическом порядке. Под костями ног лежали плашмя две моржовые лопатки. Благодаря этому можно заключить, что покойники были погребены на моржовых лопатках. У южной стенки раскопа на глубине 30 сантиметров, то есть несколько глубже скелетов, был обнаружен еще один небольшой костяк погребенного, лежавшего на спине головой на запад, но лопаток морзверя под ним не было. Возле левого плеча лежал женский нож для обработки шкур из глинистого сланца, а несколько ближе к отдельному черепу — наконечник кирки из моржового клыка — орудие, которым могли копать и эту могильную яму.

Раскопки западной половины вскрытой площади под разрозненными скелетами, произведенные на глубине более 1 метра, до щебня, не дали больше никаких находок. В восточной же половине уже в дерне попадались ребра лахтака и моржа, а на глубине 60 сантиметров под каменной плитой лежал скелет человека, погребенного по значительно более древнему обряду: в отдельной грунтовой могиле без плиточного обрамления.

Скелет лежал навзничь в щебенчатой земле, черепом на восток. Ноги были вытянуты, руки слегка согнуты. Среди обгоревших ребер находилось несколько каменных скребков, три нуклеуса и отщепы, а также два больших ударных нуклеидных орудия из обсидиана.

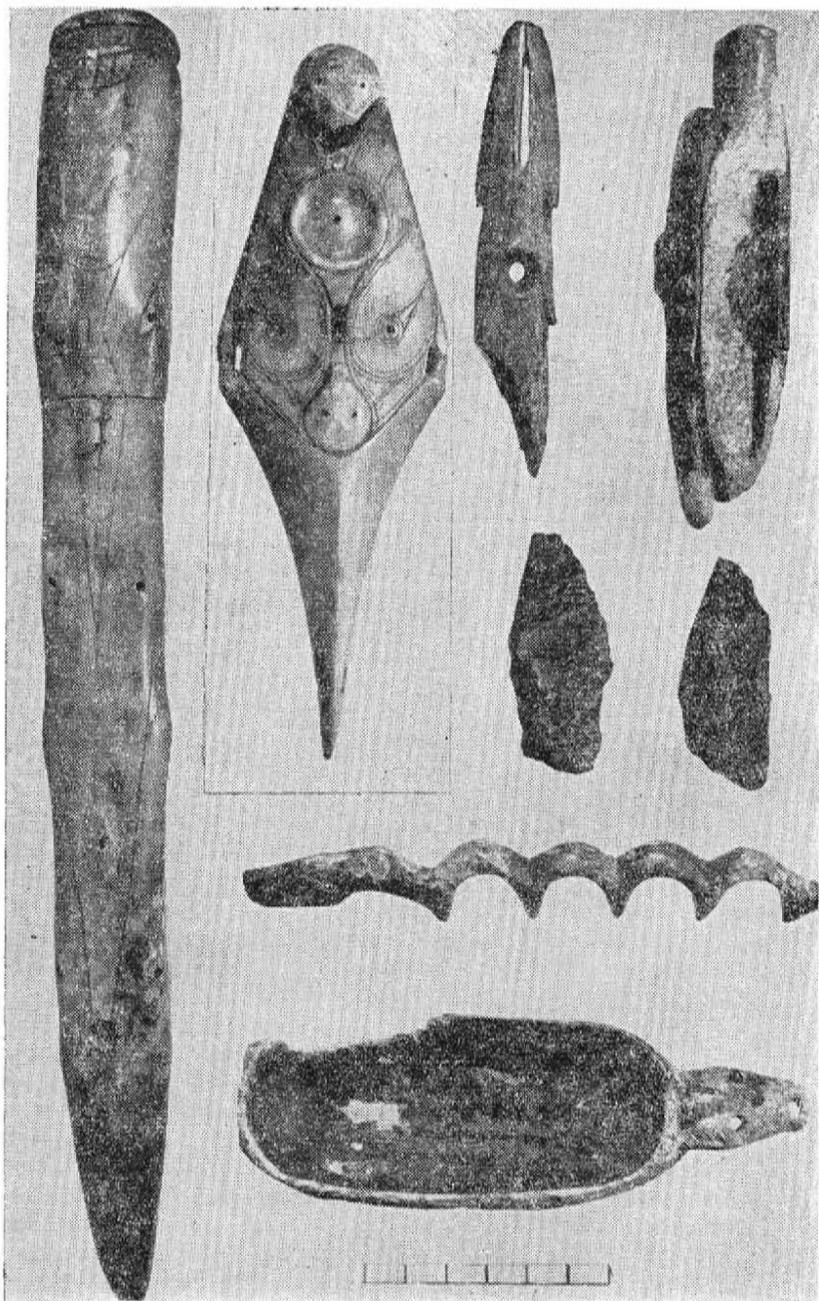
Справа, возле плечевой кости сохранился длинный костяной стержень с боковыми выемками для вставных каменных лезвий (вкладышевый наконечник копья), а в стороне от левой плечевой кости — орнаментированный в уэлено-оквикском стиле роговой лучок от прибора для добывания огня сверлением. На тазовых костях плашмя лежал большой нож из глинистого сланца, расколотый надвое.

Он был сломан нарочно, чтобы его «душа» наверняка попала на тот свет к душе хозяина-покойника. Между бедренными костями находилась меньших размеров нож из глинистого сланца и скопление мелких кремневых халцедоновых и обсидиановых изделий: наконечники стрелы, три скребка, четыре ретушированные ножевидные пластинки, проколка из глинистого сланца и миниатюрное вкладышевое лезвие поворотного гарпуна из кремнистого сланца, а также клык медведя и поделка из оленьего рога для соединения поплавков (пых-пых) из нерпичьих шкур.

Самое большое скопление различных каменных и костяных изделий было обнаружено между берцовыми костями. Оно располагалось поперек ног, начиная от уровня колен и ниже, и было перекрыто обрывками бересты от истлевшей сумки. Часть этих вещей — два поворотных наконечника от гарпунов, каменный наконечник копья и скребло — лежала под берцовой костью. Следовательно, покойник был положен поверх берестяной сумки с вещами.

Кроме этого, там были еще три поворотных наконечника гарпуна, украшенные резным орнаментом в уэлено-оквикском стиле, костяные острия, каменный топор, массивное овальное скребло, нуклеидные и ножевидные скребки, короткая ретушированная ножевидная пластинка из черного кремнистого сланца, два кристалла горного хрусталя, наконечник стрелы из серого кремнистого сланца, резец, кремневое листовидное острие и плитка серого песчаника со следами растирания на ней охры, а также расколотый пополам кусочек окаменевшей охры.

Справа и слева от берцовых костей встретилось несколько галек (отбойников) и справа — кремневый концевой скребочек. Судя по такому обилию каменных инструментов, нуклеусов, отбойников, отщепов,

Р и с. 69. Изделия из моржового клада и нефрита из древнесибирингоморских погребений Узленского могильника.

Рис. 70. Пластическая реконструкция по черепу скелета № 2 из могилы № 4 Уэленского могильника (реконструкция Г. В. Лебединской).

в могиле, вероятно, был погребен мастер, который был и художником. Иначе ему не положили бы охры.

На северо-восточном краю могильного бугра были произведены раскопки внутри трех каменных оградок, расположенных рядом и хорошо заметных с поверхности. В двух из них оказалось по одному человеческому скелету, а в третьей — четыре (один под другим). Все скелеты лежали головой на восток.

Наиболее обильна вещами первая из могил. Кроме поворотных наконечников от гарпунов, каменных топоров, ножей, скребел, резцов из зеленого нефрита, весьма оригинального составного костяного отжимника для обработки каменных орудий и многих других изделий, здесь оказались настоящие шедевры косторезного мастерства: тотемный значок, изображающий женщину-бобриху с детенышем, концевая втулка (головка) от древка гарпуна с изображением стилизованных

человеческих фигур и навершие жезла в виде бабочки с распластанными крыльями (так называемый «крылатый предмет»). Наличие в могиле этих предметов позволяет предполагать, что здесь погребен шаман.

Погребальный инвентарь во второй могиле оказался довольно скудным, но специфичным: женский нож из сланца и под ним, между ребрами и тазом, множество тонких четырехгранных иголок из моржовой кости. Там же остатки берестяной сумочки, а справа от берцовых костей — продолговатое и узкое лопаткообразное костяное орудие и змеевидный гребень из моржовой кости, который заслуживает особого внимания.

Впоследствии мы со специалистом в области чукотского оленеводства тов. Зайцевым пришли к убеждению, что он поразительно сходен с теми приспособлениями, с помощью которых чукчи и в наше время объезжают молодых оленей, используя эти костяные с острыми шипами предметы в качестве своеобразных шпор на шее животного. Не является ли эта находка указанием на древнее происхождение оленеводства на Чукотке?

Третья, «многослойная», могила невольно заставляет задуматься о семейных отношениях, общественном строе людей, оставивших это древнее кладбище. Два самых нижних захоронения в этой могиле были произведены одновременно или почти одновременно, два верхних — в разное время: между ними более толстые прослойки чистой земли.

По последовательному использованию одна могила (обставленная камнями) напоминает своеобразный семейный склеп. Естественно поэтому допустить, что погребенные находились в близких и устойчивых родственных отношениях. А это значит, что уже в то время на смену неустойчивым парным семьям эпохи патриархата стали появляться моногамные семьи и родовой строй вступал в фазу своего длительного разложения. Наличие на древнем Уэленском кладбище бедных и богатых инвентарем погребений говорит как будто бы о том же. Погребенные в данной могиле являются в этом отношении ярким примером.

Два верхних и самый нижний скелеты обнаружены с очень малым количеством вещей. Возле самого верхнего был только сланцевый нож грубой отделки (возле лопатки), а среди ребер — костяной бородчатый наконечник от птичьего дротика, костяная обоймочка от каменного скребка и костяной закреп тягового линя.

У второго (сверху) скелета погребальный инвентарь также скуден: массивный продолговатый кремневый скребок, сланцевый обитый наконечник копья (возле левого плеча), сланцевый ножик (возле правого плеча), а при самом нижнем, женском, скелете вовсе не было никаких вещей. Зато вокруг третьего (сверху) скелета погребальных вещей оказалось много. И большей частью они богато украшены узорами: головка гарпунного древка, «крылатый предмет», наконечники гар-

пунов, каменные ножи, топорик, наконечники копий, костяные острия и др.

Налицо факт имущественного неравенства, которое было, вероятно, связано с образованием устойчивых семей в рамках еще довольно крепкого родового строя.

Г. В. Лебединской по черепу удалось восстановить лицо погребенного в этом «семейном склепе».

Лицо покойника обладает вполне определенными эскимосскими чертами.

От мыса Шмидта — к Ванкарему

(Из дневника 1957 года)

Эскимосы живут в настоящее время на Чукотке лишь в немногих поселках — в Наукане, Нунямо, Чаплино, Сиренниках, Уэлькале (на южной и юго-восточной стороне Чукотского полуострова). Совсем недавно они поселились и на острове Врангеля. Однако можно предполагать, что в древности они обитали по всему северному побережью Чукотки, вплоть до Колымы. Об этом свидетельствуют эскимосские географические названия, широко распространенные по всему побережью от Берингова пролива до Колымы. На это указывают также многочисленные легенды о некогда обитавших в этих местах полумифических «онкилонах», в которых можно угадать эскимосов. О том же говорят и археологические данные (раскопки Г. Сарычева в 1787 году и А. П. Окладникова в 1946 году на Барановом мысе, разведки Норденшельда на мысе Шмидта в 1878 году и др.).

Правда, к очень скудным археологическим данным надо относиться с большой осторожностью. Они рисуют нам в основном материальную и духовную культуру, а известно, что сходную материальную и духовную культуру могли иметь и разные народы, например, эскимосы и береговые чукчи.

Поэтому давно уже испытывалась острая необходимость в новых археологических материалах с этого участка побережья, и я решил использовать остаток осени 1957 года для археологических поисков от мыса Шмидта до Ванкарема. При условии благоприятной ледовой обстановки я надеялся пройти и дальше на восток до Уэлена, где меня ждали М. Г. Левин и Р. В. Чубарова. Они настойчиво приглашали меня произвести археологические раскопки на древнем Уэленском кладбище.

3 сентября.

Только 2 сентября попал я на мыс Шмидта и произвел разведку. Нашел много древних жилищ и несколько могил.

4 сентября.

С рабочим — двадцатилетним чукчей Васей отправились мы на мыс Рыркайпий (Шмидта).

Прежде всего раскопали две могилы, обставленные большими камнями в виде прямоугольной и округлой оград. В первой из них в сырой земле среди обломков костей нерпы и других морских животных оказались пластины китового уса и толстый глиняный черепок, а также следы сгнивших костей покойника, погребенного на подстилке из дерева и китовых ребер. Могила была засыпана крупным щебнем.

Вторую могилу не докопали, так как она оказалась замерзшей. Интересно, что формой оград эти могилы обнаруживают какое-то сходство с древнеберингоморскими захоронениями. Затем мы шурфовали большие бугры у подножия скалы Рыркайпия.

Это развалины землянок из китовых костей (именно эти бугры были замечены Норденшельдом). Весь их культурный слой — в вечной мерзлоте. Она появлялась в шурфах уже на глубине 20—30 сантиметров, поэтому никаких находок эти, несомненно, древние жилища не дали.

На самой вершине скалы, на площадке у ее выступа, оказалась развалившаяся низкая скала — вал из обломков камня. Внутренняя ее площадь достигает 60—100 квадратных метров. И никаких признаков жилья.

Землянки из китовых костей, маленькие, как в Сенлуне, прилепились ниже по плоскому гребню тремя группами — одна ниже другой, — разделенными крупнообломочными осыпями. В каждой группе по три-четыре жилища, тесно расположенных одно возле другого.

В тот же вечер мы начали раскопки на скале внутри одной из этих маленьких землянок. Уже сверху шло очень много костей морзверя (нерпы, моржа), расколотые кости оленя, черепа песцов, а также разные поделки из моржового клыка.

Утром эти раскопки внутри землянки были продолжены. Мы нашли каменное, подшлифованное со стороны лезвия тесло, шлифованные ножи из глинистого сланца, рукоятки молотков или тесел, два колка от гарпунов (большого и малого) и много черепков, толстых и тонких, в том числе и венчики. Все это находилось в завале из камней и костей на глубине до 60 сантиметров. Глубже пошла мерзлота, и нижний слой этой землянки остался нераскопанным.

При входе, вернее, в коридорообразном проходе между плитами, оказались угли и зола. А черепки попадались повсеместно и на разных уровнях. Судя по всему, землянка относится к пунукскому времени.

5 сентября.

Сегодня работали до обеда. После этого я отпустил Васю, а затем, несмотря на сильный ветер и мокрый снег, обошел окрестные возвышенности. Разведка этих возвышенностей ничего не дала: там все пок-

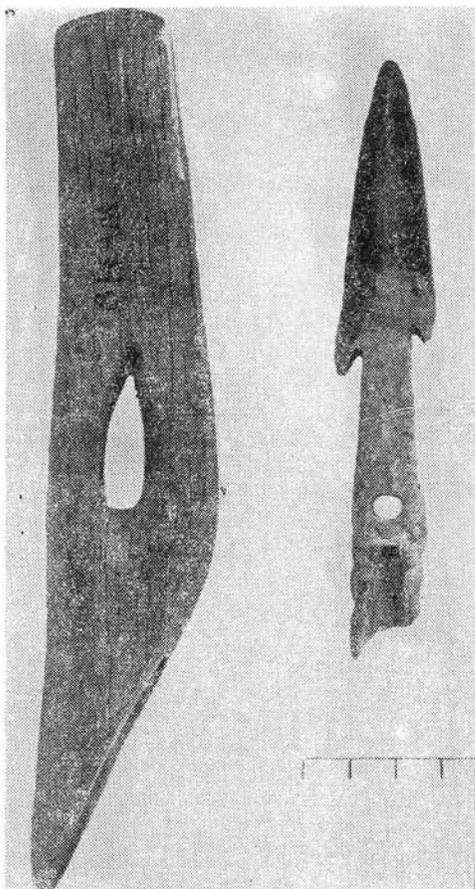

Рис. 71. Гарпунные поворотные наконечники из ритуальных кладок на берегу реки Куэмкай вблизи Ванкарема.

рыто крупными обломками и глыбами камня (делювий). Затем я перевез снаряжение к байдаре, на которой завтра поплыву в Ванкарем.

9 сентября.

Путешествие на байдаре по Ледовитому океану до Ванкарема продолжалось трое суток.

На косе Двух пилотов осмотрел две древние землянки из китовых костей, нашел там черепки и каменный (сланцевый) нож.

Ночевали прямо на одной из кос. Чай пили все вместе у костра, и я продолжил беседу с чукчами об истории, начатую еще в байдаре. Беседы очень сблизили меня с этими людьми. Говорили не только об археологии, но и о будущих межпланетных путешествиях, о грандиозном

проекте плотины через Берингов пролив, которая изменит климат Чукотки, о жизни оленеводов.

Следующий день был очень хорошим, но к вечеру погода стала ухудшаться. Надвинулся туман, проходы среди льдин становились уже. Дойти до Ванкарема по воде нам не удалось. Тогда байдару перетаскивали через песчаную косу в еще свободную ото льда лагуну, но и по ней прошли только два километра. На косе, отделяющей лагуну от моря, я увидел длинный ряд бугров с торчащими из них китовыми костями — развалины древних землянок. Их было не менее 20—30. В одной из них нашел грубый глиняный черепок, снял план землянки, имеющей вход со стороны лагуны в виде короткого коридора.

Байдару разгрузили и решили до Ванкарема идти пешком. Я попросил байдарную команду взять мое снаряжение (палатку, резиновую лодку, коллекции и др.). Все охотно согласилось. А я вооружился лопатой, намереваясь произвести попутно археологическую разведку. И мне повезло. На высоком бугре, на правом берегу речки Куэмкай обнаружил старые, уже задернованные кучи оленьих рогов, а под ними палки, медвежьи и нерпичьи черепа, а также костяные наконечники от поворотных гарпунов древнего типа (один из них для охоты на кита).

В Ванкарем добрались, когда уже стемнело. Уже в сумерках я направился на Ванкаремский скалистый мыс и на его вершине произвел беглую разведку. Обнаружил развалины древних землянок двух типов — два больших бугра в диаметре до 30 метров, 3 метра высотой, с торчащими из них китовыми костями, и землянки меньших размеров — до 15 метров в поперечнике из дерева и костей. Такие же древние землянки оказались внизу, возле поселкового склада.

Весь следующий день с помощью молодого чукчи Чеви я занимался предварительным исследованием этих древних землянок, а 9 сентября совершил поход с его отцом на реку Куэмкай, раскопал там еще одну ритуальную кучу рогов, шурфовал древние землянки, собирал подъемный материал на косе.

Выяснилось, что перекрытие и опорные столбы землянки на мысе сооружены из бревен. Под бревнами рухнувшего перекрытия была обнаружена мясная яма, перекрытая моржовой лопаткой. Вокруг на различных уровнях, преимущественно на глубине 1—1,5 метра, — множество костей морских зверей и различные костяные и каменные предметы домашнего, хозяйственного и охотничьего обихода: скребла и ножи из глинистого сланца, каменные топоры, кирки из моржовых клыков, наконечники копий, стрел, а также один совершенно целый глиняный сосудик сферической формы (высотой 6 сантиметров, диаметром 7 сантиметров).

Зачистка обнажения второй землянки (внизу, на косе возле железного склада) выявила оригинальную конструкцию стены из горизонтально положенных бревен, укрепленных стоящими на ребре каменны-

ми плитами и деревянными стойками-столбами. Кроме костей морских животных и множества сланцевых ножей, скребков, наконечников копий, были извлечены и многие другие предметы из кости и морского клыка, в том числе орнаментированная пунукским геометрическим орнаментом наручная защитная пластинка, применяемая при стрельбе из лука, наконечники киров и стрел, колок от китового гарпуна и гарпунный поворотный наконечник бирнирксского типа: с открытым гнездом для насады, с одним прорезом для пояска гнезда и противоположными желобками, со сложной асимметричной шпорой с четырьмя шипами, с одной круглой дырой для лinya и с двумя боковыми вкладышевыми каменными лезвиями, плотно укрепленными в пазах в плоскости, перпендикулярной дыре для лinya. Конец лinya (поясок гнезда) — из китового уса. Наконечник скупо орнаментирован с обеих уплощенных сторон четкими врезными линиями (по две с каждой стороны). На нем сохранился продетый в прорез гнезда обрывок пояска из китового уса, что делает находку еще более ценной и интересной.

Таким образом, возле Ванкарема на побережье Чукотского моря были обнаружены новые следы культуры морских зверобоев. Эта древняя культура, сочетающая признаки ранее известных на Чукотке и Аляске древнеэскимосских культур Бирник и Туле, относится к середине и концу I — началу II тысячелетия н. э.

Эти новые археологические данные теперь уже вполне определенно подтверждают предположение о заселении данного участка побережья Чукотки эскимосами.

Вверх по реке Ванкарем. Этнографические исследования в Ванкареме

10 сентября.

Вечером на байдаре вышли из Ванкарема по лагунам, а затем вверх по речке Ванкарем до стойбища оленеводов. После успешного ознакомления с остатками оседлых поселений древних эскимосов на морском побережье было очень заманчиво поискать следы внутриконтинентальной культуры. Они могли оказаться здесь же рядом, в небольшой, но весьма перспективной в археологическом отношении долине этой речки.

Среди моих спутников моторист-чукча 43 лет, очень развитый и хорошо говорит по-русски, обильно уснащая свою речь оригинальными русскими словами; бригадир почтовой байдары — молодой менее развитый косноязычный чукча; совсем еще молодой чукотский паренек лет 12 — оленевод, как гордо о нем говорят все наши спутники. Он ударник комсомольской оленеводческой бригады.

Парнишка-олeneвод одеждой отличается от береговых чукчей. У не-

го шапка другая, вроде треуха из меха с аппликацией и на шее две нитки голубых бус. Выглядит очень нарядно.

В состав нашей байдарной бригады входят также одна девушка и две пожилых женщины. Одна из них, угрюмая и неразговорчивая, — в черной ситцевой камлейке с нашитыми по нижнему краю двумя красными полосами, другая, веселей и общительней, одета в камлейку попроще.

Вчера шли в тумане, и так как бригадир байдары сильно мерз, ему дали немного спирта. Выпил и моторист и совсем захмелел. Поэтому решили далеко не ехать.

— У меня семья, я не хочу тонуть, — заявил моторист, проявив таким образом похвальное благоразумие.

В 7 часов 30 минут пристали к берегу. Быстро освободили байдару от мешков с углем, досок и всего нашего скарба. Работали дружно. В разгрузке принимал участие и я, чем заслужил всеобщее одобрение и уважение. Вместе со всеми вытаскивал затем тяжелую байдару на берег и наблюдал все приемы выполнения этого привычного для береговых чукчей дела.

Байдару стараются не тащить волоком, а выносят на руках, чтобы не повредить кожаную обтяжку. Иногда для облегчения используют, как мне пришлось видеть во время путешествия от Шмидта до Ванкарема, «пых-пых» (надутые воздухом нерпичьи шкуры), которые служат в таких случаях прекрасными катками.

На этот раз обошлись без «пых-пых». Вытянув байдару на берег, мы перевернули ее и использовали в качестве заслона от северного ветра. Затем натянули две палатки. Только после этого я пошел на разведку.

Уже смеркалось, все окутал туман, но все же удалось обнаружить все те же загадочные дерновые холмики. Вначале я терялся в догадках: могильные ли это курганы или просто бугры вспучивания? Только после находки куска толстой деревянной палки под одним из курганов, прядки китового уса на бугре возле могил с оленьими рогами и гарпунами у речки Куэмкай можно было предположить, что все же это курганы могильные.

Здесь мне встретилось до десятка парных и единичных бугров.

11 сентября.

Сегодня на ногах с 6 часов утра. Сняли палатки, вытащили вещи из-под байдары, затем попили чаю и вынесли байдару на воду. Погрузили мешки с углем, доски и личные вещи.

В байдаре я рассматривал фотографии, которые подарил мне заведующий красной ярангой в Ванкареме. Увидев на фото своих знакомых, мои спутники потом долго и оживленно разговаривали между собой.

Рис. 72. По реке Ванкарем.

Рис. 73. Парнишка-оленовод
(на привале).

12 сентября.

Едем дальше. Я очень удобно устроился на байдаре, могу даже вести записи в дневнике. Сделали уже две остановки. На первой осмотрели высокий мыс с правой стороны. Там оказались следы стойбища, расположенного на щебнисто-глинистой, местами лишайниковой поверхности пологого холма высотой примерно 30 метров. Здесь когда-то были две-три яранги. Возле одной из них сохранились бугорки с жжеными костями — следы праздника осеннего забоя оленей. Вторую остановку сделали возле охотизбушки, километрах в десяти по берегу второй лагуны. Здесь летом ловят рыбу, зимой охотятся на песца.

Моторист у нас знающий и дельный. С ним интересно беседовать. Я у него спросил, почему татуировка у женщин, едущих с нами на байдаре, разная: у сорокалетней две обычные полосы вдоль носа, у одной старухи более сложный рисунок, а у другой старухи татуировки вовсе нет. Он ответил, что «кто хочет красивым быть, тот делает, кто не хочет, тот не делает», никакого значения эта татуировка не имеет. Так забываются прежние верования и обычаи. Он мне также рассказал, что до революции в Ванкареме были не яранги, а землянки. Слышал он и о майоре Павлуцком (Якунине).

— Тогда, — говорил он, — было плохое время, много воевали. Совсем плохое время было.

Сидя в байдаре, я все размышляю об этом удивительном народе. Все шокирующие нас обычаи чукчей, вернее, бытовые привычки, о которых со вкусом любят писать многие, не хуже многих наших привычек и хороши тем, что вполне естественны, а иногда просто необходимы. Суровая жизнь заставляет одеваться чукчей в шкуры. Некоторым это кажется диким, но поживешь в тундре и убедишься, что только такая одежда спасает человека от ужасного холода, и сам залезешь в шкуры. Это лучшая одежда на Севере.

На морском побережье и в континентальных районах чукчи живут оседло и вполне благоустроено. А те, что кочуют со стадами, мечтают перейти жить в домики, разумеется, передвижные, но с электричеством и печным отоплением.

Пишу в яранге стойбища Таньгинно, что находится в 50 километрах от впадения реки Ванкарем в Чукотское море.

Приехал сюда сегодня в два часа дня на колхозной байдаре. Облазил все бугры и холмы и, хотя местность довольно многообещающая в археологическом отношении, ничего, кроме одного весьма сомнительного кремня, не нашел. В 6 часов очень усталый вернулся в палатку у реки.

Вскоре подошел лет тридцати, невысокого роста, но коренастый чукча. Он пригласил меня к себе в ярангу.

— Там тебе лучше будет, — сказал он.

Я обрадовался возможности побыть в яранге гостем.

Льэтынтограв — так звали этого молодого человека с широким добродушным лицом — взвалил на себя тяжелый мешок с моржовым жиром (его привезла сюда наша бригада из Ванкарема), а я взял свой рюкзак, и после двух остановок для отдыха мы были в стойбище.

...Стемнело. В яранге Льэтынтограв говорил немного по-русски. Он пригласил меня на почетное место — на оленью шкуру между очагом и пологом. Я стал расспрашивать о забое оленей, о том, как жили раньше. Он рассказал, что на этом месте в давние времена было стойбище Тневеката (здесь и теперь еще видны следы от яранги и два бугорка с давно сожженными оленьими костями).

Потом я вытащил из рюкзака фотографии, подаренные мне заведующим красной ярангой Петром Александровичем Акуленко. То были снимки, сделанные в Шмидтовской и Ванкаремской тундре. Надо было видеть, с каким интересом их все рассматривали. Старуха вооружилась лучиной, чтобы лучше разглядеть своих знакомых из Нутепельмена, и даже я стал опасаться, как бы она не подожгла фотографии.

...Пишу при свете жирника. Точнее, нерпичий жир горит на сковородке. Гости ушли. Хозяева едят мясо и пьют чай. Я тоже принимаю участие в трапезе, высунувшись из полога. Слышно, как бушует ветер.

Рис. 74. Стойбище Таньгино.

13 сентября.

Проснулся довольно рано, но вылезать из полога не хотелось, хотя воздух здесь довольно тяжелый, даже теперь, когда нет еще настоящей зимы и полог не отапливается жирником.

Обстановка в яранге в какой-то мере близка к походной жизни в палатке. Жаль только, что санитарное состояние яранги хуже.

Здесь гостит молодой парень Таеровтын — ученик 7-го класса Ванкаремской школы. У него по всему лицу лишай. У меня нет сейчас при себе никаких лекарств. На обратном пути наша байдара отвезет его в Ванкарем лечиться. Дал ему книгу «Труды Института этнографии» (том XXXV, 1957 года) с картинками и фотоснимками из чукотского быта. Лежа в пологе, он с живым интересом рассматривает иллюстрации, показывает их сидящей за шитьем Кымынэкай. Особенно нравятся ему одежды в лахтачи панцири чукотские воины.

Старушка Кымынэкай усердно продолжает прошивать мягкую оленью шкуру. Рагына, дочь ее, спокойно и деловито хлопочет у костра в яранге, кипятит чай. У нее, как и у матери, с правого плеча спущен керкер.

Вот пришел сам молодой хозяин Льэтынтограв и работница с байдары. Оба в камлейках. На нем из моржовых кишок, на ней — ситцевая. Рагына заботливо стряхивает с пришедших мокрый снег и помогает снять камлейки. Они, довольные, что пришли наконец домой, усаживаются возле костра. Я обращаюсь к ним со словами приветствия. Затем спрашиваю, почему рэтэм (шатер) яранги из дрявых кож и парусины и когда будут ставить новый рэтэм из шкур. Льэтынтограв рассудительно отвечает, что тогда, когда установится мороз. Если поставить новые шкуры раньше, они быстро испортятся от сырости.

Чай вскипел, хозяйка примостила возле очага фанерку, расставила на ней чашки и блюдца. Она разлила чай, разрешила хлеб, и все мы стали пить чай.

О, этот чай!.. Он действительно облегчает жизнь тундровика. Чай согревает, и пьют его здесь очень часто, если условия позволяют, то через два-три часа.

— Плохо в яранге, трудно кочевать... — начал я разговор.

— Ничего, — спокойно ответил молодой хозяин, — можно кочевать, хотя и трудно.

Относительно передвижных домиков он высказал мнение, что их нельзя перевозить летом. Я возразил: ведь летом далеко не кочуют, держатся в основном одного места.

Чаепитие закончилось. Старуха принимается за шитье. Бригадир байдары, высунувшись из полога, пристально смотрит на раскрытый вход в ярангу, откуда были видны заснеженные просторы тундры.

Молодой оленевод примостился у входа и рассматривает мою книгу. Гостя-старуха перебрасывается словами с Кымынэкай. Две собаки

спят у входа, а возле третьей возятся два маленьких щенка. Молодая хозяйка убирает мусор возле костра.

Парнишка увидел в книге что-то особенно интересное, к нему подбежала Рагына, и оба чем-то восхищаются.

Да, люди радуются хорошему, прекрасному, тянутся к знаниям. Давно прошло то время, когда чукчи могли быть довольны и рады-раदेशеньки лишь сытной еде, как заметил в свое время исследователь Аргентов. В наше же время не только еда нужна чукчам, но и все то, что может дать цивилизация, наша социалистическая культура.

...Обстановка в яранге немного изменилась. Хозяйка скребет оленью кожу, хозяин отесывает топором какую-то дощечку для нарты: готовится к зиме. Злой северный ветер так и хлещет в разодранные бока старой, обветшалой яранги.

Совсем нет у чукчей приверженности к старому. Они знают, что все скоро перейдут жить в дома или передвижные домики с электрическим светом, с печным отоплением, и рады предстоящим переменам. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, с каким энтузиазмом помогают они русским плотникам строить дома в Ванкареме, в Амгуэме и других поселках.

Уже семь часов вечера, темнеет, но в яранге все заняты. А пурга, первая осенняя пурга шумит, не умолкая.

14 сентября.

Вчера вечером провел в яранге беседу по истории Чукотки. Рассказал, что люди на Земле появились сотни тысяч лет назад и что были они сперва почти как звери. У всех это вызвало удивление. Старик то и дело выражал свое изумление тихими возгласами: «Гей!», «Како!», означавшими, что он слушает со вниманием и интересом.

Говорил я, что Чукотка была заселена людьми уже несколько тысяч лет назад и что прежде жилось им очень плохо: они не имели домашних оленей и занимались только охотой и рыбной ловлей. Оказалось, что никто не представляет себе диких оленей. Неужели их действительно в последнее время не было в этой части Чукотки?

Потолковали о колхозной жизни, о том, как можно улучшить быт, о передвижных домиках с тракторной тягой, о предстоящем запуске искусственных спутников Земли. Все интересовало моих собеседников.

— Все равно как сказка! — с восхищением сказал Лъэтынтограв под конец.

— Нет, правда это. Что быть должно, то быть должно, — заметил старик. — Никогда не слышал сразу так много интересного.

После чаепития легли спать. Я испытывал истинное облегчение, так как ноги в резиновых сапогах у меня за день порядком подмерзли. Гостеприимный хозяин лег в чоттагине (в холодной части яранги), укрывшись моим полушубком.

...Наутро Рагына заботливо ухаживала за мной: выколотила спальный мешок, подала просушенные чижи, очистила одежду от оленьей шерсти.

После чаепития, тепло простившись со всеми, мы с бригадиром байдары покинули эту гостеприимную ярангу, наших новых хороших друзей. По осклизлым от сырого снега кочкам мы шли к реке, где находились палатка и байдара. А через некоторое время отправились в путь по реке Ванкарем...

Берега у реки Ванкарем всюду низкие и малоинтересные в археологическом отношении.

Но вот устье реки Увельмай. Здесь рыбалка — одна яранга на высоком берегу и две маленькие перевернутые байдары на бечевнике. Возле байдар варит в котелке рыбу женщина с ребенком лет двух, сидят двое мужчин. Они приветствуют нас радостным «етти!». Люди, видно, здесь редкость.

Несмотря на дождь, успеваю сделать небольшую разведку. На возвышенности — древние могилы из оленьих рогов.

Остались последние два километра вверх по речке Увельмай до охотничьей избушки, куда мы везем уголь и доски. Там зимой будет жить охотник Сынок, наш моторист, получивший уже две премии за удачную охоту: ружье и часы.

15 сентября.

Сегодня с утра долгожданный южный ветер и солнце. Тепло, словно лето вернулось. Весь снег стаял.

Я решил детально осмотреть ту горку, на которой до пурги нашел осколок кремня. Пришлось добираться два-три километра по осклизлым кочкам и трясине. Светило солнце, дул южный ветер, и пригретая солнцем тундра чем-то напоминала просторную степь. Я невольно вспомнил привольные забайкальские степи, где в юности совершал свои первые археологические путешествия.

Суровый край Чукотка, но уж если блеснут синевой небеса, — хороша тундра, ликует душа! И пусть я мерзну, пусть ноги немеют, — не устаю мне по тундре ходить.

На южном склоне горки, прикрытом от северного ветра, на площадке около 30—40 метров в поперечнике, рядом с еще сохранившимся дерном — целый наконечник из кирпично-красного кремня, грубо обитый, как на озере Эльгыгытгын. Это большая удача. Площадка возвышается над рекой на 20 метров. Над ней — двадцатиметровая сопка. Находка была на охристо-желтой супеси с мелкой щебенкой. Рядом, на конце площадки, еще участок, прикрытый дерном с коричневой землей, и там кучка из четырех-пяти маленьких камней. Это место надо обязательно раскопать.

16 сентября.

При свете луны на ясном небе по вечернему морозцу мы идем на байдаре обратно в Ванкарем.

Байдара делает крутой разворот по серебристой глади реки. Оказывается, мы подходим к косе, где стоит избушка. Здесь мелко и невозможно подойти к самому берегу. Но резиновые сапоги помогают. Избушка такая же, как и на реке Вельме. С трудом нашли вход. Постучали. Открыла древняя старуха Иунеут. Она здесь рыбачит. Скоро в жарко натопленной комнате собралась значительная часть нашей компании.

Я повесил на гвоздь мокрый полушубок и стал снимать сапоги. Старуха поспешила на помощь, и я от души благодарил ее по-чукотски: «Велинкыкун!»

Старуха угостила нас жареной сельдяткой и чаем. За едой я затеял разговор со стариком и другими с помощью переводчика Сергея Чайвынына. Сергей работал механиком на Шмидте, а теперь живет в Ванкареме, зимой охотится на пушного зверя. Он женат, двое детей у него умерли, трое учатся.

От старика удалось узнать об одной его находке еще в детстве. На правом берегу Амгуэмы он нашел «каменный патрон», наверно, шестигранный наконечник или нуклеус длиной около 15 сантиметров.

Так за разговорами проходит вечер. Я кое-что успеваю записать.

18 сентября.

Байдара доставила меня обратно в Ванкарем. Но в тот момент, когда мы подходили к поселку, поднялся и, грациозно развернувшись на бреющем полете, улетел тот самый самолет, на котором я собирался вылететь из Ванкарема. Я опоздал на каких-нибудь 5—10 минут.

Не оставалось ничего другого, как продолжать раскопки вместе с Чеви.

По обнажению берегового обрыва продолжали исследование древней землянки. Нашли одну костяную защитную пластинку для предохранения руки при стрельбе из лука, украшенную пунукским орнаментом, колок для гарпуна и наконечник поворотного гарпуна бирнирковского типа.

19 сентября.

В пекарне, куда я зашел вечером за хлебом, познакомился с пекарем Алексеем Семеновичем, замечательным рассказчиком. В течение целого часа он увлекательно рассказывал о своих похождениях на Чутокке.

20 сентября.

Заведующая школьным интернатом Мария Дмитриевна Дороничева попросила рассказать школьникам о моих работах. Они, как галча-

та, бросились рассматривать мои находки. А на другой день принесли мне целую коллекцию древних вещей, которую собрали среди развалин ванкаремских землянок.

Мыс привлек мое внимание не на шутку. Думается, что там среди камней древний могильник. Некоторые камни установлены по четыре в ряд, как на древнем Уэленском кладбище.

Проследил несколько могил, устроенных в расщелинах между скальными останцами и заваленных огромными глыбами. Копал между камней. Всюду близко к поверхности — тлен (сгнившее мясо и кости морских животных), а в двух больших ямах засыпка шла на глубине до 60 сантиметров. В одной из них попались кости моржа, нерпы, медведя, оленя, каменные мотыги, глиняные черепки, сланцевые ножи, обломок сланцевого копья и костяное шило. В другой могиле оказалось очажное пятно, и в нём битая посуда, а ниже тлен. Скорее всего, это могилы поздние. Прощупать бугор детальнее я не смог, так как земля уже замерзла.

Пишу эти строки в 12 часов ночи в своей холодной палатке. Прислушиваюсь к погоде. Не испортилась бы она завтра! Вышел наружу: мороз, земля промерзла, прибрежный песок совсем затвердел и покрылся белой изморозью и тонким слоем снега. Уже второй день дует сильный северо-западный ветер. Он согнал весь лед в устье лагуны и превратил его в сплошное крошево. Дороги нет, единственная надежда на самолет.

26 сентября.

Несколько дней прошло в мучительном ожидании самолета.

Моя жизнь изумительна, если только вдуматься.

Сегодня с утра сильно подморозил ноги. Мой ватный мешок совсем не греет, а оленья шкура сползает с ног. Только к середине дня немного отогрел ноги и стал читать Андерсена. Вечером, когда уже самолета быть не могло, сходил в село, купил хлеба, разжег костер, вскипятил чаю. Любо смотреть, как на сильном ветру пылает огонь. Пил горячий чай с истинным наслаждением. Еще бы, ведь он так согревает. Поймешь чукчей с их пристрастием к этому напитку, когда поживешь вот так, на постоянном морозе.

Ветер крепчает, мороз усиливается. Вода в миске замерзла. Полы палатки трепещут, их раздувает ветром, как парус.

Я живу здесь в полном одиночестве. Кроме Атыги и Чеви, меня навещают только собаки, но они предпочитают это делать, когда меня нет. А когда я в палатке, вижу только их тени.

27 сентября.

Внимательно перечитал статью Архинчеева. Оказывается, он высказывался за уссурийское происхождение чукчей. Интересна его мысль об

Рис. 75. В Ванкареме для чукчей строятся дома.

Рис. 77. Тогда еще были в Ванкареме и такие жилища.

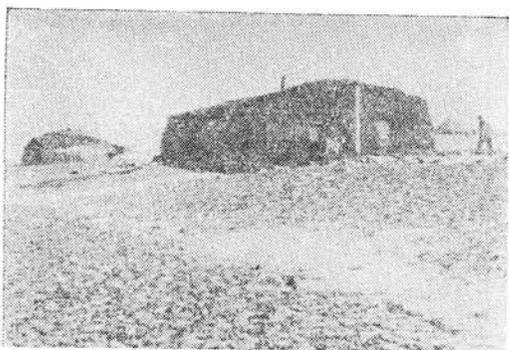

Рис. 76. Одна из встреч в Ванкареме.

упряжном пути происхождения чукотского оленеводства. Потом стал читать статью В. В. Антроповой из этого же сборника.

Между тем поднялся ужасный северный ветер. Палатку так и рвет.

3 октября.

Палатку ветром все-таки свалило, и я перебрался в соседнюю ярангу, где меня встретили очень приветливо. Самолета все нет. Вместо движения, плодотворных археологических изысканий я томлюсь ожиданием. Вот уже с неделю живу в общежитии у строителей. Снег и мороз мешают заниматься археологией, занимаюсь этнографией.

За эти дни снял подробный план поселка, тщательно изучил устройство всех жилищ, отметил ориентировку их по странам света. Некоторые из жилищ оседлого типа имеют два входа: с южной и восточной стороны — на случай снежных заносов. Изучал конструкцию и кочевых яранг. Их в поселке несколько.

Поражает продуманность и целесообразность каждой их детали. Обошел все яранги, познакомился со всеми их обитателями.

19 октября.

Сегодня наконец прилетел самолет. Я горячо благодарил летчика Филиппова за то, что он вызволил меня из «ванкаремского плена».

На машине я доставил ящики с коллекциями к новой, совсем недавно выстроенной большой гостинице. Приятно было чувствовать тяжесть этих ящиков: все-таки в них немало новых коллекций для музея, ценных в научном отношении материалов, значительно полнее, чем раньше, характеризующих культуру морских зверобоев на малоисследованном участке побережья от мыса Шмидта до Ванкарема.

Через несколько дней я буду в Анадыре. Продолжать раскопки на древнем Уэленском могильнике придется в будущем году во что бы то ни стало.

Опять к Уэленскому могильнику

(Из дневника 1958 года)

23 сентября.

Идем на вельботе к Уэлену. Вышли сегодня утром из Нунямо. В Нунямо я познакомился с сыном председателя колхоза Мишей Зеленским. Он подарил мне интересную археологическую коллекцию из древних костяных вещей, собранных им в поселке среди развалин давнишних эскимосских землянок.

Команда на вельботе состоит из трех человек: моториста Нотапына, очень дельного, опытного человека, депутата окружного Совета, и двух его помощников — Вахчая (Васи) и Гиргольтагина (Гриши) — молодых, сноровистых ребят.

Море становится бурным, вельбот бросает с волны на волну. Но до чего же он крепок. Как ни сокрушительны удары волн по днищу, вельбот стремительно идет все вперед и вперед среди разбушевавшейся стихии.

Да, хорошо так чувствовать злость, слепую мощь мятежного под спокойным голубым небом моря рядом с немymi громадами прибрежных скал, причудливо громоздящихся по этой окраине Азиатского материка.

Холода я не ощущал, хотя зима уже близка: на гористых берегах — снег, а в устьях речек — шуга!

Вскоре догнали уэленский вельбот (он вышел на полчаса раньше нас). Интересно было смотреть со стороны: его то подбрасывало на гребень волны выше линии горизонта, то он проваливался между волнами и совсем исчезал из виду. Точно так же выглядел бы и наш вельбот, если посмотреть на него со стороны.

Прошли очень привлекательную в археологическом отношении мысовидную возвышенность Чини. Даже с вельбота хорошо видны китовые ребра древних землянок, а ведь здесь могут быть и погребения. Но пристать к берегу мешает сильный прибой. Нотапын утешает меня:

— Обратнo пойдeм, тогда пристанeм. При сeвeрном вeтрe приставать здeсь лучше.

Древнее стойбище возле Поутена находится на другой стороне лагуны — надо переезжать через ее горловину. В этих местах ни один археолог еще не бывал. Только недавно, месяц тому назад, здесь побывала ботаник Татьяна Соколова. Она пешком прошла от Нунямо к этому месту, жила в стойбище, которое в горах.

С Нотапыном и Васей на вельботе перебрались на другую сторону лагуны. Осмотрели землянки. Они оказались поздними. В китовых ребрах (опорных столбах) торчали железные гвозди. Всюду битые стекла и прочие следы недавнего обитания.

После выхода из лагуны в штормящее море мотор внезапно заглох, и нас выбросило на каменистый берег.

Перетащили из лодки на берег уже основательно промокшие вещи. Хорошо, что на берегу была пустая избушка рыбаков. В ней мы нашли оленьи шкуры, чайник, кастрюлю, топор.

25 сентября.

Пока Нотапын латает жестью и брезентом наш разбитый вельбот, я успеваю побывать в стойбище колхоза Нунямо.

Через два часа ходьбы по холмистой тундре увидел три яранги. Еще издали стал фотографировать. Картина типичная. Находящиеся в стойбище оленеводы занимались своим обычным делом. Анай шила нерничьи штаны. Ринтынэ обрабатывала оленью шкуру. Я сфотографиро-

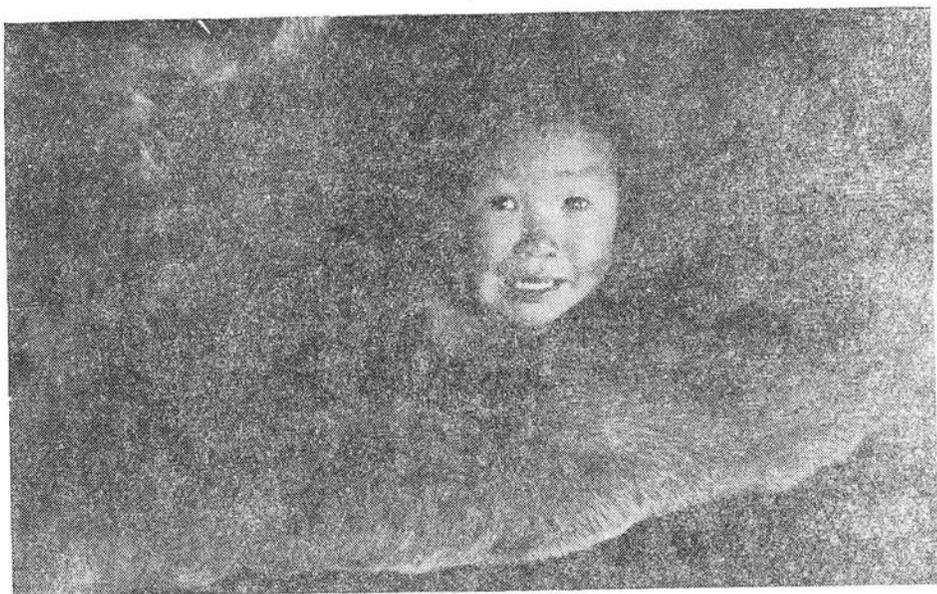

Рис. 78. — Тынто! Тынто!

вал ее трех девочек. Они выглядывали из полога и весело смеялись, когда я щелкал аппаратом.

Потом Ринтынэ девочек одела. Они, веселые, кричали: Тынто! Тынто! (Ухожу, ухожу).

Меня угостили вкусными пшеничными лепешками.

26 сентября.

Благополучно дошли до Дежнева, хотя вельбот давал небольшую течь. Ветер дул с северо-запада, с гор. Это было очень удачно. Шли близко к берегу. Чуть дальше Поутена — древнее стойбище. Всюду эффектные скалы. Впереди так и просятся на фотопленку заснеженный мыс Дежнева и стаи птиц на его фоне.

В Дежневе вытащили вельбот на берег и пешком пошли в Уэлен. Три моих лопаты и спальный мешок взял Тнеркат на свою нарту, усадив туда и пожилую женщину Рольтот. Мы с Васей взяли по вещевому мешку, а Гриша взвалил на спину тяжелый чемодан одной девушки. Нотанын ушел вперед налегке, а двое девушек убежали раньше всех.

На полпути встретилась охотничья избушка без окон. Дверь на гвозде. Я открыл ее и зашел внутрь. Там оказалась железная печь, две коробки спичек и ворох сухих дощечек — дрова. Это еще один пример традиционной взаимопомощи.

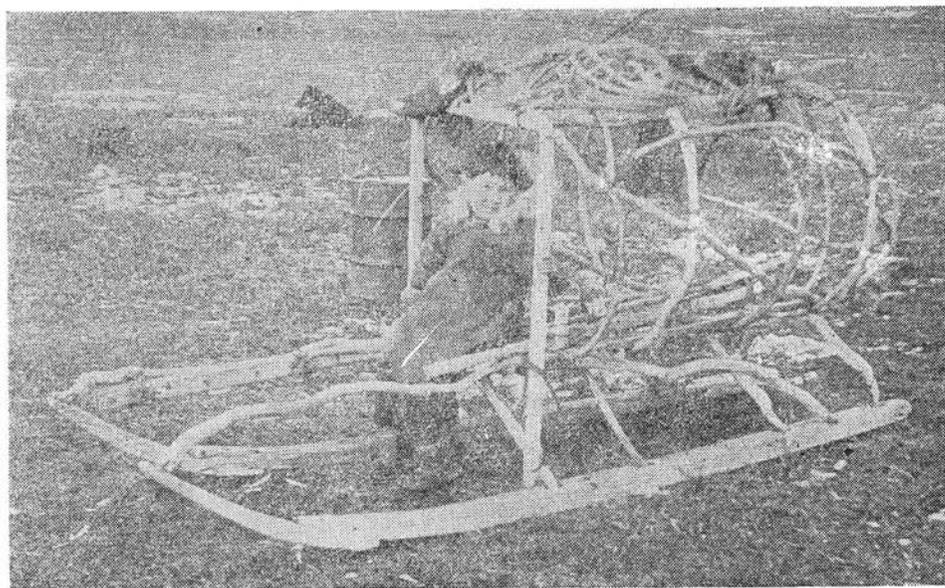

Рис. 79. Детская нарта (в стойбище колхоза Нунымо).

Вообще путь от Дежнева до Уэлена удобный, проходит по очень пологим увалам. Встречающиеся на пути речки и ручьи очень мелки.

Не заходя в Уэлен, я осмотрел место раскопок на древнем кладбище.

Был у косторезов. Заведующий мастерской Туккай показывал образцы произведений, созданных еще при прежнем заведующем, художнике Игоре Петровиче Лаврове. Не без гордости он показывал свои работы, потом работы Хухутана.

На ночлег устроился в интернате косторезной мастерской. Коля и Толя, молодые косторезы, оказывается, работали у М. Г. Левина на раскопках. Таким образом, у меня уже сегодня верная информация о его работах, а это очень важно для соблюдения преемственности в раскопках Уэленского могильника.

27 сентября.

Удалось раскопать погребение ребенка, засыпанного красной охрой в области груди (этот интересный обряд встречен мною впервые в погребениях Уэленского могильника). В тот же день раскопали еще одно погребение, более позднее.

Председатель колхоза Леонид Александрович Караваяев обещал дать мне в помощь десять рабочих, уже принимавших участие в рас-

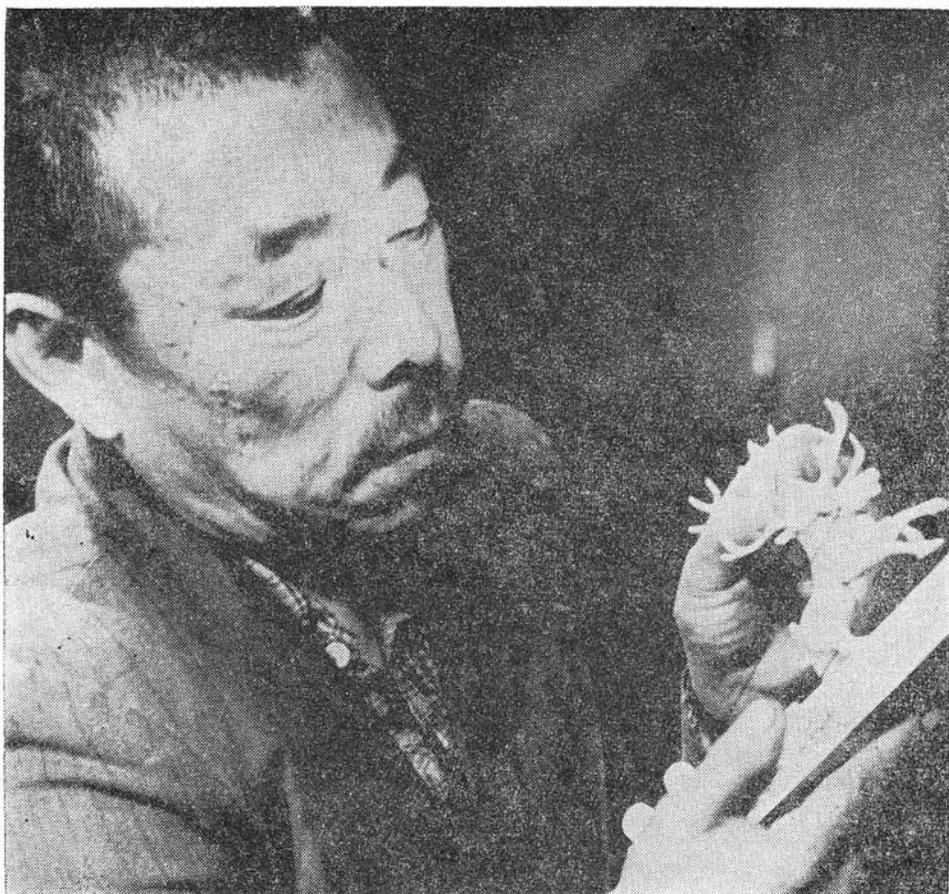

Рис. 80. Туккай с гордостью показывал свои работы.

копках могильника и, следовательно, опытных в археологическом отношении.

28 сентября.

Вышли на работу с самого раннего утра. Копали добросовестно, но достались нам только «рожки да ножки». Хотя и пять погребений, но все без черепов, если не считать вчерашнего (№ 10). Вещи же в погребениях все сами по себе интересны.

4 октября.

За девять дней напряженной работы было завершено вскрытие двух больших участков могильника. Один из них площадью в 37 квадратных

метров, другой — 124 квадратных метра. Оба эти участка составляют одно целое с моими раскопками в 1956 году и с раскопом М. Г. Левина в 1957—1958 годах. Всего нами исследовано 24 погребения, большей частью сохранившихся плохо, но тем не менее очень интересных неожиданными деталями погребального обряда и погребальным инвентарем.

Вчера, например, был расчищен скелет ребенка, погребенного в оградке из камней, китовых и моржовых костей, тщательно закрытый сверху двумя китовыми лопатками. Поверх этих лопаток рядом три костяные пики. Скелет располагался на глубине 60 сантиметров. С ним еще одна такая костяная пика (за черепом), кремневый наконечник стрелы (среди костей черепа), шлифованный нож из глинистого сланца, чашечка для жертвенных возлияний с головкой нерпы, сделанная из моржового клыка, каменный нож-скребок с художественной костяной рукояткой и две палки-«копалки» из моржового клыка.

Извлекли монолитом очень хорошо сохранившийся женский скелет с совершенно целым черепом, который лежал на глубине около метра в вытянутом положении черепом на северо-восток. Возле правого плеча — нож из шлифованного глинистого сланца в художественной костяной оправе и чашечка для жертвенных возлияний из моржового клыка. С той же стороны возле таза — широкий шлифованный нож из глинистого сланца; на бедренных костях — предмет наподобие кирки из моржового клыка, а под черепом — костяная фигура птички.

5 октября.

Повалил снег, задула пурга. Зима началась как раз тогда, когда я закончил раскопки, самые поздние в этом году на Севере.

8 октября.

6 октября утром я покинул Уэлен, предоставив себя в распоряжение каюра Ярака.

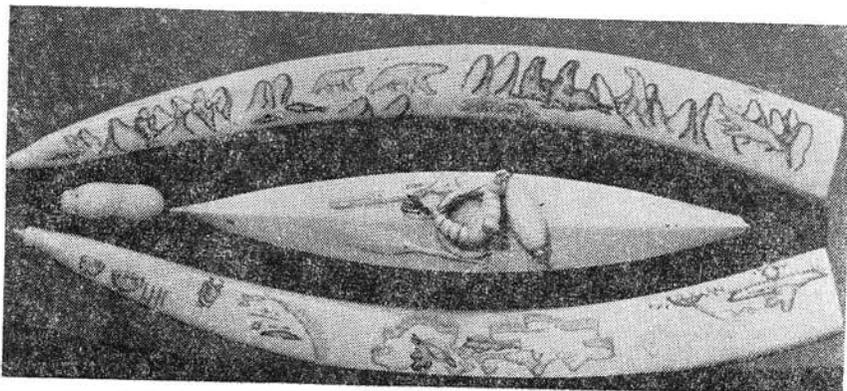

Рис. 81. Охота на нерпу с каяка (работа мастера Аромке).

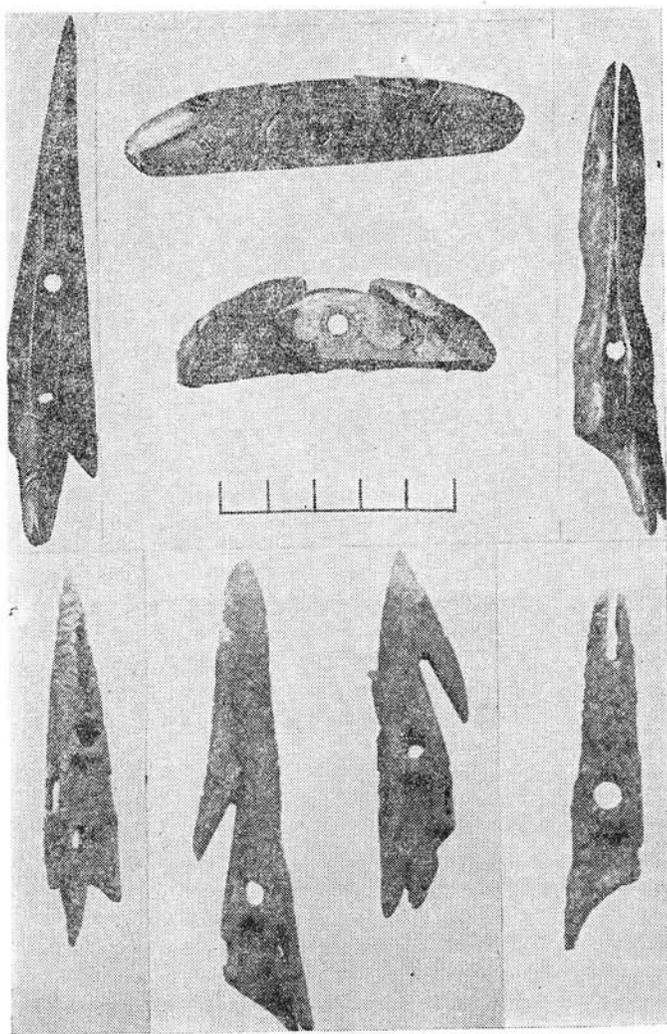

Рис. 82. Наконечники гарпунов и рукоятки от ножей из древнеберингоморских и бирнирских погребений Уэленского могильника.

Снег только едва-едва присыпал бугры. По бечевнику лагуны до первой сопки за Уэленом пришлось идти пешком, но зато потом нарта двигалась быстро. Чтобы не мочить ноги, я естановился при переезде реки на нарту. Подгоняемые Яраком собаки кидались на тонкий лед реки, проваливались тотчас в воду и плыли, таща за собой нарту и меня. Все это выглядело весьма забавно.

В Дежнев приехали уже часа через два. Осмотрел бугры от сравнительно поздних землянок, что расположены по возвышенности на

косе. А к вечеру, когда море немного стихло, сели в вельбот и отправились в обратный путь по Берингову проливу — к бухте Лаврентия.

10 часов вечера. Идем дальше на юг к бухте Лаврентия. Лютый мороз портит впечатление от сказочно прекрасной звездной ночи. К 5 часам утра на горизонте появляются огни кораблей, и на рассвете мы подходим к Пинакулю. Путешествие можно считать оконченным. На другой день я уже лечу в Анадырь.

Открытие континентальной доэскимосской культуры на острове Айон

Четыре года проводим мы полевые археологические исследования, летом — в тундре, а поздней осенью — на морском побережье. Все очевиднее становится тесная историческая взаимосвязь этих двух столь различных культурно-исторических областей в прошлом.

И вот, наконец, поиски по морскому побережью приводят нас к поразительному открытию на острове Айон: рядом с памятниками приморской культуры обнаруживаются памятники типично континентального облика.

Большой остров Айон, песчаный и слегка всхолмленный, весь изоброжденный ручьями и речками, расположен далеко за Полярным кругом, у северного берега Чукотки.

Издавна оленеводы перегоняют сюда через узкий и очень мелкий пролив свои стада, и все лето животные спокойно нагуливают здесь жир: на обдуваемом морским ветром острове не так свирепствуют комары и мошка, как в глубине Чукотского полуострова.

Сами же островитяне — они живут в поселке Айон на западном берегу острова — занимаются не только оленеводством, но и морским зверобойным промыслом.

Еще в 1920 году возле поселка Айон мореплавателем Свердрупом были обнаружены бугры древних развалившихся землянок, обитатели которых жили много сотен лет назад и занимались морской охотой.

В археологии обычно так: чем древнее, тем значительнее. Поэтому все стремятся как можно глубже проникнуть в необратимое прошлое человека, а ведь чем глубже, тем труднее. Поэтому самыми замечательными археологическими находками на острове Айон следует признать не эти развалины землянок морских охотников, а более неприметные и во много раз более древние следы человека, обнаруженные на острове совсем недавно.

Открыть их удалось сначала геологам. В 1957 году геолог А. А. Калинин сообщил в Анадырский музей, что обнаружил на острове, на берегу речки Рывеем, следы новой культуры. Затем поступило сообщение о подобных следах в трех пунктах острова и от московского про-

фессора В. Д. Лебедева, проводившего в 1958 году на острове полевые исследования ихтиофауны.

Наконец А. А. Калинин вторично, уже в другом месте по речке Рывеем, удалось обнаружить следы этой совершенно забытой, невиданной до тех пор на острове культуры. Последние весьма интересные находки А. А. Калинин передал в Чукотский окружной краеведческий музей.

Моя поездка на остров Айон была, к сожалению, очень непродолжительной — всего два неполных дня, да еще почти зимой, в начале октября. Но все же мне удалось воспользоваться оттепелью и тем, что снег частично стаял, и осмотреть местонахождение одной из древних стоянок, обнаруженных В. Д. Лебедевым, а также найти еще четыре новые.

Неоценимую помощь оказали мне сведения, полученные от геолога А. А. Калинина, а также письмо профессора В. Д. Лебедева из Москвы, которое было адресовано мне прямо на остров Айон. «На южном берегу, — писал профессор Лебедев, — имеется большая куча оленьих рогов (ее фотография помещена в «Записках Чукотского краеведческого музея»); если вы пойдете вправо от рогов (надо стать спиной к морю) и пересечете небольшой овражек, то увидите следы старых яранг. От этих яранг надо немного пройти вниз к морю. В этом районе по пятнам песка между куртинками куропачьей травы попадают кремневые орудия и осколки керамики в довольно большом количестве». Мы с моим спутником и помощником В. А. Корнеевым действительно нашли вещи необычайной выразительности. Поразителен был уже сам материал, из которого они сделаны. Здесь преобладал не обсидиан, как на изученных нами древних континентальных стоянках Чукотки, — большинство изделий было из кремня светлых тонов, преимущественно желтого или светло-желтого. Из этого материала было шесть наконечников стрел, только обломок седьмого наконечника из голубоватого кремня. Из подобного светло-желтого кремнистого сланца на Чукотке мне приходилось встречать наконечники стрел только на берегах реки Амгуэмы, а геолог Н. Н. Лешовин нашел их однажды на реке Экитыки. Внимательный осмотр айонских наконечников показал, что это сходство еще более глубокое. Сходной оказывается и форма, тоже весьма своеобразная: все наконечники, за исключением двух плоских, необычайно массивны, один имеет длинный черешок, два и, очевидно, третий (обломанный) — без черешка, с округлым насадом, — очень вытянуты в длину и всем своим видом напоминают наконечники с рек Экитыки и Амгуэма.

Подобные остатки древнего стойбища посчастливилось найти в тот день еще в трех местах южного берега острова. В довершение сходства с находками В. Д. Лебедева на обнаруженной им стоянке у кучи рогов там оказались также и тонкие серые черепки от глиняной посуды.

На северном берегу острова и далее вверх по реке Рывеем посчастливилось обнаружить следы древнего стойбища уже совсем в других условиях — в глубине острова, в 8 километрах от моря на высоком (около 25 метров) песчаном обрыве левого берега реки. В 6—8 метрах от верхнего его края ясно виднелся темный оторфованный супесчано-суглинистый слой толщиной 60—70 сантиметров, местами буровой окраски.

Против того места, где река делает крутую излучину, слоистые пески над этим темным слоем выветрились, обнажив широкую площадку этого темного слоя, и здесь, в самой верхней части, у края обрыва, удалось найти вполне определенный след обитания человека — маленький обломок сильно патинированной ножевидной пластинки из серого кремня. А шестью метрами ниже по склону обрыва, в его осыпи, белели обломанные трубчатые кости маленького мамонта, еще ниже — его ребра и нижняя челюсть, а в самом низу обрыва — череп. Кости мамонта не относятся, конечно, к культурному горизонту с ножевидной пластинкой. Этот культурный слой принадлежит к тому же времени, что и найденные А. А. Калининым, В. Д. Лебедевым и мною стоянки открытого типа на острове Айон. Все эти айонские стоянки имеют большое научное значение. Сходные с континентальными стоянками Чукотки и Нижней Лены, они свидетельствуют о том, что остров был населен людьми в весьма глубоком неолитическом прошлом, когда еще не было оленеводства, а сюда прикочевывали, спасаясь от комаров, многочисленные стада диких оленей, на которых люди здесь охотились.

Вместе с тем факт взаимного совмещения на острове Айон двух разновременных культур — приморской и континентальной — вполне определенно указывает направление, в котором следует искать разгадку происхождения эскимосской культуры.

Дальше мы видим, что именно континентальная культура является той исторической основой, на которой возникла культура древнеэскимосская.

Гипотеза о северных истоках эскимосской культуры

Разведка по Чукотскому побережью Ледовитого океана, раскопки древнего Уэленского могильника дали много ценных фактов для решения эскимосской проблемы. Мы можем теперь, благодаря пластическим реконструкциям Г. В. Лебединской, воочию представить себе даже древних охотников на морского зверя, предков эскимосов и морских чукчей, погребенных на древнем Уэленском кладбище. Располагаем мы теперь благодаря этим раскопкам богатой коллекцией различных образцов древней художественной резьбы по моржовой кости. Обилие обнаруженных в уэленских погребениях костяных наконечников от по-

воротных гарпунов позволит внести уточнение в периодизацию древних эскимосских культур, претерпевающую в последнее время существенные изменения в сторону омоложения их почти на 500 лет благодаря новым «радиоуглеродным» датам, полученным в США. Но все же загадка происхождения высокой древней культуры чукотского и американского Арктического побережья не поддается разрешению, если все эти обильные материалы рассматривать сами по себе. Ключ к этой проблеме следует искать в континентальной тундре этого сектора Арктики.

Наши настойчивые поиски в тундре, вдали от моря, дают разгадку этой проблемы. Именно там, на среднем течении Анадыря, в одном из усть-бельских курганов бронзового века, обнаружили мы в 1959 году древнейший в Азии и Америке поворотный гарпун — основное оружие охотников на морского зверя.

Наконечник поворотного гарпуна был отыскан под курганом № 9 в хорошо уже известном нам комплексе вещей древней континентальной культуры II—I тысячелетия до н. э. Вместе с наконечником гарпуна в могиле оказались также большой бронзовый резец, обсидиановые и халцедоновые треугольные наконечники стрел и многие другие каменные изделия.

Было установлено, что обнаруженный в кургане № 9 наконечник гарпуна сделан острым металлическим (вероятно бронзовым) инструментом из моржового клыка. Основными своими чертами он в общем вполне древнеэскимосский, хотя и отличается несколько от всех известных древнеэскимосских изделий подобного рода.

У него одна прямая шпора, одно отверстие для линя, широкое открытое гнездо для колка и нет прореза для копыцеа. Он целиком костяной и совсем не приспособленный для оснащения каменными вкладышами или копыцеом. Всем своим еще очень простым видом этот наконечник очень напоминает наконечники гарпунов, изредка встречающиеся в восточном секторе Американской Арктики в дорсетских памятниках (в первых веках I тысячелетия до н. э.), а позднее в генетически связанных с ними памятниках неозскимосской культуры Туле.

Всем своим еще очень несложным видом и плохой сохранностью он производит впечатление большой архаичности. Очевидно, его отдаленное сходство с подобными изделиями типа Туле, до сих пор известными в сравнительно поздних памятниках, не может ни в какой мере влиять на его датировку, поскольку он найден вместе с бронзовым орудием, в окружении каменных вещей еще неолитического, близкого к ленским и прибайкальским вещам облика.

Несмотря на большое искушение датировать весь усть-бельский комплекс после обнаружения в нем и других эскимонидных черт (шиферные изделия в усть-бельских курганах и каменный жирник на стоянке возле озера Чирового) более поздним, чем I тысячелетие до н. э. вре-

Рис. 83. Так выглядела женщина, погребенная в могиле № 19 Уэленского кладбища.

менем, у нас нет основания. Присутствие в данном комплексе бронзовых орудий заставляет отнести его полностью к додревнеберингоморскому и дооквикскому периоду, то есть к той эпохе, когда еще на морском побережье Чукотки железо вовсе не употреблялось, но на Чукотке уже известна была бронза, которая могла проникать туда только из Восточной Сибири в период развития там бронзового века и, конечно, не из Северной Америки, где этот сплав до прихода туда европейцев вовсе был неизвестен. Получается, таким образом, что усть-бельский наконечник поворотного гарпуна — самый древний из известных нам на Северо-Востоке Азии. Следовательно, он документирует начальный этап зверобойного промысла на Северо-Востоке.

Нас не должно смущать, что истоки этого в сущности морского промысла обнаружались в значительном отдалении от моря по среднему течению Анадыря, так как не исключено, что морские звери — нерпы и лахтаки поднимались вверх по реке и охота на них и изобретение самих гарпунов могли иметь место у анадырских поречан и лишь впоследствии распространились отсюда и по морскому побережью.

Следовательно, то, что ранее нами только предполагалось, теперь как будто бы подтверждается: древнеэскимосскую зверобойную культуру никто не принес в готовом виде с далекого Юга, она возникла на Севере, ее истоки найдены теперь на берегах реки Анадыря, а впоследствии ее корни, вероятно, будут обнаружены и в других местах аркти-

ческой зоны Северо-Восточной Азии и Америки, заселенной эскимосами.

Однако в рамках этой гипотезы все еще допустимы самые различные предположения относительно того, где именно на Севере возникла эскимосская культура впервые.

Можно предполагать, что местные, северные элементы эскимосской культуры сложились повсеместно как на Северо-Востоке Азии, так и в Американской Арктике, и произошло это, вероятно, в начале I тысячелетия до н. э.

В самом деле, в восточном секторе этой арктической зоны наиболее ранней палеоэскимосской культурой является зверобойная культура Дорсет. Эта культура известна только в Америке. Однако она очень близка нашей усть-бельской культуре позднего неолита и ранней бронзы. Близость эта заметна в облике каменных изделий, в технике их обработки, в наличии ножевидных пластин. Для этих двух культур выявлен один и тот же тип гарпуна — основного орудия охоты на морских зверей, очевидно, не только на нерп, но и на лахтаков, а на морском побережье — и на моржей (следует иметь в виду, что усть-бельский наконечник сделан из моржового клыка). Сближает усть-бельскую культуру с дорсетской во многом внутриконтинентальный облик последней, сохранение в ней охоты на оленя-карибу. Именно в то время, с первых веков I тысячелетия до н. э., мы застаем в рассматриваемой полосе Арктики процесс выработки на местной неолитической основе главных элементов эскимосской культуры. Возможно, что в это время предки эскимосов уже заселили обширные пространства от Чукотки до Гренландии.

Но можно также искать какой-то один северный очаг возникновения культуры зверобоев. Американский археолог Честер Чард (1962) находит его, например, в Бристольском заливе и относит к III—II тысячелетию до н. э.

Некоторые другие археологи видят его по традиции в зоне Берингова пролива. Так что выдвинутая нами в 1957 году гипотеза северного происхождения эскимосской культуры (вследствие похолодания климата) еще должна быть конкретизирована, должна получить однозначное решение. Пока же она, к сожалению, развивается в нескольких вариациях. И причина такого неудовлетворительного положения, конечно, во все еще недостаточной изученности древних эскимосских памятников, в отсутствии определенного представления даже о границах их распространения.

Для того чтобы хоть частично ликвидировать этот пробел, лаборатория археологии Северо-Восточного КНИИ Сибирского отделения Академии наук СССР отправила в 1963 и 1965 годах на Северо-Восток Чукотки специальные экспедиции.

СНОВА К ПРЕДКАМ ЭСКИМОСОВ

На вельботе вокруг Чукотского полуострова в 1963 году

Летом 1963 года, когда в Беринговом проливе растаял лед, наша экспедиция отправилась на вельботе вокруг Чукотского полуострова. Нас было восемь человек: два художника, Александр Чернов и Илья Гурин, братья Эдуард и Петр Гунченко, студент Келекут, моторист Этивекет и Этикимоль. Мы вышли из Лорино, обогнули мыс Дежнева и, тщательно обследовав берег Ледовитого океана на протяжении многих сотен километров, прибыли наконец в Ванкарем. Дальше сплошные льды закрыли нам путь по морю, и нам, — об этом читатель уже знает, — пришлось добираться до Амгуэмы по тундре на тракторе. Завершили маршрут на моторных лодках у парома на Амгуэме. А оттуда на автомашине снова вернулись к Тихому океану.

Перед экспедицией стояла нелегкая задача: найти и исследовать древние стойбища и могильники предков эскимосов, выяснить, когда они поселились на этих берегах и как развивалась здесь их удивительно приспособленная к арктическим условиям культура. Иными словами, наша задача состояла в том, чтобы ликвидировать еще одно белое пятно на археологической карте советского Северо-Востока и собрать материал для решения так называемой «эскимосской проблемы».

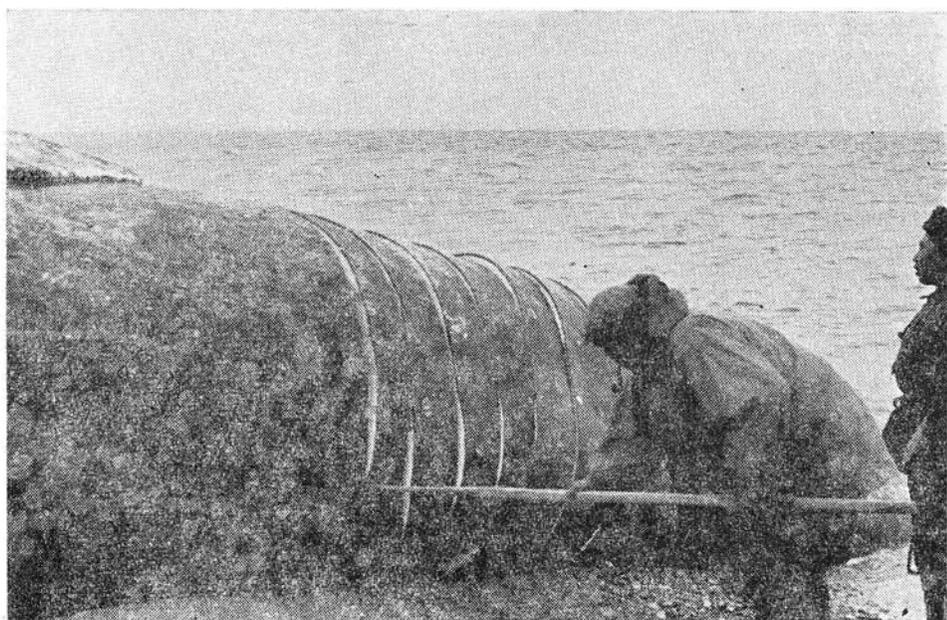
Лорино. Яндогай. Древние косторезные изделия

Уже в Лорино, где сейчас находится лучший на Чукотке колхоз морских охотников, мы смогли близко ознакомиться с традиционным промыслом этих мест: охотой на моржей и китов. Нам удалось убедиться в том, что современная техника, широко вошедшая в быт лоринцев, отнюдь неполностью вытеснила многие, изобретенные тысячелетия назад, замечательные орудия охоты на морских животных. До сих пор, например, используются поворотные гарпуны, а также орудия разделки морского зверя: удобные широкие ножи на длинных древках.

Р и с. 84. Добыча лоринцев.

Р и с. 85. Разделка кита (Лорино).

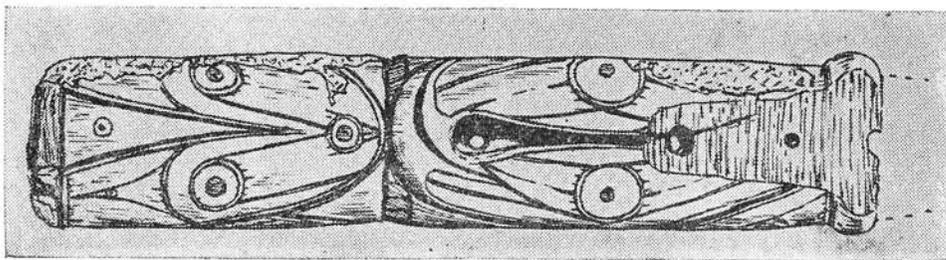

Рис. 86. Узорчатая головка гарпуна (Яндогай).

Мы отправились в Яндогай, что неподалеку от Лорино. Здесь в развалинах древних землянок и в старых заброшенных могилах нашли огромное количество ножей, сделанных из камня, и поворотные гарпуны. Самой значительной находкой оказались изумительные художественные изделия из моржового клыка, наиболее древние из известных на Чукотке — так называемые древнеберингоморские. Причудливые узоры из глубоко врезаемых в моржовый клык линий смело и неожиданно сочетаются в этих шедеврах древнего косторезного мастерства со стилизованными изображениями фантастических глазастых масок, птичьих клювов, моржовых голов. Перед вами на фотоснимках две из таких художественных вещей — стилизованная орнаментированная фигурка нерпы и головка древка поворотного гарпуна, то есть своего рода втулка, в которую вставляется посредством промежуточного стержня (колка) сам наконечник, обычно украшенный резным орнаментом. (Рис. 86).

В открытых нами древнеберингоморских могильниках на пути к Ванкарему мы неоднократно затем встречали подобную высокохудожественную резьбу по моржовому клыку. Желтая и даже совсем бурая тысячелетняя патина придавала ей какую-то особую привлекательность.

Мыс Чини

Мыс Чини привлекал меня уже давно. Еще в дневнике 1958 года я отметил, что на этом очень приметном, далеко выдающемся в море скалистом мысе «даже с вельбота хорошо видны китовые ребра древних землянок, а ведь здесь могут быть и погребения». Но пристать к мысу тогда мешал сильный прибой.

Совсем по-иному сложились обстоятельства в 1963 году. Достигнув тогда при относительно тихой погоде села Нуныма, мы взяли в качестве моториста известного художника-костореза Хухутана и поплыли даль-

ше к Уэлену. Однако начинающийся шторм заставил нас скоро пристать к берегу. И мы оказались как раз в том месте, куда безуспешно пытались проникнуть в 1958 году. Шторм затянулся на пять дней, и нам не оставалось ничего иного, как заниматься раскопками. Работа была далеко не напрасной. Как и предполагал я еще в 1958 году, здесь оказались не только древние поселения, но и древние могильники. Мы произвели осмотр культурного слоя двух древнеэскимосских стойбищ и раскопки погребений на трех кладбищах. Четвертое обнаруженное здесь кладбище, названное нами впоследствии Чинийским, в 1963 году раскопкам не подвергалось.

Первое древнеэскимосское стойбище обнаружили в полукилометре к западу от мыса Чини, на бугре высотой 6 метров, справа от устья речки Чинивеем. Здесь имеется около 9 ям (диаметром в 5—8 метров) от разрушенных землянок. Сделав выемку грунта до мерзлоты по склону ниже этих землянок, мы обнаружили небольшой участок культурного слоя площадью 4×2 метра на глубину 30 сантиметров. Здесь, в осипи, нам попались весьма немногочисленные находки: обломки стрел и ножей из глинистого сланца, орнаментированный наконечник гарпуна древнеберингоморского типа, проколка из моржового клыка и отщеп.

К востоку от этого места по всей мысовидной возвышенности сохранились остатки более поздних землянок. Эскимосы покинули их, видимо, сравнительно недавно, уже в советское время.

Второе древнеэскимосское стойбище находится на противоположной северо-западной стороне распадка, слева от устья речки Чинивеем, на террасовидном уступе высотой около 3 метров. Здесь в обнажении

Рис. 87. Мы пристали к Чинийскому берегу.

берега оказались обломки ножа из глинистого сланца, костяная проколка и глиняные черепки. По-видимому, этот поселок более поздний, чем предыдущий.

Выше, на обрывающемся к морю отвесными скалами отроге горы Энмынытнын, в непосредственной близости один от другого сгруппированы три могильника. Один расположен в 600 метрах от террасовидного уступа с остатками более позднего стойбища, второй — на расстоянии 300 метров от первого и третий — в 120 метрах от названного стойбища. Четвертый могильник был обнаружен с правой стороны от устья речки Чинивеем в непосредственной близости к мысу Чини. В 1963 году мы исследовали только три энмынытнынских кладбища, четвертый, собственно чинийский могильник пока оставили.

Первый Энмынытнынский могильник

Первый могильник находится у скального останца на мелкощебнистой площадке площадью 20×20 метров. К западу от площадки склон покрыт крупнообломочной породой и расчленен щелями. На расстоянии 50 метров от могильного поля здесь установлен череп косатки — доброй помощницы и покровительницы эскимосов. Под камнями, которыми он обложен, обнаружено девять медвежьих клыков. Погребение этого могильника почти не имеет наружных признаков. Могильник был открыт нами по нескольким едва выступающим из земли каменным плитам одной из могильных оградок. Мы раскопали здесь четыре могилы (1, 8, 9, 10).

Могила 1. Это единственная могила первого могильника, плиточное обрамление которой было заметно на могильном поле. Она обратила наше внимание тем, что находилась на «видном» месте, возле выступа скалы. Сразу можно было предположить, что погребен в ней весьма выдающийся человек.

Действительно, в «саркофаге» из плит дикого камня на ложе из тонких сланцевых плиток вместе с останками покойника, положенного на спине, оказалось большое количество различных каменных и костяных изделий. Больше всего их было возле ног погребенного: украшенная роскошным древнеберингоморским орнаментом головка гарпуна из моржового клыка, наконечник поворотного гарпуна, черешковые и с прямым насадом наконечники копий, стрел и гарпунов из шифера, тонкие наконечники из обсидиана и кремнистого сланца, фигурка, амулет или просто скребок из обсидиана, обсидиановые отщепы. Грудная клетка и кости рук скелета не сохранились, череп тоже сильно разрушен. На месте правого плеча погребенного лежали «крылатый предмет» и три небольших тонких шиферных наконечника с прямым насадом, обращенных остриями к черепу, один расколотый черешковый наконечник копья лежал острием в противоположную сторону у левого плеча.

Рис. 88. Энмынтнынское захоронение № 8.

Могила 8. Она не имела плиточного оформления и находилась в грунтовой яме на глубине около 0,5 метра. Как и в могиле № 1, покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, ориентированный головой на север. Сохранность его костей более полная; сгнили только кости ног ниже колен. Почти весь погребальный инвентарь сосредоточен возле правого плеча. Здесь кучкой уложены вырезанные с большим вкусом из моржового клыка фигурная рукоять со звериными головками на концах, бусы, подвеска, пуговица, скребок для снятия жира, нож из глинистого сланца. Возле левого плеча лежали только три костяных держателя стрел, один из них с наконечником стрелы. Кости погребенного в этой могиле выглядят значительно более свежими, чем в рядом раскопанных могилах. То же можно сказать о вещах из моржового клыка. Они покрыты светло-желтой, а не коричневой патиной и очень хорошо сохранились.

Могила 9. Расположена в грунтовой яме и не окружена камнями. На глубине около 0,5 метра сохранились далеко не все кости погребенного на спине с вытянутыми руками, ориентированного головой на север покойника. Череп его разрушен, ребра, таз и кисти рук почти

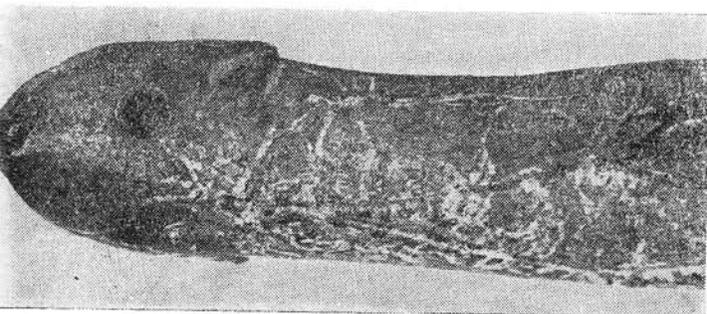
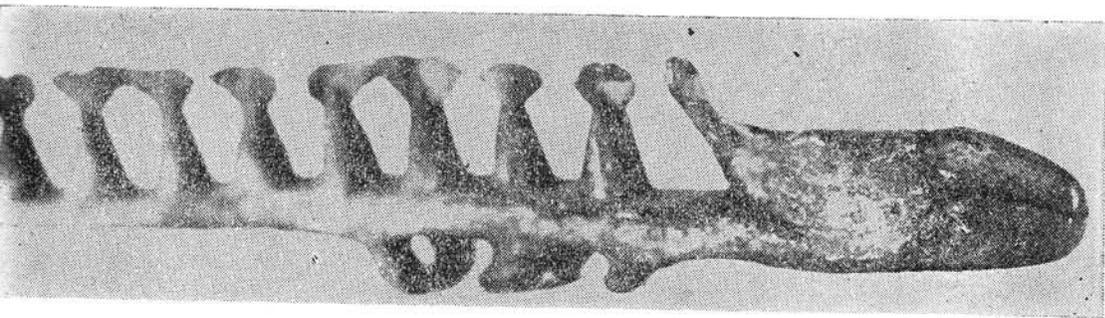
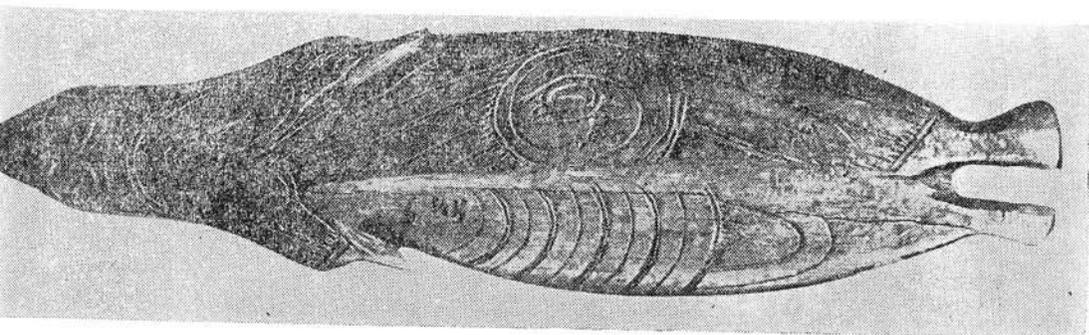

Рис. 89. Художественные изделия из моржового клыка: рукоять от ритуального ведра, употреблявшегося на китовом празднике. Выражает идею размножения китов. Найдена О. Н. Ивановым на Эквенском могильнике. Фрагмент рукоятки, украшенной звериными головками на концах. Фигурка нерпы из Яндогая.

полностью истлели. Уцелели без эпифизов только трубчатые кости ног. Основная часть вещей, как обычно, находилась с правой стороны, но на этот раз не у плеча, а ниже локтя. Здесь были каменные скребки, долота, наконечники стрел, отщепы и нуклеусы. По обеим сторонам правой ноги и несколько выше лежали три длинных стержня из моржового клыка. Возле верхнего стержня найдены два костяных наконечника багров и наконечники поворотного гарпуна. Два поворотных гарпунных наконечника обнаружены у левого локтя. Остальные вещи, а их было много, лежали между ног. Тут обнаружены два комка красной охры, каменные скребки, наконечники стрел, кристалл горного хрусталя и четыре наконечника поворотных гарпунов древнеберингоморского типа и каменный сланцевый нож, заключенный в костяную рукоять. После извлечения костей погребенного обнаружилось, что он положен на подстилку из продольных деревянных жердей.

Могила 10. Тоже грунтовая, такой же глубины, как и предыдущие, с той лишь разницей, что ее головная, северная часть была окружена камнями. Покойник был положен на спину, с вытянутыми ногами, но руки его обнимали плечи. Ребра, таз и эпифизы длинных костей не сохранились. Череп тоже очень плохой сохранности. Почти все вещи располагались в области таза («крылатый предмет», четыре шиферных наконечника, копьё, два из которых из кремнистого сланца, скребки и большой расколотый пополам шиферный нож с пятью отверстиями). В стороне от них вдоль костей правой голени лежал орнаментированный в древнеберингоморском стиле и составленный из двух частей посредством костяной шпонки стержень из моржового клыка.

Рис. 90. Погребение № 10 на Первом Энмынытнинском кладбище.

Рис. 91. Могила № 2 на Втором Энмынытнынском кладбище после раскопок.

Второй Энмынытнынский могильник

Второй могильник состоит примерно из семи сравнительно поздних и одного древнеберингоморского захоронений. Захоронения заметны по углублениям, устроенным среди камней и окруженным округлыми каменными насыпями. Мы вскрыли здесь в 1963 году могилу древнеберингоморского типа (№ 2).

Могила 2. Окружена прямоугольной оградой (2×0,8 метра) из врытых на ребро плит дикого камня. В отличие от остальных могил кладбища насыпью окружена не была. Содержала два яруса погребений. Верхний покойник, от которого сохранились только полусгнившие диафизы костей ног, был положен на глубине около 40 сантиметров головой на юг, очевидно на спине, и завален землей и камнями. Возле

левого его бедра уцелела средняя часть сгнившего «крылатого предмета» и каменный наконечник стрелы, а между ног — большой каменный топор, шиферный наконечник и скребки. В области груди сохранились следы головки гарпуна, маленький топорик, каменный черешковый наконечник стрелы. На месте черепа находились два маленьких каменных вкладыша от поворотного гарпуна.

На 20 сантиметров глубже лежали очень скудные остатки нижнего скелета. Уцелели только следы длинных трубчатых костей ног и черепа, по которым можно судить, что покойник был погребен головой на север, то есть в противоположную сторону по отношению к верхнему захоронению. Однако здесь оказался обильный каменный погребальный инвентарь, сконцентрированный с правой стороны уложенного на спину мертвеца, на его груди и возле левого плеча. Найдены также четыре ретушированных черешковых наконечника копий из кремнистого сланца, пять шиферных наконечников, различные скребки, в том числе своеобразный фигурный, три резца, куски охры, угли, зеленые гальки и две точильные песчаниковые плитки, а также каменные боковые вкладыши от гарпуна.

Третий Энмынтнынский могильник

Этот могильник самый обширный, он насчитывает более 15 могильных впадин и оградок, довольно хорошо различных среди крупноблочных обломков. Здесь исследовано 5 захоронений (№№ 3, 4, 5, 6, 7), оказавшихся сравнительно поздними и значительно бедными заупокойными вещами.

Могила 3. В середине каменной оградки прямоугольных очертаний (2×1,5 метра) сохранились остатки скелета, ориентированного с севера на юг. На вымостке из каменных плит уцелели только диафизы трубчатых костей его ног и часть таза, обломок наконечника стрелы из глинистого сланца, а также часть ножа из того же материала — все это в углах могилы. Западная стенка оградки завалилась вовнутрь.

Могила 4. Имела оградку (2,1×1 метр) такого же устройства и ориентировки, как и у предыдущей могилы, только вовнутрь завалились плитки восточной ее стенки. Ее дно также устлано каменными плитками. Северная часть могилы перекрыта двумя обломками китовых ребер. Кости человека, кроме черепа (в северной части могилы), не сохранились. В северо-западном и юго-восточном углах могилы — обломки глиняной посуды. В том месте, где должна быть грудь погребенного, лежал большой сланцевый нож без отверстия, кремневый наконечник копья находился у западной стенки оградки. В углу за головой покойника и несколько выше ее найден другой каменный наконечник копья, а в ногах расколотый на три части большой наконечник копья из шифера, обломок шиферного ножа и отщепы. Чуть западнее — кремневый наконечник стрелы.

Могила 5. В прямоугольной плиточной оградке (2×0,8 метра) под камнями засыпки — никаких человеческих костей. Были обнаружены только каменные изделия. В северной части могилы на глубине 20 сантиметров находились топоры из кремнистого сланца и четыре сланцевых ножа, глубже — два наконечника от стрел, а в южной половине могилы — сланцевый нож с дыркой, наконечник и кусок охры.

Остальные захоронения (6 и 7) после раскопок представляли примерно такую же картину: на дне прямоугольных оградок возле немногих уцелевших человеческих костей лежали каменные ножи, наконечники стрел, вкладыши от гарпунов. По общему своему облику они также могут рассматриваться как близкие к наиболее поздним древнеберингоморским погребениям.

Едва раскопали все эти могилы, как шторм начал стихать. Мы снова столкнули свой вельбот в море и пошли к Уэлену. По пути осмотрели культурные слои в Иуне, Кейкене, Лейлине, Туньтлене и хотели зайти в Эквен, но шторм снова усилился, и нам пришлось искать убежища под прикрытием мыса Дежнева в Наукане.

Так нам и не удалось посмотреть обнаруженный еще в 1960 году О. Н. Ивановым Эквенский могильник, который раскапывали сотрудники Института этнографии С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев и Арнольди.

Насколько интересен этот Эквенский могильник, видно хотя бы на примере замечательной находки О. Н. Иванова — сделанной из моржового клыка рукоятки от ведерка для ритуальных возлияний на китовом празднике. Ряд появляющихся на свет хвостами вперед китов выражает идею плодородия, возрождения убитого зверя. А по сторонам на концах этой великолепной рукоятки — две фигурки взрослых китов. Они с еще большей силой подчеркивают замысел древнего костореза, создавшего это замечательное изделие (рис. 89).

Памятник Семену Дежневу

С трудом пристав к обрывистому науканскому берегу, мы поняли, какой избежали опасности. На следующее утро, когда уже ярко светило и пригревало солнце, утешились осмотром замечательного памятника землепроходцу Семену Дежневу.

Первый памятник великому мореходу, открывшему в 1648 году пролив между Азией и Америкой, отважному первооткрывателю Чукотки, русскому казаку Семену Ивановичу Дежневу был установлен здесь на высокой скале еще в 1910 году. Это был деревянный крест с надписью на русском и английском языках, выбитой на медной плите:

«ПАМЯТНИК ДЕЖНЕВУ. КРЕСТ СЕЯ ВОЗДВИГНУТ В ПРИСУТСТВИИ ПРИАМУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА УНТЕРБЕРГ, КОМАНДОЮ ВОЕННОГО ТРАНСПОРТА «ШИЛКА» ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМАНДИРА КАПИТАНА 2 РАНГА ПЕЛЛЬ И ОФИЦЕРОВ СУДНА.
1 СЕНТЯБРЯ 1910 ГОДА.

МОРЕПЛАВАТЕЛИ ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОДДЕРЖИВАТЬ ЭТОТ ПАМЯТНИК».

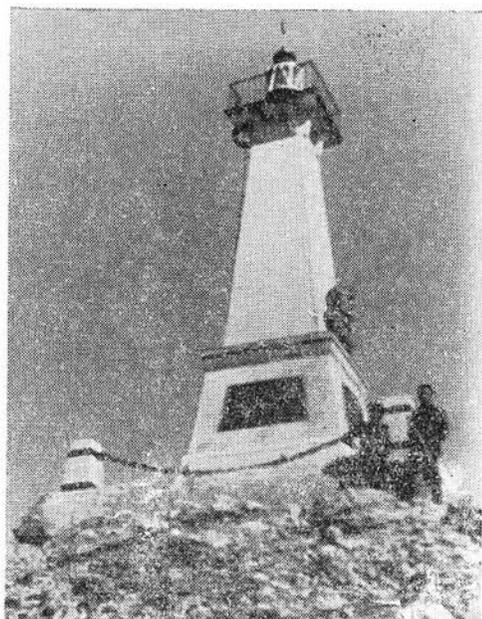

Рис. 92, 93. Старый крест, установленный в память о Дежневе в 1910 году. Памятник Семену Дежневу.

Летом 1956 года рядом с этим скромным крестом Главным управлением Северного морского пути под непосредственным руководством архитектора Б. К. Семененко был сооружен новый памятник Дежневу. Он имеет величественный вид, достойный немеркнувшей славы Дежнева.

Памятник представляет собою облицованную мраморной крошкой четырехгранную башню-obelisk с бронзовым бюстом Дежнева внизу на лицевой стороне и служит одновременно маяком (на его вершине установлен ацетиленовый фонарь). Высота памятника-маяка более 16 метров. На лицевой стороне пьедестала памятника под бюстом смонтирована литая надпись:

«СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЕВ РОДИЛСЯ ОКОЛО 1605 г.,
УМЕР В 1672 г.».

Последний раз на Уэленском кладбище. Снова бирнирское погребение. Некоторые размышления

Один из обнаруженных нами новых древнеэскимосских могильников оказался в таком месте, где меньше всего можно было предположить, — рядом с хорошо изученным древним кладбищем возле Уэлена.

Хотя, быть может, правильнее сказать, что мы нашли здесь не новый некрополь, а продолжение все того же Уэленского могильника.

В последних сообщениях экспедиции М. Г. Левина, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, появившихся в печати в 1962 и 1963 годах, отмечалось, что Уэленский могильник раскопан полностью и работы на нем прекращены. Однако два разведывательных шурфа, заложенных нами теперь, в 1963 году, на сухом бугре с юго-восточной стороны раскопа, совсем рядом с ним, убедили в противном. Там оказались четыре погребения: три древнеберингоморских и снова одно бирнирское. Ясно, что здесь находится еще одно могильное поле весьма внушительных размеров, которое заслуживает особого изучения.

Особенно интересно, конечно, бирнирское погребение (№ 28), уже третье на Уэленском могильнике (два других были обнаружены нами здесь в 1958 году). Оно было устроено внутри прямоугольной оградки из врытых на ребро каменных плит, лишь слегка возвышающихся над уровнем почвы. Глубина могилы 35 сантиметров. Дно ее устлано китовым ребром и моржовыми лопатками. Покойник был погребен на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток. У скелета сохранились только таз, кости ног и обломки черепа. Вдоль спины погребенного была положена кость моржа. У грудной части острием к тазу лежал шиферный наконечник копья и там же, чуть в стороне, — два обломка шиферных ножей.

Таким образом, общими признаками всех трех бирнирских погребений оказываются скорченное трупоположение, ориентировка головой на восток, закладка могилы моржовыми лопатками. Большинство поворотных наконечников гарпунов (три из четырех, обнаруженных в этих могилах) вполне определенно принадлежит к бирнирским типам наконечников, с открытым гнездом для линя. Их здесь две разновидности: один наконечник — с бородкой и каменным боковым вкладышем, два — только с односторонней бородкой.

В целом по сравнению с оквикским и древнеберингоморским захоронениями инвентарь бирнирских погребений значительно беднее, но все же ясно указывает на большое значение в жизни бирнирских морских охотников. Правда, охота эта, судя по сравнительно небольшим размерам наконечников гарпунов, велась, очевидно, в основном только на мелких морских млекопитающих. Судить о развитии остальных отраслей хозяйства бирнирские погребения пока не позволяют.

Раскопки на Уэленском кладбище убеждают в том, что основой хозяйства его создателей всегда были преимущественно морской зверобойный промысел, а затем сухопутная охота и рыболовство. Такой образ жизни характерен, однако, не только для эскимосов, но и для алеутов, береговых чукчей, приморских коряков и для некоторых других народов. Более точно определить этническую принадлежность Уэленского могильника помогают палеоантропологические материалы — черепа и дру-

гие кости погребенных. В результате исследований М. Г. Левина выяснилось, что они типично эскимосские. Таким образом, для изучения истории эскимосов получен ценнейший источник, освещающий несколько разновременных локальных эскимосских культур: оквикскую, древнеберингоморскую, бирнирскую, пунукскую.

Не все из этих культур связаны между собой генетически, то есть по происхождению. Если древнеберингоморская культура развивается непосредственно в пунукскую, то оквикская и более поздняя — бирнирская — составляют, очевидно, особый эволюционный ряд. Поэтому Уэленское могильное поле правильнее, очевидно, рассматривать не просто как родовой могильник, как полагают мои коллеги С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, а как серию разновременных родовых кладбищ.

Наиболее ранние из оквикских могил, в частности могила № 1, в таком случае должны рассматриваться не как одновременные древнеберингоморские и тем более не как более поздние, чем они (как утверждают М. Г. Левин и его сотрудники), но как наиболее древние, пожалуй, самые первые захоронения на Уэленском могильнике, своего рода остатки некогда бывшего здесь кладбища одного из впервые поселившихся здесь родов оквикской культуры. Что это так, подтверждается самой стратиграфией оквикского погребения № 1, пересеченного сверху большой каменной плитой могильной оградки, типичной для древнеберингоморского периода. Должно было пройти, вероятно, не одно десятилетие, чтобы навсегда было забыто родовое кладбище и на его месте другим родом было устроено древнеберингоморское.

Судя по нашим данным, а также по материалам, частично опубликованным экспедицией М. Г. Левина, основная часть уэленских погребений относится к древнеберингоморской культуре, датируемой первыми веками нашей эры. Поэтому вполне естественно допускать, что дольше всего Уэленское могильное поле служило кладбищем одного из родов древнеберингоморцев. Так как количество их захоронений не так уж велико (во всяком случае, не многим более 100), оно не могло быть создано даже самым маленьким поселком, если бы он существовал здесь в течение многих веков непрерывно. Простой расчет показывает, что если население родового поселка или даже нескольких поселков одного рода, использовавших это кладбище, принять только за 100 человек, а продолжительность жизни в среднем в 50 лет, то и тогда потребовалось бы едва ли более 50—100 лет для роста кладбища до 100 могил. Следовательно, древнеберингоморское родовое кладбище функционировало в общей сложности не более 100 лет. Вероятно, оно относится не к одному, а к нескольким сравнительно коротким периодам на протяжении всего развития древнеберингоморской культуры, разделенным большими промежутками времени. Об этом свидетельствует наличие в могилах этой группы всех стилей древнеберингоморской резьбы по кости, а также ранних и поздних типов гарпунов и «крылатых предметов».

Немногочисленные бирнирские и пунукские погребения соответствуют последующим sporадическим поселениям морских охотников в этих местах. При этом между периодами заселения, несомненно, были большие хронологические интервалы, достаточные для того, чтобы забывались захоронения, совершенные в данном месте чужеродцами. Явное же сокращение количества погребений этих более поздних периодов объясняется, очевидно, не только недолговременностью соответствующих поселков, но и постепенной сменой грунтовых захоронений поверхностными, что соответствует общей тенденции погребального обряда на Северо-Востоке Сибири.

Инчоун. Загадка «крылатых предметов»

На берегу Ледовитого океана, за отвесной Дырявой скалой (Равык-вын), по другую сторону которой расположено большое моржовое лежбище, находится современный поселок Инчоун и древние большие землянки предков эскимосов. Последние вытянулись по прямой линии от восточной окраины современного поселка по направлению к Дырявой скале. Часть их расположена на косе, остальные — на возвышенности, ведущей на скалу. Еще дальше в гору имеется и довольно древний эскимосский могильник, устроенный в щелях каменной осыпи. Нами тщательно исследовано одно из больших подземных жилищ, расположенное на краю террасовидного уступа, от которого начинается Инчоунская коса. Оно относится к типу сложных эскимосских жилищ и состоит из четырех соединенных между собой землянок, построенных из китовых ребер и челюстей.

Мы произвели раскопки центрального помещения диаметром в 10 метров и нашли там много различных изделий из моржового клыка и камня. А в осыпи боковой землянки на склоне бугра откопали несколько древнеберингоморских наконечников от гарпунов и совершенно уникальный «крылатый предмет».

Эти «крылатые предметы» нам попадались в Яндогае, Нуямо, Уэле-не и в древнеберингоморских могильниках между этими селениями. Инчоунская находка отличается от них совершенно особым устройством средней части: вместо боковых отверстий здесь два выступа в виде птичьих головок.

Всякий раз, когда археологу посчастливится найти эту все еще загадочную штуку с крыльями, как у бабочки, у него снова возникает желание дознаться, для чего она все-таки служила и что означала.

Каких только гипотез она не породила! То ее считали культовым изображением птицы или бабочки, которое подвешивалось на ремнях во время китового праздника (Руденко), то своеобразной головкой гарпуна, укрепляемой на носу каяка и используемой при охоте на кита пря-

мо на таран (Лавров), то «замком», скрепляющим форштевень байдары с ее боковыми планками (Сергеев).

Я склонен был считать «крылатый предмет» навершием шаманского жезла (подобного шаманскому трезубцу кетов) или тотемного штандарта. Вероятно, он являлся носителем духовной силы шамана и вместе с тем, талисманом, вместилищем духа-покровителя рода или его предка. Недаром средняя часть «крылатых предметов» часто оформлена в виде человеческого торса или лица. И действительно, как бы в подтверждение моей гипотезы, но отнюдь не подкрепляя свою собственную, Д. А. Сергееву удалось найти в погребении № 12 Эквенского могильника «крылатый предмет», насаженный на палку. В свое время и мне в погребении № 2 Уэленского могильника попался «крылатый предмет» вместе с остатками воткнутой в его широкое отверстие палки. Похоже на то, что загадочная эта вещь все-таки навершие, надеваемое на древко.

Исчерпываются ли высказанными предположениями смысл и назначение такой конструкции? Думаю, что нет. Ее функция могла быть, конечно, не однозначной. С течением времени она могла к тому же меняться.

Однажды, рассматривая остов старой чукотской байдары, я был поражен сходством формы носовой доски с общими очертаниями «крылатого предмета». Их отличают, правда, размеры: «крылатый предмет» неизмеримо меньше.

Наши проводники-чукчи Атикомоль и Эттивекет сообщили мне, что на эту носовую доску кладут гарпуны во время охоты, что это самая важная по своему значению у морских охотников часть байдары. А впоследствии я узнал, что носовая доска — ээк — пользовалась у чукчей особым почитанием, ей даже приносили жертвы, смазывали жиром, клали на нее кусочки сала и мяса. Уж не прототипом ли «крылатого предмета» является эта самая основная часть байдары? И, может быть, «крылатый предмет» действительно выполнял в прошлом подобную же ответственную и почетную роль, но не на носу байдары, а на носу маленького каяка? И даже больше: служил вместе с тем, как первым предположил в свое время И. П. Лавров, своеобразным приспособлением для укрепления большого наконечника гарпуна на носу такой маленькой каркасной, абсолютно водонепроницаемой кожаной лодки.

Смело и стремительно на полном ходу таранил охотник кита прямо носом-гарпуном своего каяка, а затем, разматывая лямку, столь же быстро отходил от зверя, оставив в его теле на конце ремня соскочивший и крепко засевавший под кожей наконечник.

Незатопляемость каяка гарантировала жизнь охотнику, даже если он переворачивался вверх дном. Но риск все же был велик, и такой способ охоты скоро сменился более надежным с помощью обычных поворотных гарпунов и больших многоместных байдар. Только свято почитаемая байдарная носовая доска «ээк» напоминает нам теперь о былой

роли костяных «крылатых предметов». Сами же они, вероятно, стали терять свое прежнее назначение и утилитарные качества. Утратив всякую практическую связь с каяками, они давно уже, в середине I тысячелетия н. э. выродились в трезубцы так называемой пунукской культуры. Все это, разумеется, только догадки, вытекающие из гипотезы И. П. Лаврова.

Чегитунские древнеэскимосские могильники

После Уэлена и Инчоуна мы посетили Чегитун и устье речки Екичувервеем. Всюду находили обильные культурные слои, подмытые морем, и береговые обнажения со множеством предметов древности. В Утене на высокой сопке у древнего поселка сохранился могильник примерно из 40 могил в прямоугольных каменных оградках. В порядке разведки здесь мы произвели раскопки и обнаружили захоронения на спине, головами на юг. Здесь же нашли наконечники и ножи из глинистого сланца.

Наше путешествие ничем не омрачалось. Море было относительно спокойно. Только после Утена начало штормить, и мы вынуждены были пристать на ночлег к Чегуну. Вернее сказать, нас выкинуло к этому неприветливому крутому берегу разбушевавшееся море. Наградой за страх и пережитые волнения был обнаруженный здесь культурный слой с архаично обитыми каменными орудиями.

В Чегитуне, очень привлекательном чукотском поселке, мы стояли несколько дней. За это время успели исходить все окрестные сопки и найти на высоком мысу слева от устья одноименной речки древнюю стоянку и даже целых три могильника. Вот о них-то и пойдет речь.

Первый могильник мне удалось найти в первый же вечер на вершине одной из сопки в 1,5 километра от поселка. К сожалению, на следующее утро выяснилось, что в прямоугольных каменных оградках сохранились лишь разрозненные человеческие кости. Зато в то утро мне посчастливилось найти второй могильник, гораздо более богатый находками. Он занимает значительную площадь на правом скалистом берегу реки Чегитун в 1,5—2 километрах от поселка. В нем более 50 прямоугольных плиточных оградок. Семь из них мы раскопали. Обнаруженные скелеты лежали головой на северо-восток, кроме могилы № 3, где человеческие останки были ориентированы в противоположном направлении.

Первая исследованная здесь могила содержала неполный скелет покойника, уложенного на спину с вытянутыми ногами и сложенными на поясе руками. Череп и правое бедро не сохранились. Возле тазовых костей с правой стороны лежал большой наконечник гарпуна так называемого бирнирского типа, чуть ниже ребер — проколка и возле костей правой ступни — клык медведя и зуб моржонка.

Рис. 94. Мы раскапываем древнезскимосский могильник в Утене.

Внутри второй могильной оградки никаких костей не сохранилось, но там оказался костяной наконечник остроги.

В прямоугольной оградке третьей могилы лежали остатки скелета, расположение которых позволяет допустить, что погребенному была придана поза лежащего на правом боку с подогнутыми ногами: бедренные кости (без эпифизов) направлены к черепу, от которого сохранилась только нижняя челюсть. От рук остались только плечевые кости (тоже без эпифизов). Возле таза находились обломки наконечника гарпуна бирнирского типа и наконечник багра, а на месте черепа — костяная проколка.

Возле восточного угла каменной оградки четвертой могилы на деревянной поверхности лежали обломки толстостенной глиняной посуды и шиферный наконечник копья. Внутри могилы никаких человеческих костей не оказалось, зато вещей было больше, чем в других оградках могильника.

В центре, на глубине около 30 сантиметров, рядом с большой деревянной пластиной лежали два ножа из глинистого сланца и три наконечника поворотных гарпунов бирнирского и раннего пунукского типа, а также типа Туле-2. Кроме того, там были костяные проколки и пластинка от лат, украшенная пунукской гравировкой. В южном углу могилы об-

Р и с. 95. Чегитунское погребение № 5 (второй могильник).

наружен маленький костяной нож с небольшим отверстием на рукоятке.

Очень интересной оказалась и пятая могила. Внутри оградки на глубине 0,5 метра заваленный камнями лежал на спине с вытянутыми ногами почти полный скелет человека с хорошо сохранившимся черепом. Все вещи были справа от таза: два костяных остря, два наконечника остроги, два костяных наконечника от багров, бусина из моржового клыка и два обломка ножей из глинистого сланца.

В каменной оградке шестой могилы на глубине 20 сантиметров лежал на спине с вытянутыми ногами тоже почти полностью сохранившийся человеческий скелет. Возле его левого локтя оказался каменный шлифованный нож.

Наконец, в седьмой оградке на глубине 20 сантиметров обнаружены обломки таза, два бедра с разрушенными эпифизами и кучка погребальных вещей возле правого тазобедренного сустава: большой базальтовый грубо обитый наконечник копья, нож из глинистого сланца и обломок такого ножа, а также пять костяных бородчатых наконечников от остроги.

Под вечер раскопки здесь были окончены. Сильно уставшие за день братья Гунченко, Илья Гурин, художник Александр Чернов и Келекут направились на отдых в лагерь. По времени был поздний вечер, но солн-

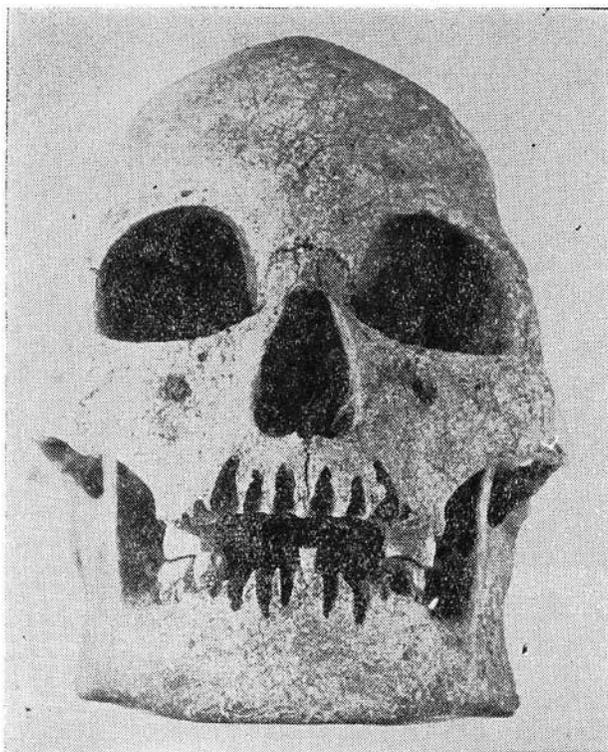

Рис. 96. Череп погребенного на третьем Чегитунском кладбище.

це полярного дня все еще светило ярко, и я решил продолжить разведку. Переправившись на резиновой лодке на левый берег Чегитуна, пошел по сопкам на запад.

Там-то, на южном склоне сопки, на небольшой пологой площадке был обнаружен самый интересный третий Чегитунский могильник. Одна из могил выдала себя едва выступающими над землей краями каменных плит. У меня была саперная лопатка, кисть и нож, и я решил тут же начать раскопки.

Долго кружились надо мной два орла, встревоженные неожиданным моим вторжением в их владения. Работал я с подъемом, и гряда земли и камней, извлекаемых из глубокой могильной ямы, все росла и росла. На материковом грунте оказался скелет погребенного. Большие, массивные бедренные кости, узкий таз и массивный череп. Это мужчина!

Возле его правого колена — разломанная на части костяная пластина от лат, а между бедрами — две костяные шпильки. Все остальные вещи, а их было здесь много, лежали возле левого бока погребенного. Вдоль локтевой кости находились остатки деревянного стержня и длинная костяная пика, затем еще одна костяная шпилька с головкой и во-

семь костяных бородчатых наконечников от острог, два больших костяных наконечника стрел (один из них с вильчатым насадом), миниатюрная пряжка-карабин, небольшой желобчатый костяной предмет непонятного назначения с отверстиями (оба украшены дырчатым орнаментом), три костяные проколки, обломок глиняной посуды, колок и три наконечника поворотных гарпунов типа Туле и Бирнирк.

Это погребение, как и захоронения предыдущего кладбища, опять пунукское. И, судя по наконечникам гарпунов, здесь опять заметно влияние североамериканских эскимосских культур Бирнирк и Туле. То-то будут рады антропологи, когда получат от меня этот череп! С такими мыслями фотографирую, вычерчиваю погребение, вынимаю череп — самую драгоценную находку, все эти костяные вещи и, страшно довольный, тороплюсь к своим.

Уже глубокая ночь. Тихо и светло. Солнце, так и не зайдя, снова подымается над горизонтом. Только теперь я почувствовал усталость. Осторожно спускаюсь по крутому обрыву к реке, и вдруг — о ужас! — череп выскальзывает у меня из рук, мгновенно скатывается по склону и ныряет в воду...

Через несколько секунд я убеждаюсь, что бесценная находка канула бесследно. К счастью, все обошлось благополучно. Под утро череп все-таки удалось найти и выловить. И теперь он хранится в отделе антропологии Института этнографии Академии наук СССР.

Древности Сешана

После Чегитуна мы прошли устья трех малых речек. В распадках искали могилы, но не нашли. На берег третьей речки не заходили: с моря не был обнаружен культурный слой. Дальше, до мыса Инкигур (Сешан), берег сплошь скалистый и никаких распадков нет. Встретился небольшой ручей только перед самым мысом, но в археологическом отношении распадок не имеет видимых с вельбота признаков, а пристать к этому месту из-за шторма не удалось. Только в распадке, по которому протекает вторая после Чегитуна речка (в 4—5 километрах от последней), на мысовидном уступе у подножия сопки, с левой стороны устья, оказался культурный слой древнеэскимосского маленького поселка.

На скалах мыса Инкигур (Сешан) шумит большой птичий базар. А у подножия утесов еще недавно можно было слышать грозный рык моржей. Естественно, что в этих удобных, обильных пищей местах издавна селились и люди. Поселок морских зверобоев — Сешан еще несколько лет назад процветал, а теперь от него остались только руины.

Мы заинтересовались развалинами Сешана, осмотрели их и установили, что до чукчей много столетий тому назад здесь жили эскимосы. От их стойбища не сохранилось уже и развалин. Следы этой более древней жизни выглядят теперь в виде так называемого культурного слоя.

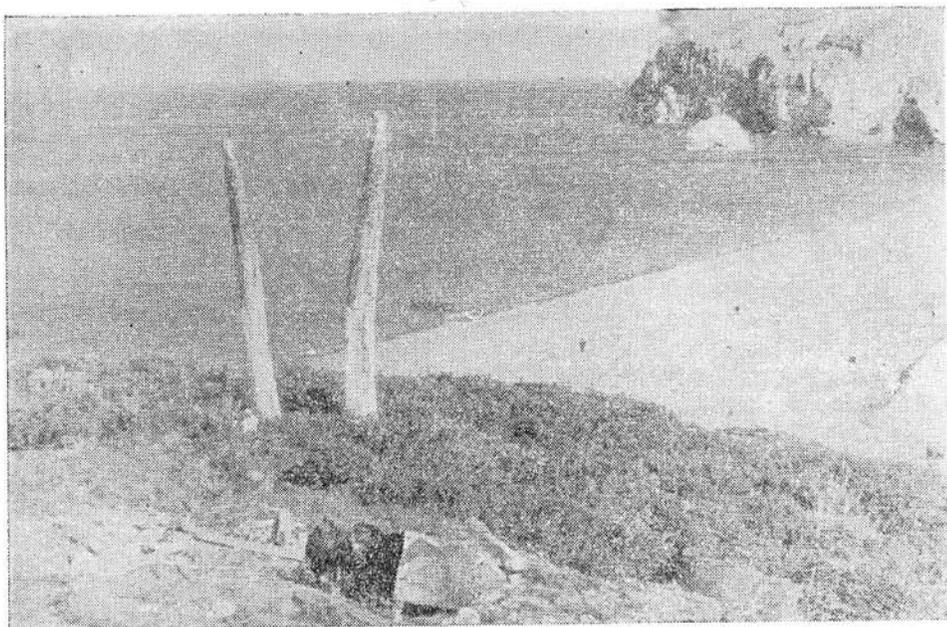

Рис. 97. Развалины Сешана.

Он был замечен по верхнему краю 15-метрового обрыва, под развалинами чукотского поселка.

Мы зачистили верхнюю часть обнажения обрыва, и стало ясно, что эскимосский культурный слой имеет мощность до двух метров. Он был прослежен на протяжении 18 метров вдоль края обрыва. Здесь попадались вещи древнеберингоморского облика: обломок наконечника гарпуна поворотного типа, обитые каменные наконечники копий (один черешковый и два листовидных), сланцевые ножи, костяные наконечники багров, скребки для очистки моржовых кишок, проколки, заготовка поворотного наконечника гарпуна, рукоятки и мотыги из моржового клыка, покрытые гравировкой, пряжка и другие поделки из моржового клыка.

На вершине скалы, на правой стороне ручья обнаружены ритуальные каменные кладки с медвежьими и моржовыми черепами. Моржовые головы в этих кладках лежат в два ряда. Клыками они обращены в сторону лежбища, на северо-восток. Широким овалом вокруг них нагромождены большие глыбы камней. Тут же лежат медвежий череп и рога оленя. Картина типичная не только для эскимосов, но и для береговых чукчей — это памятники особого ритуала морских охотников, связанного с забоем моржей на лежбищах. Каждый год после забоя чукчи и эскимосы укладывали здесь голову первого убитого на лежбище моржа. Интересно, что предварительно с каждой такой головой моржа «советова-

лись» о порядке проведения забоя. Это были не только внушенные первобытным мировоззрением знаки внимания к промысловому зверю — источнику жизни зверобоя, но и своеобразный способ упорядочения забоя, его регламентации.

На той же вершине скалы, неподалеку от кладок с моржовыми головами, размещается и могильник из захоронений в каменных щелях. На этом позднем, имеющем скорее этнографическое, чем археологическое, значение могильном поле возвышается несколько вертикально поставленных каменных плит. По мнению исследователя приморских культур Чукотки, этнографа и старожила этих мест В. В. Леонтьева, подобные стелы устанавливались в память о погибших в море охотниках.

На западной стороне могильника, ниже по склону в сторону старого Сешана, могилы устроены в каменных курганчиках, имеющих посредине провал. Одна из них резко отличалась своим устройством. Она располагалась в уже знакомой нам прямоугольной оgrade, столь типичной для древних могил этих мест. Эта могила нами и была раскопана.

Плиточная оградка, ориентированная с севера на юг, имела длину 2,2 метра, ширину 1 метр и глубину 55 сантиметров. Внутреннее пространство под дерном было заложено горизонтальными плитами камня. На глубине 35 сантиметров в южной ее части под одной из плит оказался человеческий череп, а дальше к северной стороне — остатки некоторых других костей скелета: истлевший таз, бедренные кости без эпифизов. Судя по расположению этих костей, покойник был положен на спине с вытянутыми ногами. Погребен здесь был ребенок, так как пропорции костей явно детские. В изголовье стоял горшок. От него сохранились толстостенные черепки. Здесь же лежала кирка из моржового клыка. На груди погребенного нож из глинистого сланца.

Отмеченные особенности погребального обряда, а именно устройство оградки, положение и ориентировка покойника позволяют считать это детское погребение древнеберингоморским. Очевидно, мы раскопали современника тех людей, которым принадлежало древнеберингоморское стойбище на левой стороне сешанского распадка.

Сейчас в Сешане никто не живет. Но древности Сешана восходят, как мы убедились, к очень ранним периодам эскимосской истории.

К мысу Сердце-Камень. Иколиврунвеемский могильник. Кенишхун

(28—30 июля)

Этот мыс мы увидели еще из Сешана. Наш моторист чукча Этивекет предупреждает, что мыс Сердце-Камень очень опасен, море возле него коварно, быстрым течением может выбросить вельбот на скалы. Но погода вроде бы ничего, и мы идем на своем суденышке мимо прибрежных утесов навстречу своей судьбе.

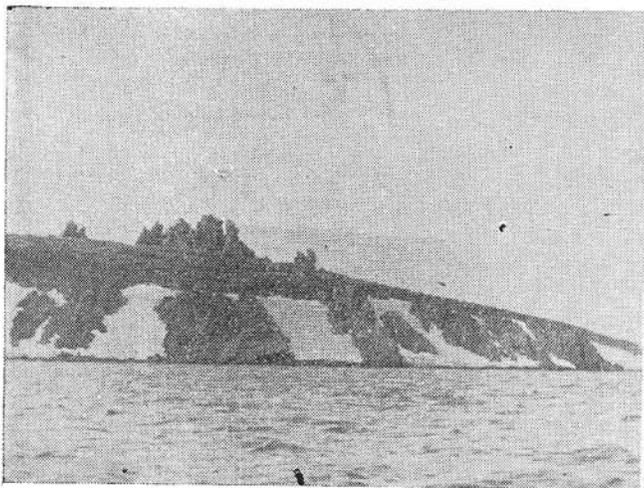

Рис. 98. Мыс Сердце-Камень.

По пути заходим в Иколиврунвеем. Так называется речка в пяти-шести километрах от Сешана. На левой стороне ее устья, на четырех-пятиметровом обрывистом берегу замечаем культурный слой двухметровой толщины. Зачищаем его на протяжении 5 метров и находим два сломанных наконечника поворотных гарпунов пунукского типа, наконечники стрел из глинистого сланца, оригинальнейший керамический штамп в виде орнаментированной концентрическим, явно бирнирским узором лопатки из моржового клыка, а также так называемую лабретку — нагубное украшение из того же материала. Мы в восторге от этого в высшей степени интересного комплекса. В нем впервые так четко прослеживается влияние аляскинской бирнирской культуры. Работаем увлеченно и, может быть, несколько дольше, чем следовало бы.

Еще дольше задерживает нас на этом берегу могильник. Мне удалось его обнаружить на правом берегу реки в двух-трех километрах от устья на скалистом мысу высотой около 12 метров. На мелкощебнистой площадке здесь хорошо видны 12—15 прямоугольных плиточных оградок, едва выступающих над поверхностью. Одну из них длиной 2 метра, шириной один метр мы полностью раскопали и на глубине 30 сантиметров под множеством камней и обломков каменных плит нашли остатки человеческих костей, к сожалению, без черепа.

Мертвец был погребен на спине, с вытянутыми ногами, головой на северо-запад. В головной части его могилы лежали обитые по краям два наконечника копий из глинистого сланца, каменный резец и два отщепца. Возле кисти левой руки находились сланцевый шлифованный нож и нерпичья лопатка. До сих пор не так часто попадались такие хорошие древние могильники. Сюда надо непременно вернуться и докопать его полностью.

Задержка в Иколиврунвееме едва не стоила нам жизни. На полпути к мысу Сердце-Камень внезапно налетел шквальный ветер, и нас едва не перевернуло. Шторм все усиливался, вельбот заливало, а пристать было некуда: слева совершенно отвесные скалы. Только каким-то чудом, вернее, благодаря выдержке и умению моториста Этивекета, нам удалось дотянуть до относительно спокойной бухты Кенишхун, что у самого мыса Сердце-Камень.

Здесь мы обсушились и в ожидании хорошей погоды занялись исследованием культурного слоя в обрыве с левой стороны лагуны Кенишхун, в которую впадает речка Черная.

А на другой день (30 июля), благополучно обогнув мыс, мы занялись археологическими разведками вокруг чукотского поселка Энурмино. Из нескольких обнаруженных древних стоянок наиболее интересная оказалась на месте старого Энурмино. Здесь на сравнительно невысоком (около 4—5-метров), подмытом морском берегу зачистили небольшой (протяжением в 5 метров) участок культурного слоя толщиной в 1,5 метра. И снова, помимо всего прочего, нашли наконечники от поворотных гарпунов типа Туле и Бирнирк.

Обширный, но, очевидно, поздний могильник, очень похожий на второй Чегитунский, в двух километрах к юго-западу от Энурминской полярной станции, построенной на руинах древнего эскимосского становища, был исследован только частично. Мы вскрыли только два захоронения.

Остров Идлиля. Нешкан

[1—7 августа]

Путь от мыса Сердце-Камень к Нешкану шел в основном мимо низких берегов, мало привлекательных в археологическом отношении. Наиболее интересным объектом был для нас остров Илитлен (Идлиля).

Это маленький скалистый островок, около 700 метров длиной и 500 метров шириной. Высота его 10,6 метра. Он находится в 9 километрах от ближайшего берега вблизи Нешкана. С его северной стороны на утесе расположен птичий базар. С южной стороны на косе раньше было моржовое лежбище.

По всему берегу восточной половины острова одна к другой лепятся древние землянки. Их руины представляют собой глубокие (до одного метра) округлые ямы разных диаметров (от 4 до 8 метров). Большая часть этих землянок, построенных из китовых костей и плавникового дерева, со стороны моря размыта прибоем. Мощный культурный слой (до 2 метров толщиной) прослеживается почти сплошным бордюром, окаймляющим поверху восточную половину острова. Осыпи этого культурного слоя местами спускаются до самой подошвы острова.

Надвигающийся с моря туман не позволил нам долго задержаться здесь. Из основания культурного слоя на северном берегу острова, где

находятся развалины землянок, были извлечены обломки толстостенной глиняной посуды, обломок поворотного гарпуна бирнирского или пунукского типа, черешковый наконечник копья из кремнистого сланца и несколько поделок из шифера и моржового клыка.

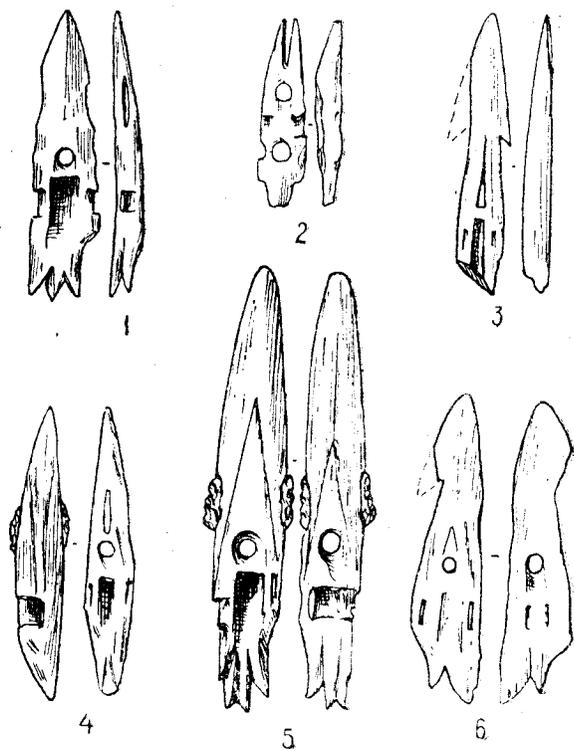
На юго-западном краю острова находится небольшой могильник из двух более определенных каменных оградок обычной двухметровой длины и отдельных торчащих из земли каменных плит.

В одной из таких оградок, ориентированных головной частью на северо-восток, под деревом и глыбами камня найдены два шлифовальных камня и обломок сланцевого наконечника копья. От человеческого скелета сохранились только истлевшие бедренные кости в юго-западной половине могилы.

От устья реки Неттевээм до Нешкана и мыса Дженретлен вдоль берега моря длинной однообразной полосой протянулись песчаные косы. По мере нашего продвижения на вельботе на северо-восток сначала кое-где, а затем все чаще стали встречаться на этих косах песчаные бугры с провалом посередине. Возле них валялись черепки глиняной посуды и различные поделки из моржового клыка. Вблизи Нешкана и дальше до мыса Дженретлен цепочки таких бугров на месте бывших землянок морских зверобоев стали попадаться особенно часто. Мы имели возможность довольно детально исследовать один из таких бугров в 1,5—2 километрах к северо-западу от Нешкана. На этом бугре сейчас находится современное кладбище.

Исследованный нами округлый бугор имеет в длину (с востока на запад) 70 метров и ширину (с юга на север) 50 метров, высота его 4,5 метра от подошвы и 6 метров от уровня моря. В двух метрах от него возвышаются на один метр останцы выветривания, а в восточной части имеется впадина. На глубине 1—1,3 метра почти всюду на обнажениях, выдутых ветром, прослеживается углистая прослойка, а на 0,4—0,5 метра глубже заметна и вторая такая же прослойка. С западной стороны бугор сильно разрушен ветром, на выдувах нам попадалось довольно много различных древних вещей: маленький наконечник гарпуна бирнирского типа и большой китовый, обломки грубой глиняной посуды, обломки шлифованных сланцевых ножей и скребков, обломок кирки, проколка и другие поделки из моржового клыка.

Раскопки мы предпринимали именно с этой, западной стороны бугра, где культурный слой был наиболее обнажен. Здесь была вскрыта полоса культурного слоя длиной 10 метров вдоль обнажения и шириной от 3 до 5 метров — всего 35 квадратных метров. В северной части раскопа под толщей чистого песка были обнаружены бревна крыши жилища, под ними слой твердого песка (0,4—0,5 метра), под которым сохранилось большое скопление бревен рухнувшего перекрытия и остатки трех вертикальных опорных столбов жилища. Два крайних бревна под прямым углом друг к другу вместе с вертикально поставленными китовыми

Р и с. 99. Поворотные наконечники гарпунов из Дженретлена (1, 2), Экичурверема (3), Нешкана (4, 6) и Ванкарема (5).

челюстями составляют определенную конструкцию, вероятно, это остатки нар. Ясно, что здесь была землянка, построенная преимущественно из бревен (плавник) и лишь в незначительной степени с применением китовых костей. Ее северная и западная стены были полностью разрушены выветриванием. Характер находок, прежде всего обнаруженных в культурном слое в центре раскопа (обломки двух бирнирских наконечников гарпунов), позволяет датировать данный памятник средним периодом древней эскимосской культуры (конец I и начало II тысячелетия н. э.).

В десяти метрах к востоку от северо-восточного угла описанного выше раскопа была произведена расчистка обнажения, по которому отчетливо виден поперечный срез землянки, точнее, очага из пережженных камней, костей и керамики, пережженного подочажного песка и двух вертикальных столбов по обе стороны очага, отстоящих на 3,5 метра друг от друга. Сверху все это перекрыто толщей песка с мелкими угольками

(заполнение разрушенной землянки). Между раскопом и этим резервом — яма (диаметром около 4 метров) с узким выходом из нее в сторону обрыва. По сторонам этого узкого выхода две врытые на ребро китовые кости.

Мыс Дженретлен

(8—10 августа)

Здесь было исследовано три древних поселка: 1) на косе в 2,5 километрах западнее мыса; 2) на высоком обрывистом берегу, возвышающемся над этой косой (в двух километрах западнее мыса) и 3) на самом мысу, вблизи маяка.

Первый поселок, самый поздний, сохранился в виде цепочки бугров (землянок), подобных нешканским. Здесь на песчаных выдувах нередко встречаются обнажения культурного слоя и всевозможные изделия из моржового клыка, кости и камня — все поздних типов. Обнаруженные здесь наконечники поворотных гарпунов относятся к пунукскому типу.

Второй комплекс землянок, расположенных на бугре над обрывом 8—10-метровой террасы, значительно древнее первого и по характеру находок тяготеет к бирнирскому времени. Общая площадь бугра с пятью впадинами на месте бывших землянок 30×2 метра. Нами был заложен и доведен до мерзлоты (на глубину 0,7 метра) раскоп в сорок квадратных метров на месте одной впадины с северной стороны бугра. С северо-восточного края раскопа со стороны обрыва обнаружены следы очага в виде большой (до двух метров в поперечнике) линзы подочажной оранжевой глины, обгорелых камней, костей и обрывков китового уса. А рядом с ними были клочья шерсти белого медведя и обломок гарпуна бирнирского типа (на глубине 0,7 метра). Найдены также два наконечника от стрел из кремнистого сланца, каменный отбойник, каменные отщепы и шиферные ножи. Кроме того, здесь были костяные блоки от упряжки (вероятно, оленьей), пряжка от пояса и обломки разных поделок из моржового клыка. Интересно, что наряду с костями морского зверя в культурном слое оказалось немало и оленьих костей.

Остатки третьего древнего поселка, находящегося непосредственно на мысу, представляют собою более шести впадин с поперечником в 6—7 метров. Остальные землянки разрушены, их культурный слой до 1,5 метра толщиной хорошо виден по верхнему краю каменистого обрыва (высотой в 10 метров). После зачистки культурного слоя, кроме костей морзверя (моржа, нерпы, кита) и различных поделок из камня, кости и моржового клыка, нашли наконечник гарпуна и костяные стрелодержатели древнеберингоморских типов, а также кремневую фигурку рыбы. Эти находки свидетельствуют о весьма глубокой древности поселка.

**Древние землянки на косе Беляка. Нутепельмен.
Как мы встретили День археолога.
Разведка Колючинской губы. Анаян. В ледовой блокаде**

(8—10 августа)

От мыса Дженретлен мимо покинутого чукотского поселка Тойгунен мы благополучно дошли до косы Беляка, что находится справа у выхода из Колючинской губы.

На косе много заброшенных более или менее древних землянок, цепочка их руин тянется к юго-западу от маяка вдоль Колючинского пролива. Они прямоугольной формы с поперечником в пять-шесть метров, коридорообразными входами с восточной или с южной стороны. Их развалины имеют вид впадин до 0,5 метра глубиной, окруженных невысоким валом. Шурфовкой одной из них до слоя мерзлоты из глубины 30 сантиметров взяты для радиоуглеродного определения возраста дерево, угли, китовый ус.

Примерно в 500 метрах к востоку от берега пролива и на таком же расстоянии к югу от маяка находится вторая группа развалившихся древних землянок (всего их пять) в виде высоких бугров (от 2 до 3 метров высотой и 10—15 метров в поперечнике). Посреди них имеется по две-четыре впадины, которые, должно быть, соответствуют тесно соединенным между собою землянкам.

В одном, самом большом (14×14 метров) кургане (№ 3), трехметровой высоты, в западной его впадине был заложен шурф 4×3 метра на глубину 0,6 метра, до мерзлоты. На дне его нашли бревна перекрытия, лежащие крест-накрест, китовые кости, обломки глиняной посуды и каменные скребки, ножи, обломки оленьих рогов.

Поздно вечером 11 августа мы пересекли горло Колючинской губы и пристали к Нутепельменскому берегу. Запаслись здесь бензином, удовольствием, в частности моржовым мясом, взяли хорошего проводника (отца Келекута) и, оставив на время у родных Келекута-младшего, спешно покинули гостеприимный чукотский поселок Нутепельмен. Мы снова возвращались к Колючинской губе.

Переночевав у входа в губу на косе Беляка, мы погрузились в вельбот и взяли курс на мыс Анаян. Там рассчитывали найти древний поселок.

Погода нам не благоприятствовала. 100 километров до мыса Анаян были для нас сущей пыткой. Штормило. Захлестывало. Стыли ноги. К тому же, не переставая, лил дождь, и мы промокли до нитки. А кругом вода, вода и никаких признаков берега.

Только поздно вечером, когда уже совсем стемнело, приткнулись к высокому, пальцем выдающемуся поперек губы мысу. Здесь когда-то был чукотский поселок Анаян, покинутый уже в годы советской власти, но мы надеялись найти что-нибудь и подревнее.

Весь следующий день был посвящен разведке. Ею занялся я. Остальные отсиживались в палатке и сушили одежду.

Древние землянки были найдены на низком перешейке мыса. Здесь был заложен шурф, извлечены дерево для радиоуглеродной датировки и каменный скребок. И снова в путь обратно к косе Беляка, пока выход из губы не забило льдом.

Нешадно хлестал дождь. Зуб не попадал на зуб от стужи, а ноги немели от мороза. Штормило. Северный ветер гнал к побережью массу льда. Выход из губы нам преградил сплошной лед, и пришлось высаживаться на косу Беляка. Быть может, это спасло нас от дальнейших мучений, но мы не очень радовались, оказавшись в ледяной ловушке.

Это случилось 15 августа, когда археологи нашей страны празднуют День археолога, еще не отмеченный в календаре.

Последующие три дня исследовали древние землянки и наблюдали за передвижением льдов. Наш наблюдательный пункт был устроен весьма удобно — на маяке.

Наконец, проход среди льдов был обнаружен. Расталкивая льдины баграми и веслами, мы хотя и с немалым трудом, но благополучно пробились к островам Серых Гусей (на противоположной стороне губы), а затем и к Нутепельмену.

Остров Колючин. Путь к Ванкарему

Прежде чем двигаться дальше на северо-запад, надо было добраться до острова Колючин.

Казалось, этот остров совсем рядом, всего в 12 километрах от берега, но льды и здесь преградили нам путь. На мой вопрос, откроется ли и когда водный путь до острова, чукчи-охотники неизменно отвечали неопределенно: «Ко-о!» Но я все же не терял надежды, что подует южный ветер. И все-таки на легкой чукотской байдаре нам удалось обойти льды и побывать на двух концах острова: на северном, где находится полярная станция, и на южном — на косе. Именно в этих наиболее удобных для жизни местах сосредоточены древности острова. И теперь в археологическом отношении загадкой он больше не является.

Этот небольшой остров (длиной в 4 километра, шириной в 2 километра и высотой в 183 метра) морские охотники облюбовали очень давно, еще с древнеберингоморского времени. И вполне понятно. На северной обрывистой стороне его до сих пор существует большое лежище моржей.

Их грозный рык мне довелось слышать во время рекогносцировочного похода по северной гористой части острова. Неоднократно видел я их в море на льдинах возле острова, когда вместе с охотниками выходил на байдаре в пролив.

На северном конце острова, высота которого здесь 15 метров, на территории полярной станции имеется большое количество развалин древних жилищ. В одном из них, в 50 метрах к югу от дома полярной станции и в 75 метрах от западного края острова, при строительных работах на глубине 50—60 сантиметров была найдена разломанная на три части, украшенная древнеберингоморской гравировкой копьёметалка из моржового клыка. Нами была найдена и кирка из моржового клыка и взяты образцы (дерева, китового уса) для радиоуглеродного определения. Форма и размер этих жилищ неопределимы на глаз без раскопок. Время их сравняло настолько с окружающей поверхностью, что древнее поселение выглядит как один сплошной культурный слой.

Мы сделали зачистку культурного слоя, вернее, его осыпи, на западном склоне острова на высоте пяти-шести метров от уровня моря. Обнажив от дерна до мерзлоты (на глубину 0,5 метра) участок склона площадью 5×2 метра возле угольного подъемника, нашли каменное тесло, обломки шиферных ножей, каменные скребки, пещни и просто обрубки моржового клыка, обломки толстостенной глиняной посуды.

Р и с. 100. Пробиваемся через льды.

В 350 метрах от «полярки», на юго-восток от нее, значительно выше по склону сопки Любви, я обнаружил могильник, состоящий из 10 каменных курганов, поперечником от 2 до 4 метров, высотой около 0,5 метра, с провалом посредине. Сильные дожди, ледяная блокада острова не позволили начать раскопки. Через узкий проход во льдах мы прорывались к Нутепельмену, иначе могли застрять на острове до установления зимнего нартового пути.

Однако на обратном пути с острова мы все же сумели пристать к его южной оконечности и исследовать развалины двух огромных землянок, имеющихся на косе. При шурфовке одной из них (№ 1) диаметром 25 метров найдены обломки толстостенной глиняной посуды, в шурфе второй землянки (диаметром в 30 метров) на глубине около 30—40 сантиметров на мерзлоте обнаружены наконечник стрелы, обломки шиферных ножей, скребло из кремнистого сланца, каменный молот, пещня и колотушка из моржового клыка, колок от поворотного гарпуна.

...Август уже был на исходе, а мы все не могли выбраться к Ванкарему. Ничем не примечательный в археологическом отношении Нутепельмен держал нас уже вторую неделю. В один из дней мы почти вырвались из ледяной блокады, продвинувшись по лагуне в сторону Ванкарема на два-три километра. Но льды вновь преградили нам путь, и мы вынуждены были возвратиться обратно. Там мы встретились с другой экспедицией нашего института, возглавляемой мерзлотоведом Гасановым. Она тоже безуспешно пробивала себе дорогу сквозь ледяную преграду.

Отряд наш между тем сократился. У Эдика Гунченко разболелись зубы, и я отправил его и коллекции самолетом в Магадан.

...Только 28 августа ранним утром подул южак, и по образовавшемуся во льду проходу мы отправились в Ванкарем. Шли курсом к Ванкаремскому мысу, оставив слева большой залив. И когда вельбот оказался в открытом море среди бесчисленных льдин, неожиданно надвинулся густой туман. Видимость не превышала 10—15 метров, и мы потеряли из виду берег. Выручил компас. Озябшие, но счастливые, в Ванкарем добрались вечером.

В этом поселке нам особенно повезло на находки. Здесь, на мысу, было сразу четыре древних становища и могильник. Тут нам снова попался «крылатый предмет», на этот раз позднего типа, вырождающейся формы. Разлетом крыльев он немного напоминал трезубцы следующего, так называемого пунукского периода эскимосской истории, и в таком виде, конечно, скорее мог быть навершием древка, даже головкой гарпуна, но не той деталью байдары, за которую ее принимает Д. А. Сергеев.

В Ванкареме я бывал много раз и задерживаться долго здесь не намеревался. Поэтому начали одновременно раскапывать землянки и могилы на мысе. Одновременно готовились в дальнейший путь. Те-

перь уже было ясно, что к устью Амгуэмы пойдем не на вельботе, а на тракторе.

Об этом необычном и весьма успешном тракторном маршруте по тундре рассказано в первой части книги.

Этивекет и Этикимоль на вельботе ушли в обратный путь к Уэлену. Но добрались они только до Нутепельмена. Дальнейший путь был прегражден льдами. И они возвратились в родной поселок самолетом.

...Итак, «белое пятно» на побережье Чукотки было стерто. Мы нашли там более сорока новых археологических памятников и в том числе 14 древних могильников. Стало очевидным и распространение древнеберингоморской и более поздней — бирнирской культур эскимосов далеко на запад от Берингова пролива. Обнаруженные могильники дали новые обширные палеоантропологические и археологические материалы к решению эскимосской проблемы. Мы накопили богатый опыт обнаружения древних эскимосских поселений и кладбищ.

Исследование древнеэскимосских могильников на мысе Чини и у горы Энмынытнын в 1965 году

После успешной разведки 1963 года оставалось раскопать какой-нибудь из уже найденных могильников. А еще лучше — два или три. Раскопать полностью и детально. И мы избрали три рядом расположенных кладбища. Они находятся на берегу Берингова пролива между поселками Нуямо и Наукан. Это первый и второй Энмынытнынские могильники и так называемый Чинийский.

15 июля экспедиция стартовала в Магадане. На другой день вместе с ее участницей Тamarой Митрофановной Диковой я посетил Анадырский музей. А еще через день наши палатки были поставлены в Providения. Дружный коллектив экспедиции рвался к мысу Чини. Но погода и на этот раз препятствовала нашему продвижению к намеченной цели.

Несколько дней мы томились ожиданием. Наконец мне и Д. Д. Власенко представилась возможность выехать совсем налегке в Лаврентия. Остальные вместе со всем снаряжением (палатками, спальными мешками и прочим) должны были дожидаться транспорта в Providения. Таким образом, экспедиция неожиданно раскололась на две части.

В Лаврентия мы с Д. Д. Власенко долго не задержались. Купили в магазине ножи, одеяло, несколько оленьих шкур, посуду, продовольствие, раздобыли лопаты и старый брезент вместо палатки, сели в попутный вельбот и через три часа высадились на мыс Чини. Со мной и Д. Д. Власенко были еще школьники Миша Зеленский и Володя Герасимов.

День был чудесный, безоблачный. И даже сильный ветер работе не помеха, если ты наконец на желанном могильном холме.

Рис. 101. Чинийский могильник.

Пока Дмитрий Давыдович с ребятами разбивали палатку и готовили обед, я обмерил могильничек и продумал план работ. Трудно передать, какое испытываешь удовольствие, когда расхаживаешь по совсем гладкому плоскому бугру, скрывающему много интересного и загадочного. Выступающие кое-где края плит могильных оградок говорили об археологической ценности этого древнего некрополя.

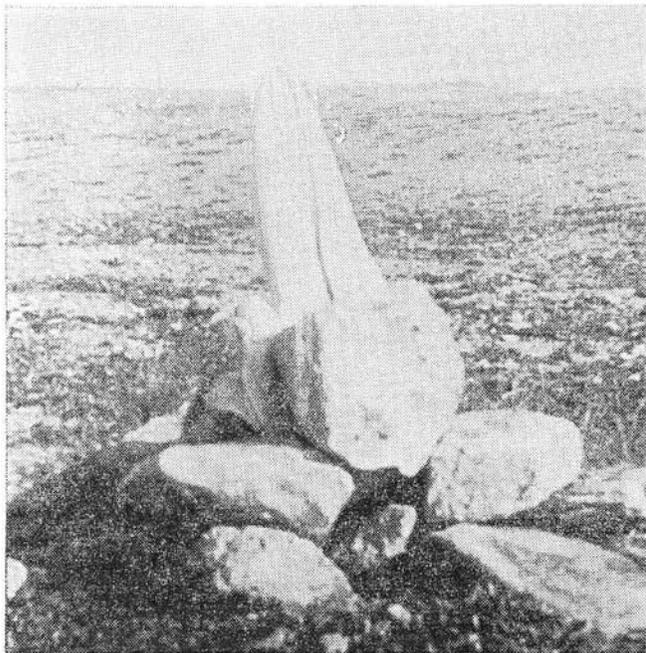
Посредине кладбища был водружен только один памятник — череп косатки: весьма почитаемого морскими охотниками Чукотки хищного китообразного. Да и как не чтить косатку. Эта хищница нередко нападает на кита и вынуждает его в поисках убежища выбрасываться на берег, где он становится легкой добычей охотника. Череп косатки был поставлен на затылок и укреплен камнями снизу.

После обеда все вышли на раскопки. Раскопали почти четыре могилы. Но они оказались довольно бедными. Только одна таила в себе уникальную находку. Эта могила (№ 2 по начатой нами нумерации) своим устройством оказалась весьма оригинальной. Стены были выложены вертикально поставленными каменными плитами так, что получилось подобие открытого сверху ящика глубиной 55, длиной 190 и шириной 75 сантиметров. Продольной осью могильная яма ориентирована с юга на север, сверху перекрыта двумя китовыми ребрами, положенными вдоль.

Покойник при захоронении был обернут шкурами, от которых сохранилась плотная, коричневого цвета масса с волокнами ворса. От скелета остались плохо сохранившийся череп и трубчатые кости ног. Судя по положению останков, покойник был уложен на спину. Справа у северной стенки могилы стоял небольшой круглодонный, с прямым венчиком сосуд из глины с примесью мелкого морского песка. Обжиг слабый. При соприкосновении с воздухом пропитанные влагой стенки сосуда рассыпались. Вещи в могиле располагались тремя группами.

Одна группа, обнаруженная вдоль левой руки, состояла из восьми шиферных резцов различной величины, кремневой проколки, обитого миниатюрного ножа из сланца, обитого сланцевого топора.

Вторая группа вещей найдена у восточной стенки могилы, приблизительно около таза погребенного. Здесь были орудия из моржового клы-

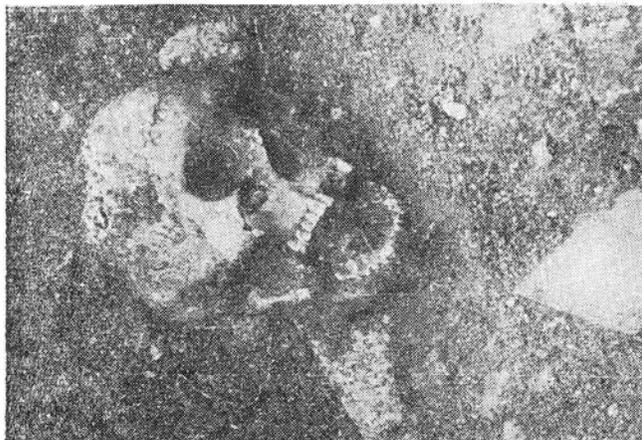

Р и с. 102. Череп косатки на чинийском могильном поле.

Р и с. 103. Резной мор-
жовый клык из могилы
№ 2 Чинийского клад-
бища.

Р и с. 104. Деталь чинийского погребения № 71.

ка: шило, два орнаментированных наконечника поворотных гарпунов. Все они сохранились плохо.

Возле левого бедра лежали большой листовидный шиферный нож с пятью отверстиями и два маленьких, без отверстий. Здесь же находился моржовый клык, искусно украшенный древнеберингоморскими узорами. Эта находка, в высшей степени художественная и оригинальная, вызвала всеобщее восхищение и настроила на поиски в этом могильнике чего-то очень значительного. В сырой могильной земле клык сильно подпортился, но и то, что сохранилось, давало яркое представление о таланте и самобытности первобытного мастера, его поразительном композиционном умении сделать сравнительно небольшое художественное изделие столь многоликим и емким по содержанию, совсем не перегруженным деталями и очень выразительным.

Назначение этой вещи не совсем ясно. Скорее всего, это был амулет, носимый на ремне. Для крепления в клыке вырезано небольшое отверстие.

Интересно и то, что художественный стиль этого произведения и узоров на наконечниках гарпунов из той же могилы ясно выраженный древнеберингоморский, то есть один из самых древних на Чукотке.

Подтвердится ли в дальнейшем этот возраст могильника? Пока по находкам первого дня об этом судить еще было рано.

Ночевка проходила беспокойно: палатка стояла на свежей медвежьей тропе. На всякий случай Дмитрий Давыдович соорудил у палатки «вечный» костер из двух уложенных рядом бревен.

На другой день начали раскапывать еще четыре могилы, но работу не закончили: помешал начавшийся к вечеру дождь.

Началось ненастье, заметно похолодало, в море бушевал шторм. Но все же на следующий день, 23 июля, работы продолжали, несмотря на морозящий дождь. Снимали поверхностный слой могильников на мысах возле горы Энмынытнын. Страшно устали и промокли.

С утра из палатки перешли в полуразвалившуюся охотничью избушку и оборудовали это ветхое дощатое сооружение. Засыпали земляной пол чистым песком, заделали щели, но поставить очаг не удалось: лучше холод, чем дым.

Спали в своем новом жилище в мокрой одежде под сырими заскорузлыми оленьими шкурами. Было нестерпимо холодно.

24 июля шторм продолжался, дул южный ветер. Раскопки продолжали, хотя и промокли насквозь. Не во что переодеться, негде сушить одежду. Настроение заметно упало. Экономим продукты. Когда же будет летная погода? Когда же к нам присоединится вторая половина экспедиции с нашими палатками, спальными мешками, одеждой, съестными припасами?!

Я предложил устроить из старого брезента навес над костром. Так и сделали, кое-как просушили одежду.

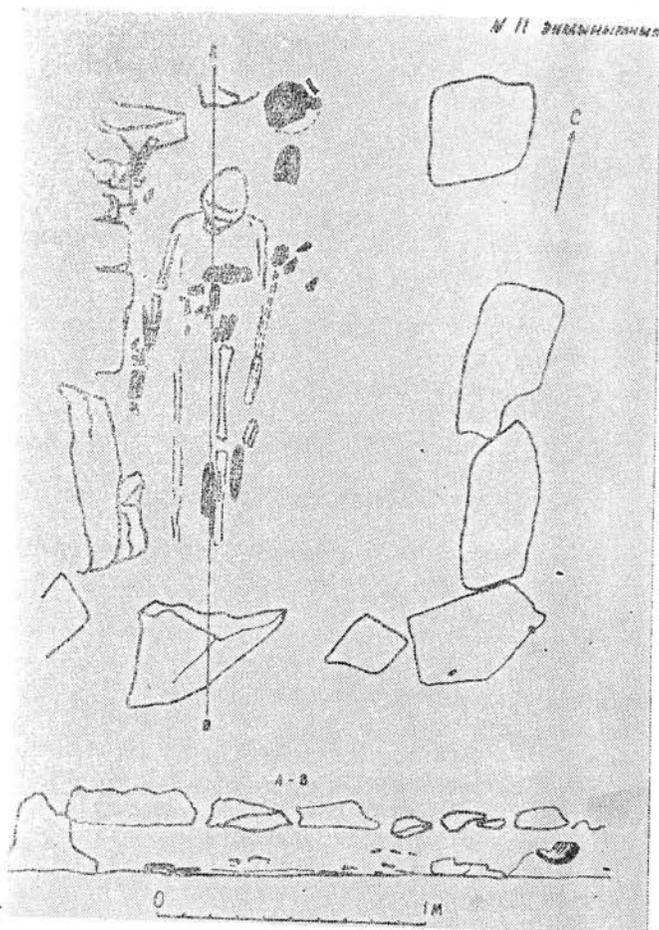

Рис. 105. Эммынытнын-ское захоронение № 11.

25 июля с утра дождя почти не было, потом совсем перестал. Раскапывали могилы и жилище в виде яранги, обнаруженное на краю могильника. В полдень задул долгожданный северный ветер. Но шторм продолжался. Съели последний хлеб. Поздно вечером я отправился через сопки в Нуныамо за продуктами и новостями. В поселок пришел утром, к началу рабочего дня.

26 июля для меня было счастливым днем. Еще утром я узнал, что вторая половина нашей экспедиции прибыла в Лаврентия. Без промедления поехал туда на попутном вельботе. Встреча на берегу была радостной и шумной. Сборы были недолгими. Мы быстро получили все необходимое, пополнили свой отряд еще двумя школьниками — Вадимом Обозиным и Сашей Одеговым — и уже к вечеру перебрались в Нуныамо.

В тот же вечер, несмотря на небольшой шторм, наш перегруженный вельбот благополучно пристал к Чинийскому берегу.

Быстро разгрузились, поставили несколько палаток, и началась напряженная, без меры времени, работа. Благо наступил полярный день и работать можно даже ночью.

Не давало мне покоя весьма загадочное обстоятельство: почему все раскопанные до сих пор на мысе Чини погребения ориентированы головой на юг? Казалось бы, судя по стилю орнаментации некоторых изделий, могилы принадлежат древнеберингоморской культуре, и, следовательно, естественнее было бы ожидать здесь северную ориентировку могил. Быть может, это все-таки не древнеберингоморское кладбище, а какое-то другое.

Однако все последующие раскопки все более углубляли это парадоксальное несоответствие: мы все больше и больше находили вещей явно древнеберингоморского облика, а ориентировка всех погребений была только южной.

Во многих могилах находили исконно древнеберингоморские вещи — «крылатые предметы». Читателю уже известно, насколько они интригующе загадочны. Разумеется, мы стремились с максимальной точностью фиксировать их местоположение в могилах и отмечали все, даже самые мельчайшие детали и особенности в расположении других окружающих их вещей. В результате удалось установить интересную закономерность. Оказалось, что «крылатые предметы» действительно часто клались в могилы вместе с древками, на которые они были насажены. На противоположном же конце такого древка в нескольких случаях оказалось то, что называется археологами головкой поворотного гарпуна.

Так, в погребении № 17 под китовым ребром (в слое из разложившихся шкур) рядом с черепом погребенного лежали остатки «крылатого предмета». От его втулки прослеживались следы деревянного древка длиной в один метр с цилиндрической головкой из моржового клыка на противоположном конце. Так же, как и «крылатый предмет», она была мастерски орнаментирована древнеберингоморским «глазным» орнаментом. Весьма примечательно, что три поворотных гарпунных наконечника очень плохой сохранности (с двумя боковыми каменными вкладышами каждый) находились рядом с древком в области таза погребенного. Возле головы его лежала боком неглубокая толстостенная глиняная чаша с прямым венчиком. Судя по всему, это был жирник.

Несколько иную картину увидели на дне могилы № 38. Под китовыми лопатками в углах и вдоль краев могилы лежали симметрично две гарпунные головки из моржового клыка и, как всегда, щедро украшенные древнеберингоморской гравировкой. Два же «крылатых предмета», очевидно, соответствующих этим головкам, были брошены в противоположном конце могилы. Можно предположить, что они были сняты с рукоятей. Основная масса вещей была сложена в кучу рядом с одним

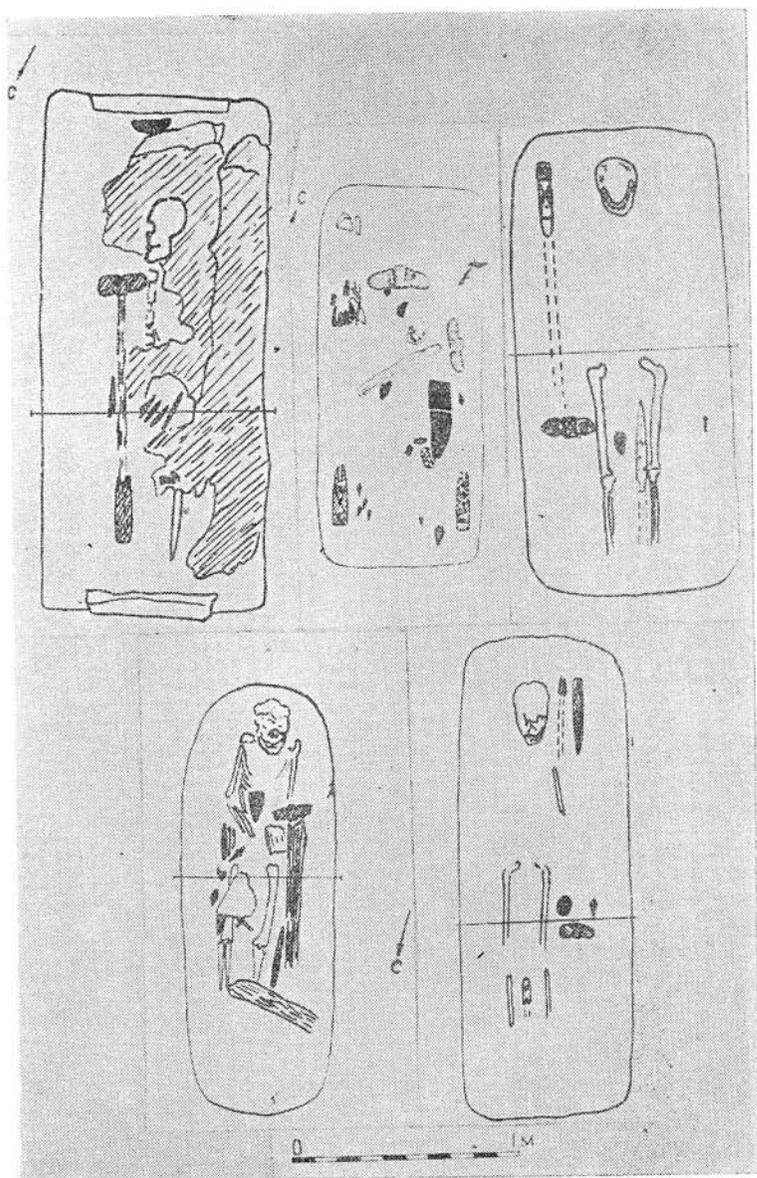

Рис. 106. Расположение «крылатых предметов» и связанных с ними головок-штулок в погребениях 17, 38, 62, 68, 97 (в большинстве могил «крылатые предметы» сохранились вместе с деревяшками).

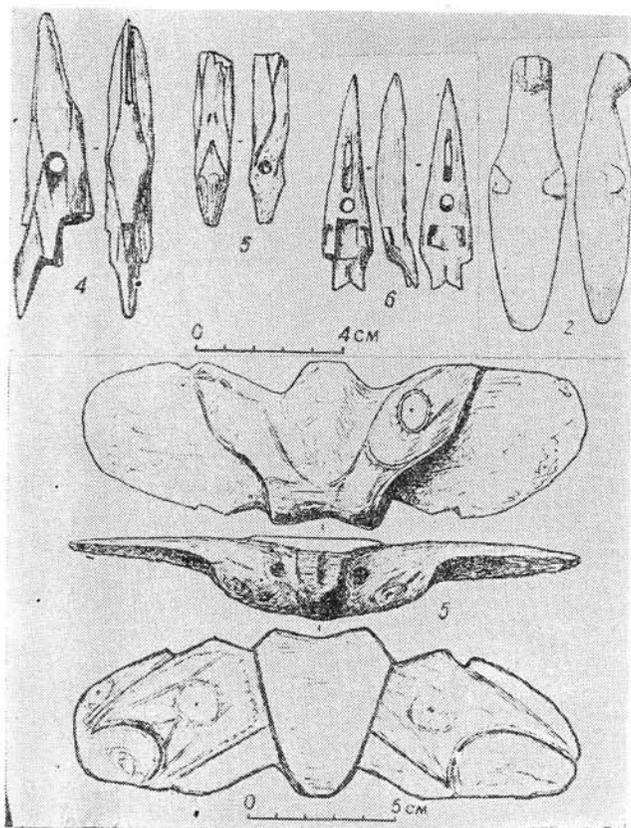

Рис. 107. Костяные вещи из могилы 38.

из «крылатых предметов». Там мы нашли два древнеберингоморских гарпунных наконечника, фигурку утки со сквозным отверстием, стилизованную скульптуру моржа, схематичную фигуру человека и много других вещей из кости. В середине этой выделяющейся обилием находок могилы лежал расколотый пополам огромный сланцевый нож. Судя по расположению, связь между «крылатыми предметами» и головками гарпунов нарушена, и вместе с тем чувствуется ее первоначальное наличие: «крылатые предметы» сняты с древков, гарпунные же наконечники опять лежат обособленно.

В могиле № 62, тщательно зачищенной и зарисованной Д. Д. Власенко, система («крылатый предмет» — древко — головка) выявлена *in situ* в ненарушенном виде. Головка конструкции, расположенной вдоль скелета с его правой стороны, находилась у черепа, «крылатый предмет» — у бедра. Связующее их деревянное древко длиной 90 сантиметров прослеживалось отчетливо. Заметим, что обладатель «крылатого предме-

та» лежал на спине головой на юго-восток, между его ногами находился наконечник из глинистого сланца. Он имел широкий черешок, грубо ретушированный с обеих сторон. Вдоль внутренней стороны левой ноги тянулся след другого деревянного древка, заканчивающийся большим костяным копьевидным наконечником очень плохой сохранности.

В могиле № 68 хорошо сохранившийся «крылатый предмет» лежал у левого сохранившегося локтя погребенного. Похоже, что и этот «крылатый предмет» был насажен на палку. Ее следы прослеживались под пластиной китового уса. Костяная головка находилась на противоположном конце у коленного сочленения скелета. Колок поворотного гарпуна, костяные и каменные острия, шиферный нож располагались вне связи с «крылатым предметом».

Наконец, в могиле № 97 были и «крылатый предмет», и втульчатая головка. Лежали они рядом с остатками скелета на одной линии так, что ясно угадывалось полностью истлевшее древко длиной около 90 сантиметров. Головка располагалась у черепа, «крылатый предмет» — у коленного сустава погребенного. Здесь нашли расплывшийся комок охры и шиферный наконечник с широким черешком. А между коленями видны были следы поворотного гарпуна. Рядом же со втульчатой головкой (ближе к черепу) обнаружили еще два шиферных наконечника с широкими черешками для насада. От них вниз отходили следы деревянных древков. Таким образом, и здесь выявлена обособленная система: «крылатый предмет» — древко — головка. Остальные вещи, в частности, гарпунные наконечники, как и во всех других могилах, к этой системе видимого отношения не имеют.

Итак, для разгадки назначения «крылатого предмета» впервые получены достоверные археологические данные. Да, это, конечно, навешенный древков, а не «замок» на носу каяка и тем более байдары. Во всяком случае в могилах мы находили «крылатые предметы», насаженными на палку, оканчивающуюся внизу головкой — длинной втулкой из моржового клыка. Это исключает возможность одновременного использования их для скрепления форштевня с боковыми планками байдары или каяка, как утверждает Д. А. Сергеев.

Вместе с тем конструкция самого «крылатого предмета» более приспособлена для прикрепления в переднем маленьком отверстии щели гарпунного наконечника посредством промежуточного колка. Такое предположение выдвинул в свое время И. П. Лавров. Однако он увеличил решение проблемы несколько в сторону утверждением о том, что «крылатый предмет» с наконечником гарпуна устанавливался на носу каяка, которым непосредственно таранили кита. Д. А. Сергеев подхватил эту «идею», развив только одну ее сторону: «крылатый предмет» — замок, скрепляющий форштевень с боковыми планками байдары. Интересно, что участник нашей экспедиции художник И. И. Гурин — опытный охотник и эвен по происхождению, настойчиво предлагал свою оригиналь-

ную версию: «крылатый предмет» служил передней головкой метательного гарпуна. Это очень правдоподобное предположение, оно удачно объединяет гипотезу И. П. Лаврова и археологически подтвержденный теперь факт соединения «крылатого предмета» с древком. То, что в таком положении «крылатые предметы» мы увидели в чинийских могилах, в какой-то мере подкрепляет также и очень старую гипотезу американского археолога Коллинза. Привлекая этнографические данные по гренландским эксхимосам, он полагал возможным считать эти загадочные предметы своеобразными утяжелителями метательных гарпунов, прикрепляемыми с задней стороны их древка. Отверстие-щель служила, по его мнению, не для укрепления гарпунного наконечника, а для того, чтобы зацепиться за него зубом копьеметалки. Это тоже весьма правдоподобное объяснение, если учесть, что среди древнеберингоморских древностей копьеметалки попадались нам и были известны ранее.

В таком случае, если прав Коллинз, наш гипотетический метательный снаряд бросали в зверя цилиндрической головкой-втулкой вперед. Именно к ней прикреплялся тогда гарпунный наконечник, а «крылатый предмет», укрепленный на противоположном конце древка, снабженный к тому же дополнительным оперением, служил для равновесия.

Единственным слабым местом всех этих гипотез, кроме гипотезы Д. А. Сергеева, которая должна быть отброшена целиком, является то, что в могилах, как мы только что убедились, гарпунные наконечники и колки всегда лежат в стороне от «крылатых предметов» и головок. Остается поэтому все еще какое-то основание предполагать, что мы имеем дело с применением «крылатых предметов» в качестве наверхий жезлов или посохов, возможно даже шаманских, подобных кетским шаманским жезлам-трезубцам. Разумеется, это не исключает возможность их использования, например, в качестве приспособления для метательного гарпуна. В таком случае они служили его головкой — втулкой. Дальнейшее развитие этих «крылатых предметов» в пунукские трезубцы привело к тому, что в них уже мало что осталось от тех деталей, которые могли иметь практический смысл. Хотя функционально они, вероятно, оставались теми же предметами.

Быстро шли дни в плодотворном напряженном труде... Однажды, когда на Чинийском могильнике скопилось много работы для фиксации, то есть для зачерчивания всех деталей вскрытых погребений и для их фотографирования, — а этим неумоимо занимался в экспедиции Д. Д. Власенко, — мы оставили его там одного, а сами в полном составе перешли на Энмынытнынский могильник, чтобы докопать его окончательно. И вот тут-то мы нашли еще два замечательных «крылатых предмета», позволяющих высказать новые соображения о смысле и назначении подобных изделий.

В могиле № 11, ориентированной, как и полагается для древнеберингоморской культуры, головной частью на север, «крылатый предмет» ле-

жал на груди покойника. Кроме многочисленных погребенных вместе с ним вещей, там были и три цилиндрические втульчатые головки с вильчатым пазом для насаживания на древко. Одна из них была в засыпке могилы (в ее северо-западном углу), две другие — вдоль берцовых костей ног. Одну из втульчатых головок можно рассматривать как насаженную на то же древко, на котором, возможно, был укреплен и «крылатый предмет».

Сам «крылатый предмет», так же, как и головки гарпунов, покрытый древнеберингоморской гравировкой, украшен совершенно уникальным барельефным изображением человеческого лица с широким расплывшимся носом, оскаленным в улыбке ртом. Лицо выполнено весьма реалистично и имеет несомненно эскимойдные черты.

Конечно, человеческое лицо на «крылатом предмете» — это неожиданность. Но вместе с тем и подтверждение моего ранее высказанного мнения, что многим «крылатым предметам» присуща некоторая антропоморфность.

Иногда в них можно усмотреть женский торс, иногда то же лицо, только до предела схематичное, составленное из элементов «глазного» орнамента. Так что после этой редкой находки снова сам собой и уже вполне определенно напрашивается вопрос: а не связаны ли «крылатые предметы» с культом предков, особенно в тех случаях, когда они использовались как ритуальные наверхия?

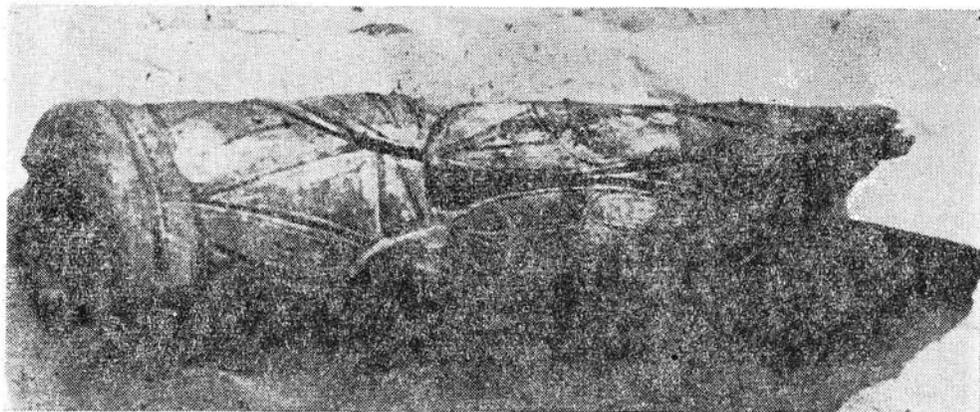
Второй «крылатый предмет» из соседней перекрытой китовыми ребрами могилы № 12 украшен обычным «глазным» орнаментом, но отличается оригинальностью конструкции. Его крылья с обеих сторон сплошь покрыты совершенно одинаковым узором и совсем плоские. Спереди каждое изделие украшено скульптурной головкой моржа, а с торцов открытая полость, функционально заменяющая, очевидно, глубокие выемки на концах крыльев у обычных изделий подобного рода.

Такая совершенно неожиданная конструкция еще раз свидетельствует о необоснованности гипотезы о применении «крылатых предметов» в качестве замка, скрепляющего нос байдары или каяка. К тому же и возле этого «крылатого предмета» на 45 сантиметров прослеживался след деревянной рукояти, а еще ниже — головка гарпуна с вильчатым насадом. Возле левого тазобедренного сустава была кучка каменных и костяных вещей, но без гарпунных наконечников.

Ни дожди, ни отвратительно холодные туманы не могли остудить энтузиазма участников экспедиции. Все время попадались очень интересные находки.

На Чинийском кладбище нам стали попадаться вырезанные из моржового клыка человеческие фигурки, чаще всего женские, и ни одной определенно мужской.

Самая выразительная из них с длинной косой и руками, сложенными на животе, лежала посреди маленькой, вероятно детской, очень акку-

Р и с. 108. Головка-втулка из могилы № 11 (Энмынытнын).

ратно вымощенной каменными плитами могилы № 90. Размер могилы всего 120×60 сантиметров. Рядом был шиферный нож и такой же наконечник, а ниже — плохо сохранившиеся костяные вещи: продолговатая плочка, корытообразный скребок, обломок тупого наконечника, два обломка гарпунных наконечников, рубчатая бусина, фигурки двух моржей, уточка со сквозным отверстием. В северном углу могилы лежали каменные наконечники, а в юго-восточном — толстостенный круглодонный неглубокий сосуд с прямым венчиком, очевидно, жирник, а также каменные скребки, ножи и резец. Кости погребенного не сохранились.

Другая, более плоская статуэтка с заостренной наверху головой оказалась в очень скудной вещами могиле № 55 (там были только два каменных наконечника от стрел).

В третьей, совсем пустой могиле № 60 обнаружена плохо сохранившаяся статуэтка. Это изображение человека до пояса с положенными на голову руками лежало лицом вниз, головой на юго-восток (левая рука отбита).

Своеобразна четвертая статуэтка с укороченными ногами из могилы № 71. Ее нашли рядом с хорошо сохранившимся скелетом и с довольно обильным, мужским по своему назначению, каменным инвентарем. Она лежала возле черепа вместе с каменным резцом в костяной рукоятке, топориком, проверткой, наконечником, скребками и шлифовальной плиткой сланца. Все это находилось на толстом слое охры. Сама статуэтка вырезана из моржового клыка длиной примерно 14 сантиметров, маленькие руки сложены на животе, ноги сжаты вместе и сохранились только до колен. На спине можно проследить одну длинную косу. Голова немного заострена.

Все эти человеческие изображения весьма своеобразны, последнее же (из могилы № 71) очень напоминает так называемые пеликены, выре-

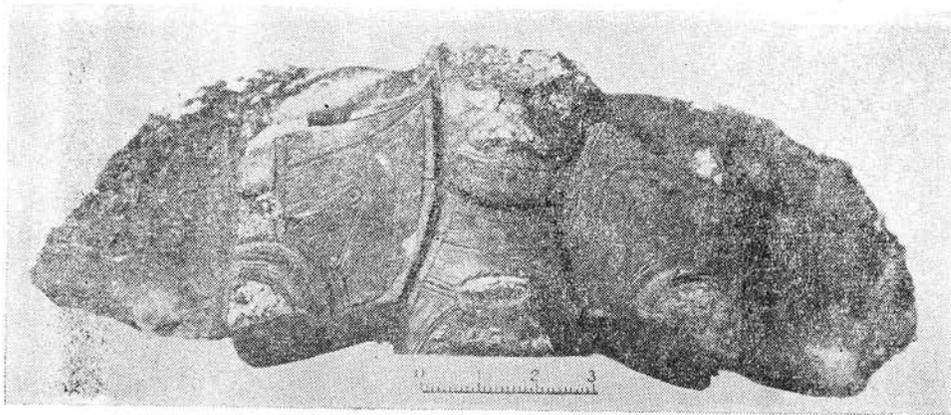

Рис. 109. «Крылатый предмет» из могилы № 11 (Энмынытнын).

заемые из моржового клыка современными эскимосами. Похоже, что это древнейший их прототип.

В общей сложности мы раскопали на Чинийском кладбище 101 захоронение с вещами древнеберингоморского облика. Только в одной необычно широкой могиле (№ 39), содержащей остатки двух скелетов вместе с гарпуном древнеберингоморского типа, оказались два керамических штампа в виде лопаток из моржового клыка с нарезным concentрическим узором явно бирнирксского типа.

Мы нашли много уникальных вещей, ранее неизвестных в погребальном древнеберингоморском инвентаре: салазки с полозьями из моржовых клыков (в могилах №№ 10 и 13), костяные изделия, инкрустированные графитом, много разнообразных резцов, топоров, ножей, скребков и т. п. Однако в целом Чинийское кладбище победнее, чем первое Энмынытнынское. Похоже, что здесь покоились преимущественно рядовые сородичи. Однако именно это кладбище наиболее интересно в историческом отношении. Судя по ориентировке погребенных (преимущественно, хотя и с небольшими отклонениями, на юг), оно, видимо, принадлежало одному из ранее нам совсем неизвестных древнеэскимосских племен Северо-Восточной Чукотки. Для этого загадочного племени характерным оказалось беспримерно массовое почитание женщины, хозяйки домашнего очага, о чем свидетельствуют, как мы видели, статуэтки женщин, искусно вырезанные из моржового клыка.

Возможно, эти же люди воздвигли вблизи могильника большие человекоподобного вида камни. Их силуэты очень эффектны, особенно на фоне вечернего неба. Как окаменевшие богатыри, они стоят на высоком склоне мыса. Конечно, они были предметом особого культа предков. Если учесть последнее исследование И. С. Гурвича, подобное толкование этих камней вполне оправдано. Культ камней антропоморфного ви-

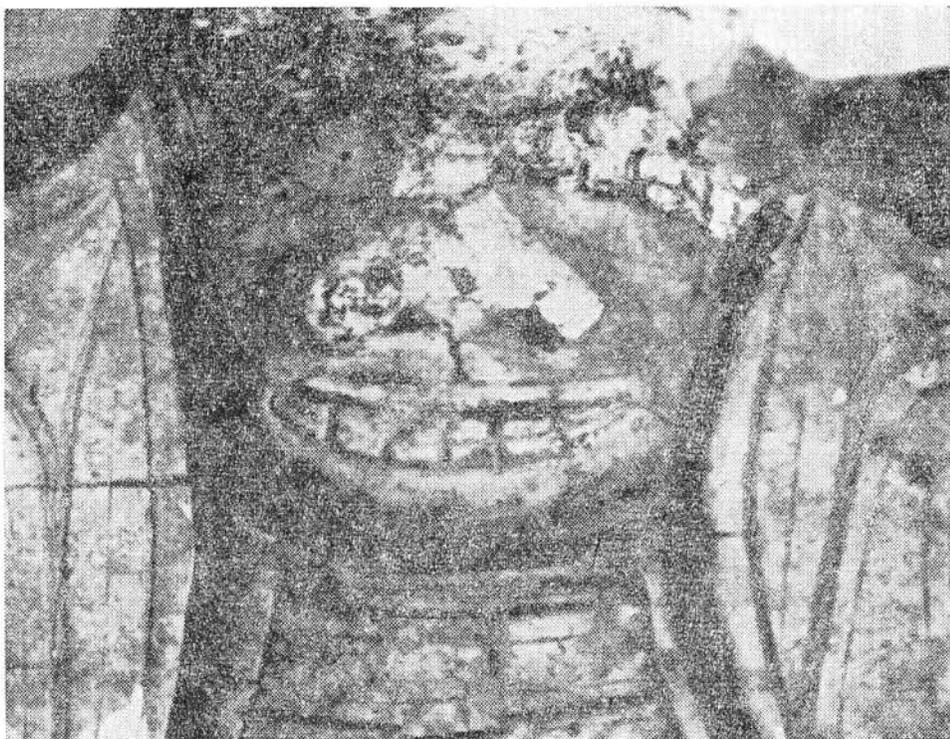
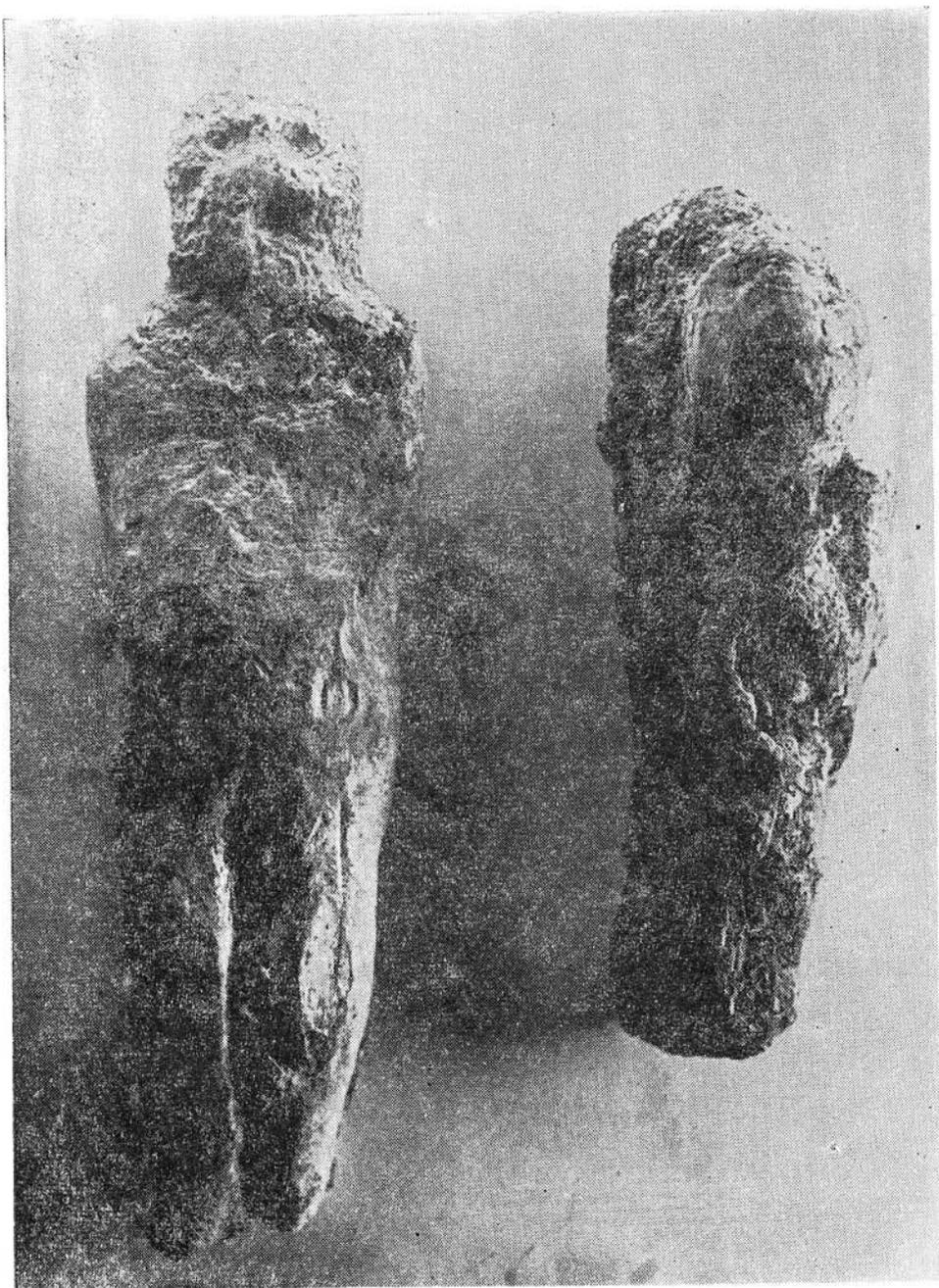

Рис. 110, 111. Средняя часть «крылатого предмета» из эминытнинской могилы № 11. Статуэтки из могил № 55 и 60 (Чини).

да широко распространен в тундровой зоне Евразии от Лапландии до Камчатки. В чем И. С. Гурвич, на наш взгляд, весьма верно отмечает две идеи: почитание камня или духа, заключенного в нем, как подателя диких оленей, или как вместилища духа предка. Учитывая условия местонахождения чинийских примитивных монументов, к ним более подходит именно последнее толкование.

Интересные находки вдохновляли коллектив экспедиции, хотя работы проводились в исключительно трудных условиях. Мы исследовали оба могильника в рекордно короткий срок до наступления осенних штормов.

Теперь мы могли отдохнуть, совершить несколько экскурсий на гору Эминыттын, к птичьему базару. Я еще раз побывал в Нунымо, договорился с нашим доброжелателем и другом председателем колхоза Федором Петровичем Липкиным о вельботе для эвакуации экспедиции.

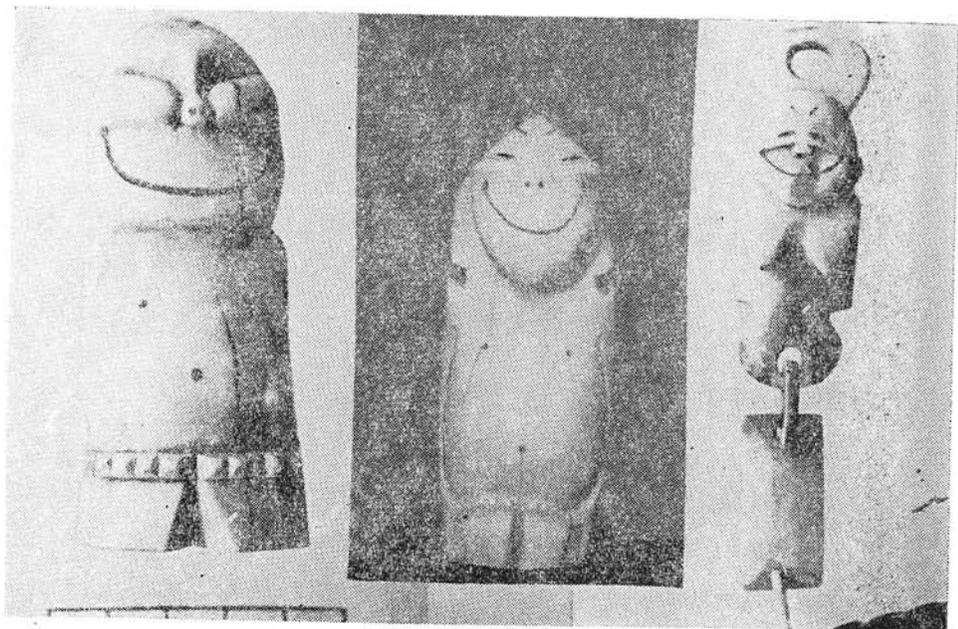

Рис. 112. Пеликены и пеликеноподобное изображение женщины, вырезанное из моржового клыка в начале XX в.

В ознаменование благополучного окончания полевых работ мы устроили прощальный костер. И именно в этот вечер нас почтил своим вниманием истинный хозяин этих мест, отпечатки лап которого — оригинальную визитную карточку — мы увидели здесь в день высадки на берег.

Это был вполне добропорядочный медведь. Он подошел весьма учтиво и остановился в нерешительности в полусотне метров от нас, у ручья. Моя жена махнула ему рукой, давая понять, что он пожаловал не совсем ко времени. Косолапый галантно развернулся и рысью устремился в тундру. Илья Гурин не мог удержаться от соблазна получить хороший кадр. Схватив фотоаппарат, он побежал вдоль склона солки, но снимок, к сожалению, так и не получился.

Когда-то мы теперь встретимся на Чини снова?

Эскимосская проблема в свете новых данных

В результате полевых работ, проведенных экспедицией в 1963 и 1965 годах на морском побережье Чукотки, мы получили много новых фактов. Из 14 открытых нами древних могильников и нескольких де-

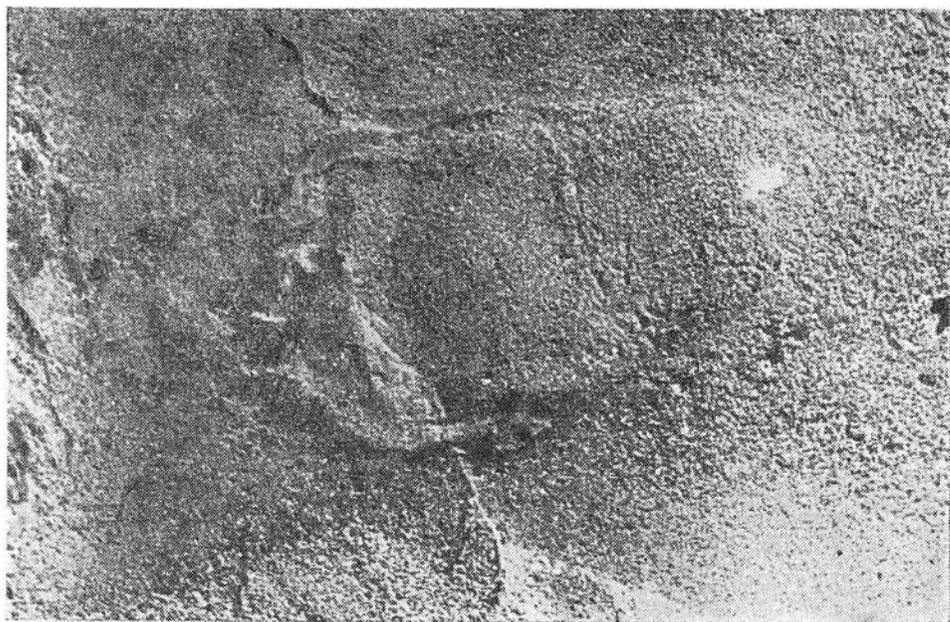

Рис. 113. «Автограф» хозяина.

сятков поселений некоторые были раскопаны полностью или частично. Теперь мы знаем о распространении эскимосского образа жизни на различных этапах значительно больше, чем до 1963 года.

Рассмотрим эскимосскую проблему в свете некоторых последних находок. Причем коснемся преимущественного распространения древней эскимосской культуры.

Разумеется, термин «древняя эскимосская культура» употребляется здесь в условном смысле, так как в действительности обозначаемая им культура в некоторых ее локальных проявлениях может оказаться вовсе не эскимосской по этнической принадлежности ее носителей.

На Аляске, например, в I тысячелетии до н. э. обитали зверобои, которые в отличие от усть-бельцев и дорсетцев не употребляли ножевидных пластин и тем самым нарушили древнюю неолитическую традицию. Здесь сначала, в первых веках I тысячелетия до н. э., распространяется культура Хорис, а затем Нортон и, наконец, Ипиутак. Эти палеоэскимосские культуры содержат явно локальные, не присущие ни восточным, ни западным палеоэскимосским культурам элементы. Причем особый интерес, с точки зрения своего происхождения, имеют среди них, на наш взгляд, нагубные украшения в виде так называемых лабреток. На их происхождение до сих пор не обращалось должного внимания.

Между тем, уже давно имелись весьма интересные факты, которые должны были привлечь внимание тех, кто занимался эскимосской проблемой.

Обычай носить лабретки (колюжины) еще недавно был распространен у эскимосов западной части Американской Арктики — от Берингова моря до реки Макензи, на Алеутских островах и на острове Святого Лаврентия. «Зубатых чукчей», то есть украшенных лабретками эскимосов, видел Дежнев во время своего плавания вокруг Каменного Носа на одном из островов в Беринговом проливе.

Одна лабретка была обнаружена японским археологом Накаямой на Курильском острове Шумшу (1946), другую нашли мы в 1963 году на северном берегу Чукотки при устье реки Иколиврунвеем — обе поздние, древность их всего несколько сот лет.

Подробное описание различных видов и способов ношения этих своеобразных украшений имеется в книге американского этнографа Мурдаха (1894) об эскимосах мыса Барроу. Лабретки американских эскимосов были нескольких типов, отличающихся друг от друга формой, размером. Обычно они были сделаны из камня или моржового клыка и имели шляпообразную форму до трех-пяти сантиметров в диаметре. Иногда они имели запонкообразную форму. В том или ином случае лабретки укреплялись в прорезях губы, причем вдевались либо по краям губ, либо посередине. В последнем случае носилась одна большая лабретка. Для продельвания и расширения отверстия в губах применялись особые лабреточные шпильки из камня и кости.

Указанный выше автор на основе личных наблюдений пришел к выводу, что лабретки носили только мужчины не моложе 14—15 лет. Ему удалось установить также, что владением лабреток и предоставлением права их носить в дальнейшем отмечался переход от юношеского возраста к возмужалости. Такой обычай заставляет вспомнить те церемонии, инициации, которые известны нам у многих первобытных народов Тихоокеанского бассейна, в частности у австралийцев и меланезийцев. Там они всегда сопровождались мучительными операциями, в результате которых остаются следы на всю жизнь.

Нам неизвестно, чтобы австралийцы и меланезийцы применяли при этом такие же лабретки, но известно, что они протыкали носовую перегородку и губы и любили украшать свое лицо различной величины палочками и проколками.

Наиболее древние лабреточные костяные шпильки были обнаружены Гиддингсом (Giddings, 1961) на Аляске в культуре Хорис (начало I тысячелетия до н. э.), сами же лабретки были найдены Ларсеном и Рейни (Larsen and Rainey, 1948) в более поздних ипиутакских могилах и землянках на мысе Хоп (конец I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э.). Эти находки сами по себе не давали еще возможности судить об их происхождении.

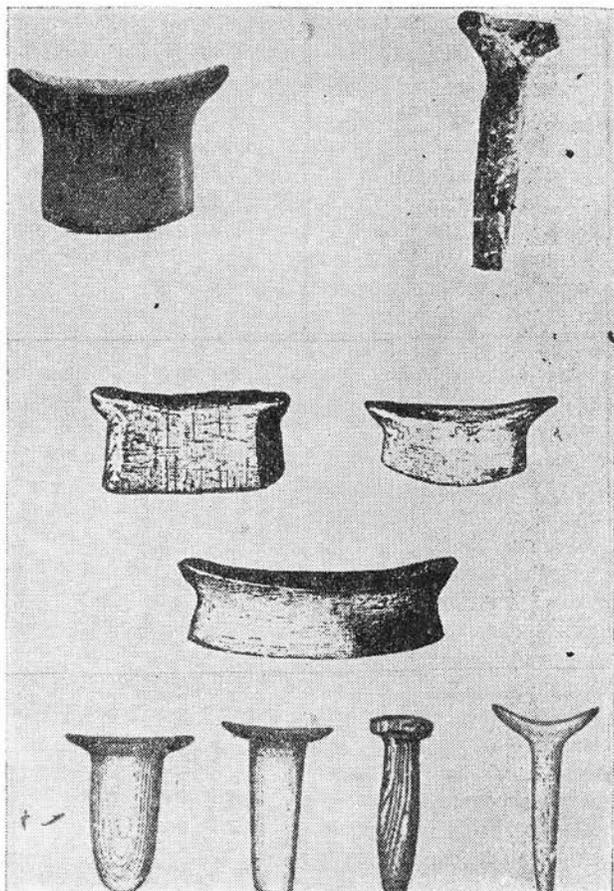

Рис. 114. Лабретки (Ушки, Застойчик, алеуты).

Вопрос о том, откуда они попали на Север в район Берингова пролива, стал проясняться только после наших разведок и раскопок в 1962 году на Камчатке. Эти специфические эскимосские и алеутские нагубные украшения (лабреточную шпильку и саму лабретку из камня) мы обнаружили в долине реки Камчатки на Застойчике и на Ушковском озере в слое с каменными вещами развитого неолита вместе с острообушковыми теслами и фигурными ножами. В свете этих неожиданных находок становятся понятными и те общие меланезийско-австралийские аналогии, о которых говорилось выше. Теперь очевидно, что обычай украшать себя лабретками принесен на Север с Юга, что еще до появления на Чукотке и в Американской Арктике эскимосского комплекса культуры этот его элемент бытовал уже на Камчатке и, вероятно, не только в ее центральной части, но и на самом ее юге, в районе ны-

нешнего Петропавловска, если учесть кремневый обломок, очень похожий на фрагмент лабретной шпильки из неолитического поселения в бухте Тарье, обнаруженный в 1932 году Шнеллем вместе с кремневой фигуркой. Затем этот обычай распространился на Алеутских островах, очевидно, у предков алеутов и от них перешел к эскимосам Аляски, не продвинувшись, однако, дальше реки Макензи.

Позднее, уже в начале I тысячелетия н. э. к эскимосам Берингова пролива с юга проникли и другие элементы культуры, в частности, криволинейный, так называемый древнеберингоморский орнамент, и так называемые «крылатые предметы». И то, и другое совершенно не распространяется дальше на восток по арктическому берегу Америки и очерчивает, надо полагать, особую этническую группу предков эскимосов, тяготеющую к Берингову проливу, то есть к наиболее обильному китам и другим морским зверем месту.

Не распространяются на восток дальше Западной Аляски и пунукские трезубцы, являющиеся дальнейшим развитием «крылатых предметов». Они принадлежат, очевидно, все той же этнической группе эскимосов, тяготеющей к Берингову проливу.

Из наличия такой устойчивой локальной традиции, продолжающейся и во II тысячелетии н. э. в трансформированном пунукском виде, можно сделать вывод, что эскимосы Канады и Гренландии отнюдь не переселились с берегов Берингова пролива, во всяком случае, в период после II тысячелетия до н. э. Они сами и их Дорсетская культура возникли на местной неолитической основе еще в I тысячелетии до н. э. или, как считает Честер Чард (1962), попали туда из Юго-Западной Аляски во II тысячелетии до н. э. в додревнеберингоморский период. В противном случае было бы непонятным, почему к ним не проникли ни лабретки, ни «крылатые предметы», ни древнеберингоморский орнамент — все эти столь устойчивые этнографические признаки. Поэтому пора, пожалуй, отказаться от широко распространенного убеждения, что район Берингова пролива с прилегающими к нему берегами и островами представлял «собой центр длительного развития и процветания специальной культуры морских зверобоев, распространившейся затем на громадных пространствах арктического побережья» (Меновщиков, 1959). Неоэскимосская культура не могла оттуда распространяться на восток далее Аляски. В настоящее время по обильным археологическим материалам прослеживаются не менее глубокие корни этой культуры в Канаде и в Гренландии.

Другое дело, экспансия этой неоэскимосской (начиная с древнеберингоморского этапа) культуры на северо-запад по побережью Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Нашей экспедицией в 1963 году получены вполне определенные данные, свидетельствующие о бытовании там и «крылатых предметов» (Ванкарем и Инчоун), и лабреток (Иколиврунвеем), и древнеберингоморского орнамента (остров Колю-

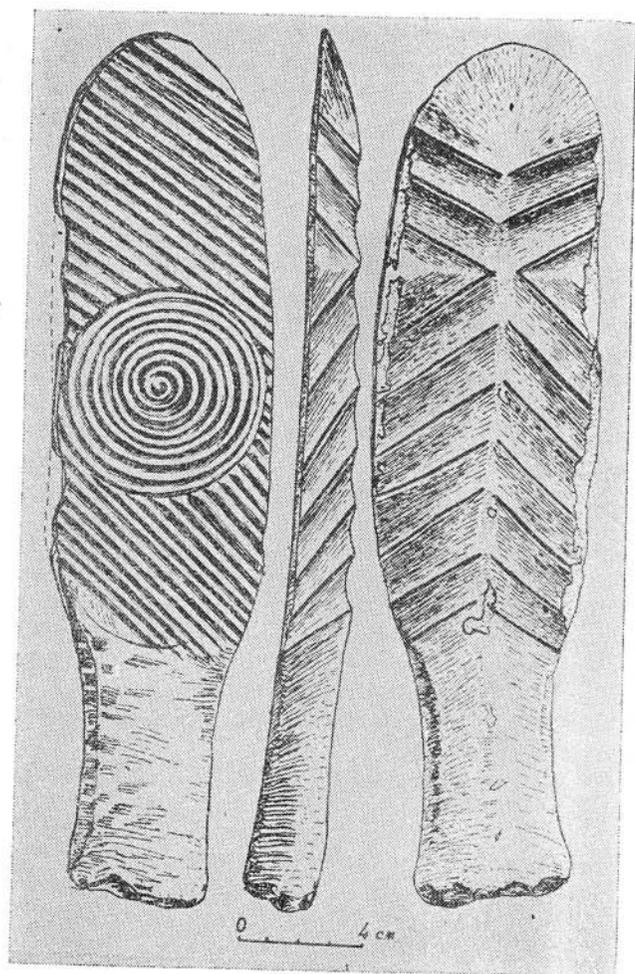

Рис. 115. Керамический штамп с бирингской орнаментацией (Иколиврунвеем).

чин, Сешан, Инчоун), и, наконец, типично древнеберингоморских типов поворотных гарпунов (Инчоун, Дженретлен, вторая речка вблизи Чегитуна). Большая часть всего этого оказалась в руинах сравнительно небольших землянок на мысовидных уступах довольно высоких террас. Были разысканы там и типично древнеберингоморские могильники с захоронениями в прямоугольных оградах из врытых на ребро каменных плит, с покойниками, уложенными на спину, с вытянутыми ногами и руками (Сешан, река Иколиврунвеем), подобные могильникам, исследованным нами на берегу Берингова пролива, на мысу Чини и у горы Энмынытныи (в 1963 и 1965 годах).

Могильники, открытые в Чегитуне, и целый ряд стоянок (в Чегитуне, Энурмино, Нешкане, Экичурвееме, Иколиврунвееме, Ванкареме) с оборотными гарпунами типа Бирнирк освещают следующий по времени этап развития эскимосской культуры на Чукотке. Он выявляется там до сих пор весьма туманно и оказывается, очевидно, более древним, чем пунокский на берингоморском побережье Чукотки. Напомним, что центром распространения этой бирнирской древнеэскимосской культуры является северный берег Аляски, район мыса Барроу. Эта культура расцветает там после ипиутакской и характеризуется охотой на мелких ластоногих и оленей, в отличие от древнеберингоморской и пунокской, связанных с охотой и на крупных морских животных: китов, моржей. Для нее характерны большие жилища, нередко на косах и террасах, более низких, чем под древнеберингоморскими поселениями. В могилах наряду с вытянутыми попадаются часто, как показали наши раскопки на Уэленском кладбище (Диков, 1967), и скорченные труположения. Глиняная посуда, судя по находкам штампов, украшалась богатой орнаментацией из концентрических кругов. Эта культура сосуществует на Чукотке и Аляске с древнеберингоморской и пунокской и, очевидно, соответствует еще одной этнической группе эскимосов.

Самые поздние, пунокские поселки и могильники оказались подвергнутыми сильному влиянию со стороны гренландско-канадской неоэскимосской культуры Туле. К таким поселкам относятся Чегитун, Экичурвеем, Ванкарем и другие (Диков, 1965).

О чем же говорят все приведенные выше новые данные по расселению эскимосов?

Они выявляют два основных направления распространения отдельных элементов эскимосской культуры:

- 1) более древнее (вероятно II—I тысячелетие до н. э.) с юга, со стороны Камчатки и Алеутских островов;
- 2) более позднее с берегов Берингова пролива (в середине I тысячелетия до н. э.), а затем (с II тысячелетия н. э.) с Аляски и Канады на запад в сторону Колымы.

Очевиден вывод, что для решения проблемы происхождения эскимосов необходимы неотложные археологические поиски прежде всего на южном направлении, откуда шли наиболее древние элементы их образа жизни, изначально не связанные с культурным комплексом, сложившимся на Севере.

Мы видим также, что эскимосская культура даже безотносительно к ее этническому содержанию является весьма сложным по своему происхождению образованием. Основные ее черты могли сложиться, безусловно, только на Севере в условиях, как нам думается, резкого похолодания, наступившего 4 000—3 000 лет назад (Борисов, 1968; Чижев, 1968). К ним относится меховой полог, жировая лампа, каяки и байдары, обтянутые моржовой шкурой, применение китовых костей для по-

строек, одежда из шкур. Изобретение других характерных для данной культуры вещей, например поворотного гарпуна, могло произойти и южнее северной родины эскимосов. Но именно на Севере эти вещи получили ту степень совершенства, которая характерна для эскимосской культуры.

К сожалению, мы не располагаем пока достаточно убедительными данными о самых ранних периодах морской охоты на Севере более чем I тысячелетия до н. э. Мнение Гиддингса о том, что китовая охота практиковалась там на мысе Крузенштерна еще во II тысячелетии до н. э., нам представляется недоказанным. Гиддингсу не следовало бы утверждать о наличии столь древней охоты на кита лишь на основании находок им в земле китовых костяков при полном отсутствии каких бы то ни было определенных частей от гарпунов. Ведь китов нередко морской прибой выбрасывает на берег, а те кремневые наконечники, которые он принимает за носки гарпунов, выделялись, как правило, из шлифованного сланца — шифера, а не из кремня.

Новые, добытые нами в 1963—1965 годах материалы позволяют рассматривать эскимосскую проблему шире и глубже. Вместе с тем они не дают исследователю полного удовлетворения. Эскимосская проблема все еще не решена. Мы имеем и теперь только возможные направления ее решения. По-прежнему в силе остаются слова Кнуда Расмуссена (1928): «Эскимосы не походят ни на какой другой народ в мире... Чем больше мы узнаем, тем больше мы хотим знать о них, и каждая новая экспедиция, успешно достигшая новых целей, оставляет после себя целый ряд новых нерешенных проблем».

И ОЖИВАЕТ ЗАБЫТОЕ

Репортаж с Пегтымельской скалы. Самые северные петроглифы рассказывают о жизни первобытных охотников

Ветер рвет из онемевших от напряжения рук большие листы бумаги и грозит сбросить с утеса нас самих. Духу — хозяину горы Кейныней, видимо, не нравится наше вторжение в его владения. Люди посягнули на его тысячелетнюю тайну! И он с ожесточением раздирает кальки, на которые мы упорно пытаемся оттиснуть со скалы все еще загадочные для нас фигуры и знаки. Владислав Васильевич Лобанов неистово и упорно работает. Распластавшись на отвесном камне, он прижимает к нему своим сильным телом трепещущий лист, а свободной рукой изловчается оттиснуть на нем уже найденную и прочувствованную линию древнего рисунка. Он крепко и энергично, уже в который раз, обжимает ее большим пальцем, эстампирует. Илья Иосифович Гурин, одно время очень скептически настроенный (это-де ребятишки нарисовали!), тоже загорается, когда вдруг видит какую-нибудь очень уж впечатляющую картину, выбитую в камне древним художником. От почти круглосуточной и изнурительной работы вот уже в течение нескольких светлых полярных дней мы все еле держимся на ногах. Но надо торопиться, пока не пошли дожди или снег.

Мы прибыли сюда 10 июля 1967 года. Наша задача — разыскать и исследовать эти самые северные петроглифы. Два года назад некоторые из них впервые заметил, проходя своим трудным маршрутом, геолог И. М. Саморуков. Он написал мне тогда письмо, но только сейчас удалось ради этих интересных наскальных изображений оставить на время не менее увлекательные палеолитические становища Камчатки и организовать сюда специальную археологическую экспедицию.

Хотя И. М. Саморуков писал, что видел только несколько рисунков на участке скалы в 10—12 метров и что все они не более 10—12 санти-

метров величиной, мне почему-то казалось, что здесь будет непременно целая картинная галерея. Предчувствие не обмануло, я совсем не жалею, что оставил на время свою палеолитическую Камчатку. Благодаря всяческому содействию начальника Чаун-Чукотского райгруппы Ф. Э. Стружкова, геологов В. В. Краскова, Т. П. Хюппенена и Ф. И. Голубя, на всю эту кампанию затрачено не так уж много времени.

Древние рисунки обнаружены почти на полукилометровом протяжении правого скалистого берега реки Пегтымель. Мы нашли более 50 композиций. Размер их тоже оказался значительно крупнее. Отдельные фигуры достигают 40—50 сантиметров. Светлые силуэты человекоподобных фигур, оленей и других животных появляются то здесь, то там, но преимущественно на верхних ярусах скалистого обрыва на высоте до 20—30 метров.

Чаще всего встречаются на пегтымельских скалах изображения оленей. Мы очень придирчиво смотрим на них, пытаюсь опознать в рисунках характерных для писаниц таежной Сибири лосей. Но вынуждены признать, что, рисуя животное даже с горбом, древний художник рисовал все же именно оленя, а не лося. Слишком характерно изображал он типично оленьи, а не лосиные рога и типично оленью заостренную, а не лосиную с толстой нависающей верхней губой морду.

Особенно настойчиво повторяется такой сюжет: олень, а за ним лодка с человеком, вонзающим в животное копьё или гарпун. Сценки охоты на диких оленей включают в себя собак. Они яростно атакуют бегущих или плывущих оленей.

Мы потеряли счет времени, когда фотографировали, эстампировали, снимали на киноплёнку все новые и новые рисунки. И трудно было одержаться от ощущения, что все это — олени, гарпунеры, гребцы, лодки — недвижно застыло на темных, слегка красноватых скалах, нависших над чукотской рекой Пегтымель. Динамично и очень лаконично изобразил древний художник сценки охоты.

Чудесный вид на тундру открывается со скалы, на которой мы работаем. Широко и привольно несколькими протоками разлилась здесь Пегтымель в обрамлении далеких и близких, сиреневых и иссиня-ультрамариновых горных хребтов. Невольно возникает предположение: это место не только красиво, оно очень удобно для переправы через реку диких оленей. И вот воображение переносит нас от наскальных изображений охоты к реке. В сознании возникают фантастические картины кровопролитных поколок на оленьих плавях (так называли прежде охоту на диких оленей на сезонных переправах через реки). Многочисленные описания этих побоищ оставлены русскими путешественниками, первооткрывателями и исследователями Чукотки, а также живут в преданиях чукчей и юкагиров.

Мысленно представьте себе: стремительно выплывают на лодках из засады охотники, окружают огромное плывущее стадо и стараются за-

держат его, а два или три самых искусных охотника на маленьких лодках или каяках врываются в середину плывущих животных и копытами да рогатинами убивают или тяжело ранят громадное число их, а женщины и дети разделяют туши. Понятно, что от успеха такой опасной охоты зависела жизнь и благополучие рода в течение всего года. Поэтому совсем не удивительно, почему так часто повторяется среди наскальных рисунков изображение охотника, который, сидя в лодчонке, вонзил в плывущего перед ним оленя копыце, рогатину или гарпун. Мечта о сытой жизни в тундре породила этот сюжет.

Но приходится предполагать и другое. Этот сюжет, повторенный десятки раз почти в одних и тех же чертах, приобрел, как видно, устойчивость канона. Не может быть сомнения, что перед нами типичная первобытная магия! Чтобы обеспечить успех в «поколке на плавающих», охотник, он же художник, рисовал эту магическую сцену убийства, твердо веря в чудодейственную силу своего ритуального рисунка.

Вместе с тем такой рисунок является зорко подмеченным реалистическим отражением жизненно необходимых действий, весьма мастерским воспроизведением сцен охоты на диких животных, составляющих основу существования людей.

Поразительно точно переданы характерные движения плывущего оленя: голова вытянута вперед, как поплавоч, раздутое туловище с опущенными в воду ногами как бы парит в состоянии невесомости, копыта растопырены, как гусиные лапы, и хотя вода ничем не обозначена, чувствуется, что животное именно плывет. И еще штрих. Задние ноги по воле художника провисают в воде глубже, чем передние. Такой признак, такая манера изображения плывущего оленя позволяет безошибочно отличать его от бегущего или от стоящего.

Другие пегтымельские рисунки переносят нас в мир морских зверобоев. Среди необычных для Чукотки, очевидно, наиболее древних мор-

Рис. 116. Вид на Пегтымельские скалы.

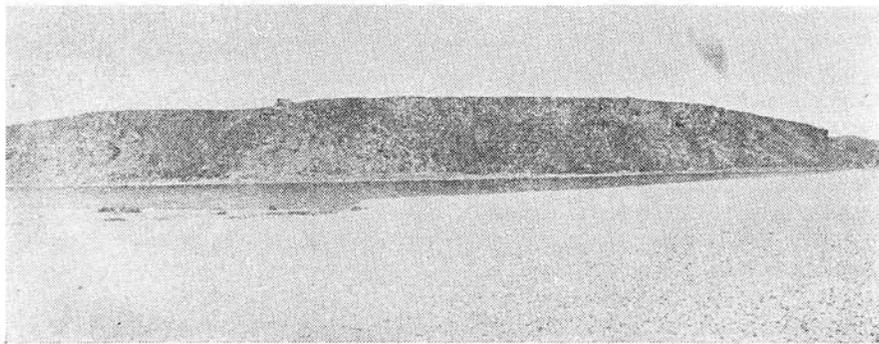

Рис. 117. Двухъярусная композиция (наверху — охота на оленей, внизу — морская охота).

ских остроносых лодок хорошо узнаются типично чукотско-эскимосские кожаные байдары-умиаки, в которых сидит много гребцов, обозначенных просто черточками. Разнообразные морские промысловые животные (киты, косатки, лахтаки, нерпы) нарисованы определенно и выразительно.

Охота в море (рис. 117) не всегда кончается успешно, порой бывает трагический исход. Так, на большой композиции рядом с загарпуненным китом мы видим опрокинутую большую лодку с людьми, которую попирает ногами и топит недобрый морской дух в человеческом облици.

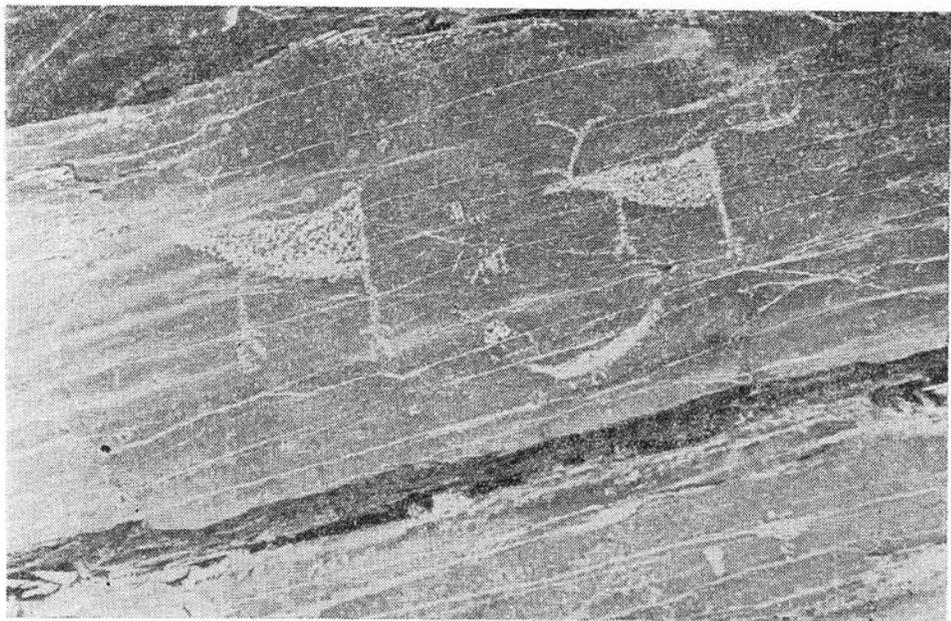

Рис. 118. Охота на плывущих оленей с каяка.

Тут же изображены, очевидно, предназначенные ему в жертву олени; над одним из них уже занесено копье.

Чрезвычайно интересны для стилистического анализа, классификации и, как мы видели выше,— для осмысления человекоподобные фигуры петроглифов. Они самые разнообразные. Тут и обычные простейшие, очень схематичные «человечки» (прямо как с писаниц бронзового века таежной Сибири) и более натуральные фигуры. Среди них выделяются своим совсем необычным видом человекоподобные изображения с грибами над головой, на ней или вместо нее. Конечно, это хорошо знакомые нам по описанию ученого-североведа В. Г. Богораза опьяняющие и веселящие мухоморы («вапак»). Ведь известно, что мухомор в прошлом использовался чукчами, коряками и юкагирами и другими северными народностями как сильно действующее наркотическое средство. Художник изображает их большей частью в виде женщин, реже — в виде мужских человекоподобных фигур. Но так или иначе, это смотрят на нас просто сами грибы-мухоморы, одухотворенные и даже вполне человекоподобные, веселые и желанные.

На Чукотке совсем неудивительно встретить такой образ. Красный мухомор, как и многие другие шляпочные грибы, здесь, как известно, растет и размножается. Хотя мухомор в Заполярной Чукотке у Ледо-

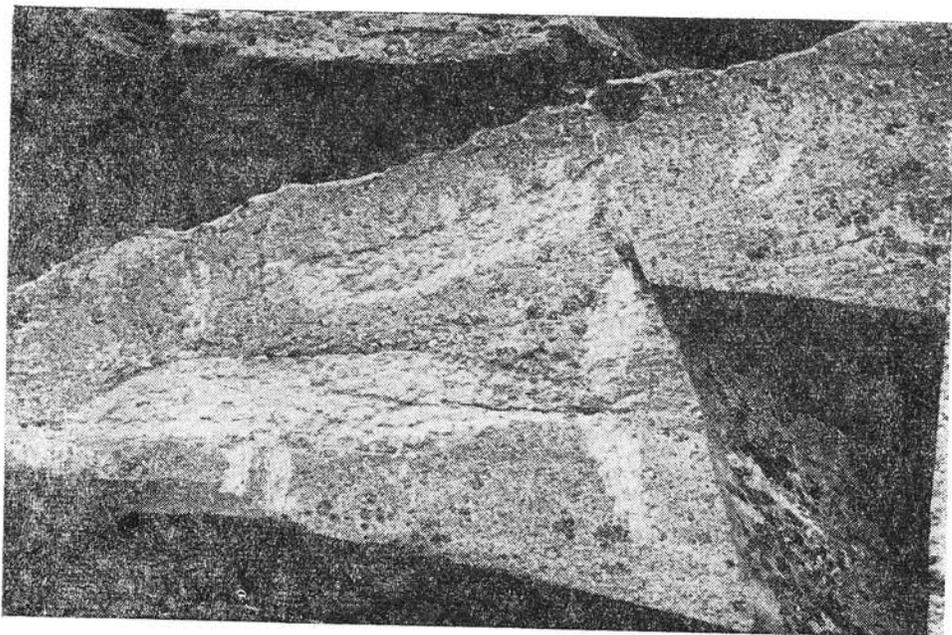

Рис. 119. Сценка морской охоты.

витого океана появляется спорадически, тем не менее его значение здесь еще в недалеком прошлом в качестве опьяняющего наркотика достоверно устанавливается по этнографическим данным. Принцип и манера соединения в одном образе гриба с человеческой фигурой тоже не являются абсолютно беспрецедентными. Именно такие человекоподобные каменные галлюциногенные грибы теонанакатл видим мы у майя доклассического и классического периодов. Принцип этот вполне соответствует известной общей закономерности антропоморфизации животных или растений на определенной стадии у самых различных народов. Нам известны, например, подобные культовые полужверинные или полурастительные антропоморфные скульптуры из раскопок Урартского городища Кармир-Блур, изображения на бронзовых зеркалах у обских угров (манси) и многие другие, давно уже очень хорошо освещенные в литературе.

Мало того, у В. Г. Богораза мы находим совершенно определенные свидетельства об именно таком, как на скалах Пегтymeля, воплощении в человекоподобном обличе мухоморов на Чукотке, по старым чукотским воззрениям. Вот что пишет В. Г. Богораз об «особом» племени опьяняющих мухоморов: «...мухоморы являются к пьяным людям в странной человекоподобной форме. Так, например, один мухомор явит-

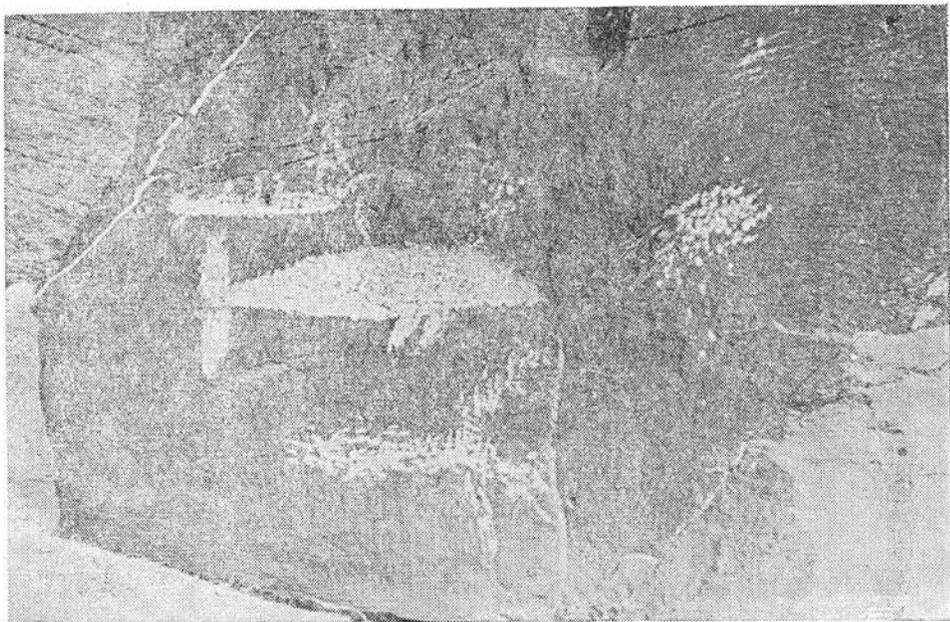

Рис. 120. Охота на кита.

ся в виде однорукого и одноногого человека, а другой похожим на обрубок. Это не духи, это именно мухоморы, как таковые. Число их, видимое человеку, соответствует тому, сколько он их съел. Если человек съел один мухомор, он увидит одного мухомора-человека, если съел два-три, увидит соответствующее число. Мухоморы берут человека за руки и уводят его на тот свет, показывают ему все, что там есть, проделывают с ним самые невероятные вещи». При этом надо иметь в виду, что, по наблюдениям Богораза, чукчам свойственна и более полная антропоморфизация вещей, когда предметы приобретают двойную сущность: обычный вид и полностью человекоподобный. Очевидно, именно этой стадии антропоморфизации соответствуют пегтымельские изображения человекогрибов.

И совсем по Богоразу получается в тех композициях, где рядом с человекоподобным олицетворением мухоморов за руку с ними нарисованы обычные человеческие фигуры. Перед нами подлинные, дошедшие из глубины веков картины увлечения мухоморами живых людей, чукчей, к «верхним людям».

Пляска мухоморов вокруг жертвенных оленей (рис. 121), наиболее впечатляющая картина всего пегтымельского собрания петроглифов, является вместе с тем, вероятно, и одной из наиболее поздних композиций.

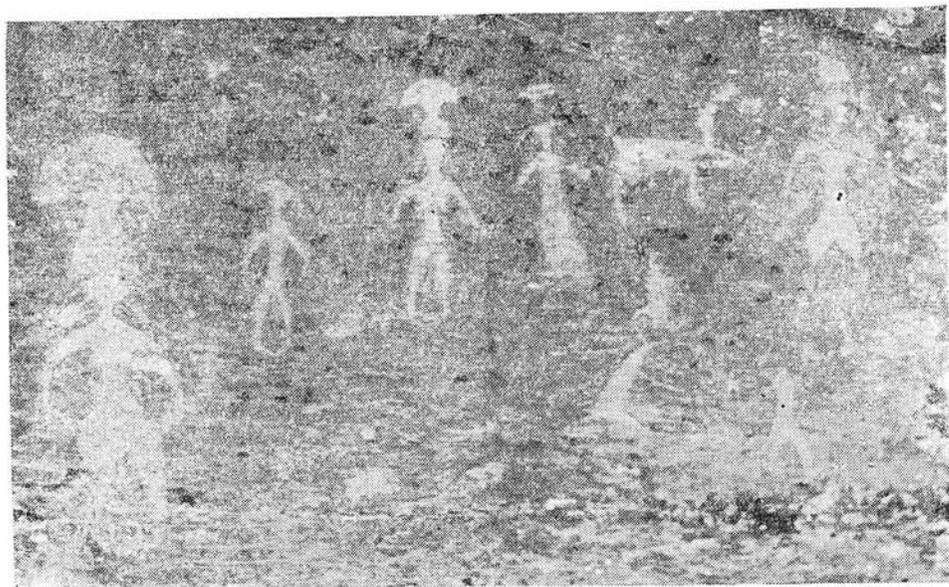

Рис. 121. Пляска мухоморов.

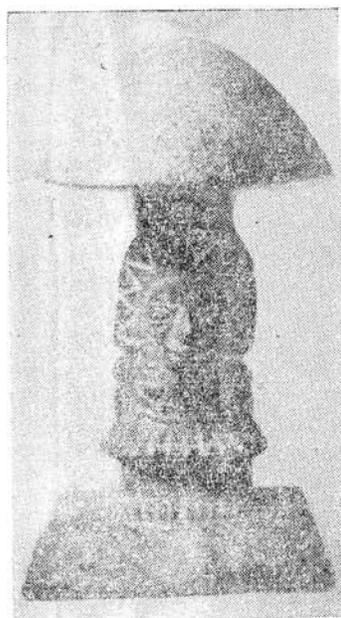
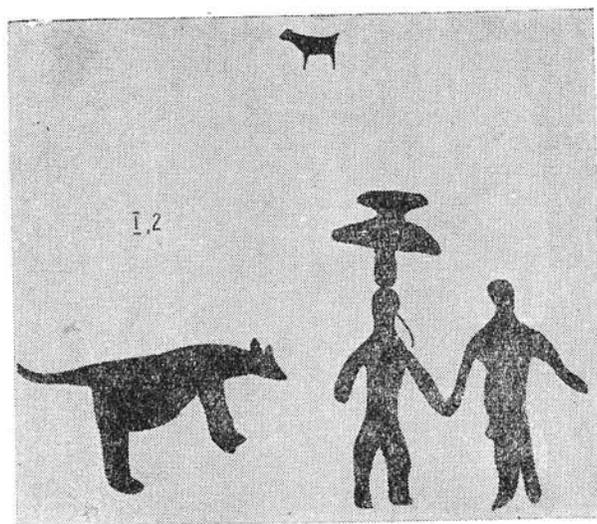

Рис. 122. Скульптурное изображение гриба в виде человека у древних майя.

Рис. 123. Мухомор ведет человека к верхним людям.

В верхней ее части очень реалистическая сценка охоты с байдары на кита, ниже — олени (вероятно, пасущиеся) и волк. Все это выполнено очень слабой притиркой — чувствуется упадок техники — но, разумеется, не упадок самого искусства. Главная фигура этой композиции, женщина с большим грибом над головой, с большими серьгами или двумя косами, выполнена с непревзойденной выразительностью.

Принято считать, что человекоподобными фигурами первобытный художник изображал на скалах собственно не людей, а духов или души. Между тем среди пегтымельских рисунков есть одна любопытная сценка, где действует, бесспорно, не дух, а самый обычный человек. Охотник с рогатиной идет на медведя, атакуемого сзади тремя собаками (композиция на камне IV). Смотришь на эту сценку и думаешь: уж не отсюда ли заслуженный эскимосский мастер Хухутан позаимствовал свой сюжет? Вот она, живая связь древнего и современного чукотско-эскимосского искусства! Но, разумеется, здесь не заимствование. Сюжетная связь эта коренится в многовековой преемственности и общности охотничьих традиций.

Кто же оставил эти великолепные изображения?

Судя по всему, к пегтымельскому наскальному изобразительному творчеству причастны преимущественно предки эскимосов или чукчей.

Иначе трудно было бы объяснить столь тесное соседство сюжетов морской охоты и охоты на диких оленей.

Но мы знаем, что у чукчей и эскимосов издавна существовало разделение хозяйства на тундровое и морское. И тут можно сделать еще одно предположение: пегтымельские скалы были для древних священным местом, родовым святилищем.

У скал Пегтымеля собирались на общие празднества в честь успешной охоты и морские охотники и ловцы диких оленей. И когда добыча была обильной, то, опьяненные удачей, они умели повеселиться. Устраивали праздники в честь зверя — подателя пищи, ели хмельной гриб-мухомор, ели обильную пищу, веселились, плясали, пели и, может быть, тогда же выбивали на камне такие веселые картинки, где сами духи плясали, опьяненные тем же мухомором.

После некоторых поисков мы нашли и следы подобного охотничьего лагеря с обильными остатками подобных пиршеств. Это настоящий, как говорят археологи, культурный слой с огромным количеством расколотых и пережженных оленьих костей, с кремневыми отщепами, среди которых оказался и обломок каменного ножа неолитического облика. Следы этого становища оказались тут же, неподалеку от петроглифов, на краю обрыва.

После разведывательных раскопок культурного слоя (к нему мы еще вернемся) мы снова лезем на скалу, снова вглядываемся в начертанные на ней призрачные фигуры, пытаемся донскаться в них смысла, проверить свои первые впечатления.

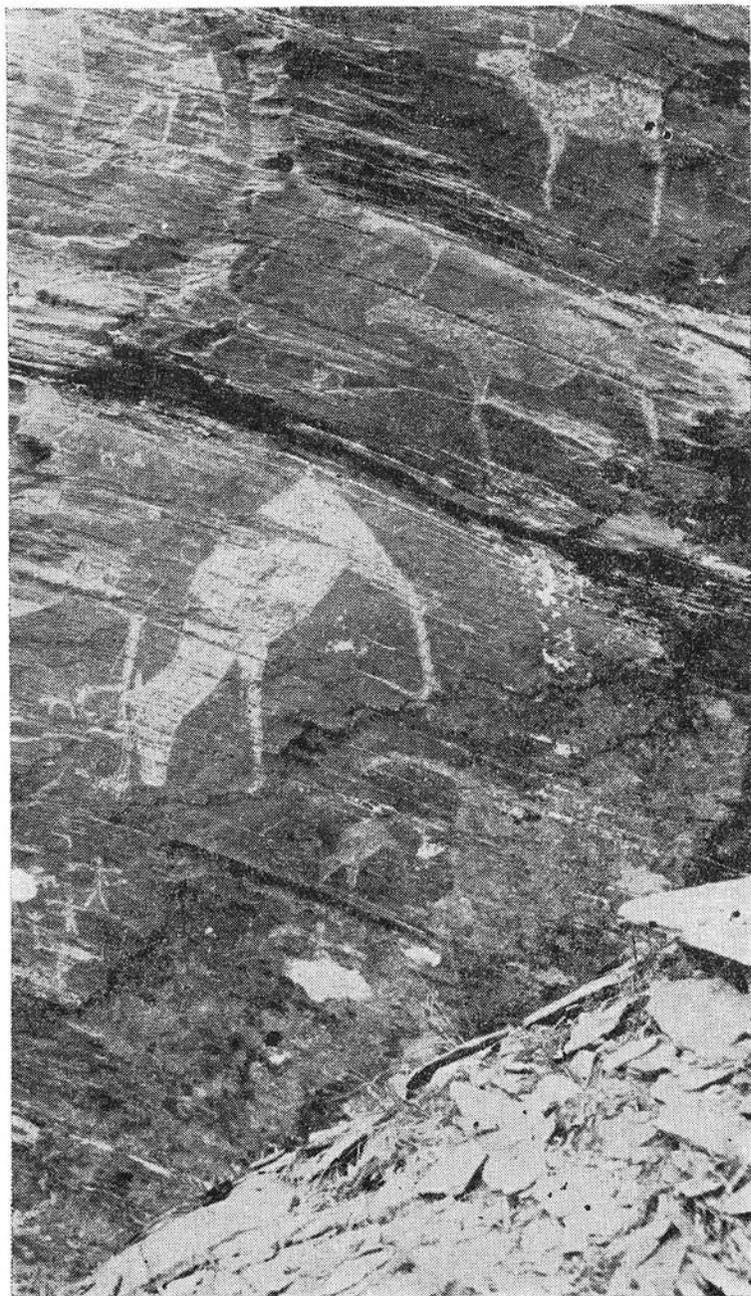

Рис. 124.
Реалистические
изображения
олений.

Да, конечно, в пегтымельских петроглифах вполне образно отражено то, что более всего интересовало первобытного охотника. Это образное восприятие действительности было еще в той стадии, когда слиты воедино и извращенные религиозные представления и прогрессивные, реальные. Смысл их отнюдь не только религиозный, но и познавательный.

В самом деле, в подавляющем большинстве картин мы видим не только стремление магическим путем овладеть зверем, но зоркость и наблюдательность охотника. Такое искусство воспитывало и развивало эти качества, объективное представление о мире у всех сородичей. И возможно, даже в такой степени, что не только одиночки, а почти каждый охотник был в состоянии в общих главных чертах верно нарисовать зверя. Истинным же талантам удавались такие рисунки, как, например, не имеющая себе равных по совершенству реалистического исполнения большая фигура пасущегося оленя на центральном утесе (рис. 124).

Мы убеждаемся, наконец, и в том, что либо художественным стилем, либо технической манерой исполнения, либо, наконец, некоторыми сюжетами пегтымельские петроглифы в какой-то мере близки северонорвежскому, карельскому и сибирскому наскальному искусству эпохи бронзы и неолита. Наиболее полное стилистическое сходство с пегтымельскими силуэтами морских животных, байдар, каяков, птиц и некоторых человекоподобных фигур находим мы в древних эскимосских или алеутских петроглифах, открытых на берегу залива Кука на юго-западе Аляски де Лагуной. Выбитые же на Пегтымеле большие многоместные лодки с высоким носом очень напоминают байдары алеутов, родственных эскимосам по происхождению. И это вполне понятно, ведь те и другие, судя по языковым данным (Г. А. Меновщиков, 1960), имели в прошлом, вероятно, еще более сходную, чем ныне, культуру.

Мы окончательно приходим к выводу, что наши петроглифы относятся в основном к тому времени, когда на Чукотке еще не было домашнего оленеводства, но уже развивался морской зверобойный промысел. Часть их, наиболее реалистическая, возможно, датируется I тысячелетием до н. э., остальные — более поздние. Однако это не меняет, разумеется, их неолитической природы и позволяет рассматривать их как явление глубоко первобытного искусства.

Они дают нам впервые наглядное представление о жизни тех древних охотников, по следам которых мы прошли. Они открывают нам совершенно новый мир красоты и загадочного смысла — бесценное культурное наследие коренного населения Чукотки доолeneводческого, наименее изученного периода.

Пегтымельская галерея демонстрирует мощный расцвет самобытного искусства, несмотря на изолированность этой северной территории от цивилизации юга и, очевидно, благодаря весьма плодотворным циркумполярным культурным связям, получившим в тот период особое развитие.

Открытие нового местонахождения петроглифов

В 1968 году мы продолжили поиски петроглифов в долине реки Пегтымель. Наша задача заключалась также и в том, чтобы исследовать связанные с петроглифами древние стоянки.

На старом месте возле ручья Кайкууль мы нашли еще около 50 композиций. Среди них было много новых сюжетов, например, женщины-мухоморы в керкерах (рис. 125), но по-прежнему преобладали сцены охоты на плывущих оленей и на морских животных.

Многие из новых сюжетов по-прежнему прямо-таки из чукотско-эскимосской жизни. Это культ косатки, культ весла, упомянутые выше керкеры — типично чукотско-эскимосская женская меховая одежда в виде комбинезона.

Найдены были и новые стоянки древних охотников. С одной из них, на восьмой скале, достались прекрасно ретушированные отжимной ретушью наконечники стрел и фрагмент каменного ножа. Наконец, в культурном слое пещеры, — мы нашли ее на самом эффектном центральном (четвертом) утесе, — возле угасшего столетия назад очага, сохранился целый клад из роговых панцирных пластин, каменный наконечник стрелы, различные поделки из моржового клыка и оленьего рога, каменные отщепы, расколотые оленьи кости и много кусков белого кварца, которые, очевидно, и служили инструментами для высекания на камне рисунков. На стенах этой пещеры петроглифы были выбиты в несколько слоев, причем тонкие резные граффити преимущественно налегали на более древние силуэтные изображения.

Исследования у ручья Кайкууль были дополнены разведкой на вертолете и пешком по всей долине реки Пегтымель. В результате мы установили, что выше ручья Кайкууль до самых верховий реки никаких петроглифов на скалах не имеется. Зато значительно ниже по ее течению мы нашли их сразу же.

Новое местонахождение петроглифов оказалось на одиночной скале, с правой стороны реки Пегтымель. Здесь же, на вершине этой скалы, мы увидели и остатки древней охотничьей стоянки.

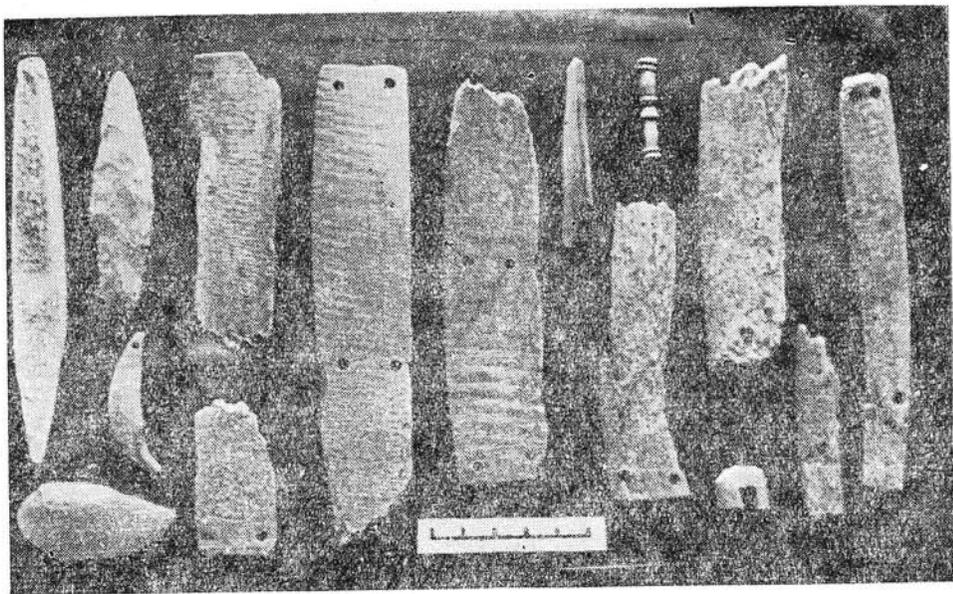
Обнаруженная нами скала омывается мелкой пересыхающей протокой реки. Широкая отмель отделяет скалу от ее основного русла. Похоже, что и в этом месте в прошлом была сезонная переправа оленей. В таком случае выдающаяся в виде мыса на повороте крутой высокой террасы скала могла служить весьма удобным местом для наблюдения за передвижениями оленей и для засады на них. Со скалы открывается широкий вид на многочисленные в этом месте протоки реки и на низкий противоположный берег.

Скала очень впечатляет. Каменный утес вздымается совершенно отвесно на высоту более 25 метров. На середине ее высоты, на самом видном месте, на широкой скальной плоскости, под карнизом выбита боль-

Рис. 125. Женщина-мухомор и ребенок в керкерах.

Рис. 126. Пегтымельские костяные пластинки от лат, каменный нож и наконечники.

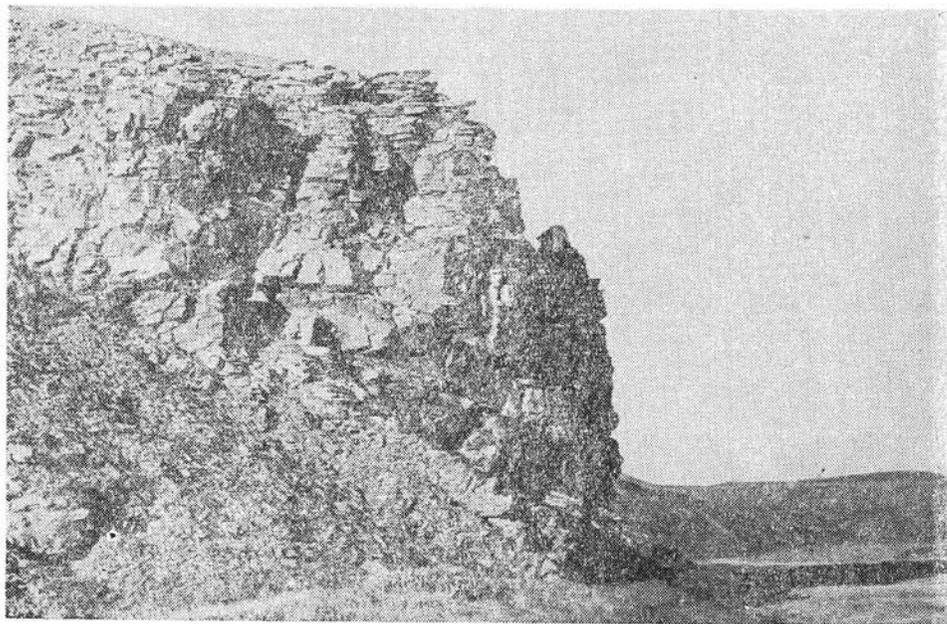

Рис. 127. Новое местонахождение петроглифов (наверху скалы — неолитическая стоянка).

шая композиция из нескольких крупных силуэтных фигур и других знаков. Сюжет ее вполне определенный. Это весенняя охота на оленей на лыжах по насту с собаками и одновременно осенняя на плавях. Однако выражен этот сюжет очень своеобразно.

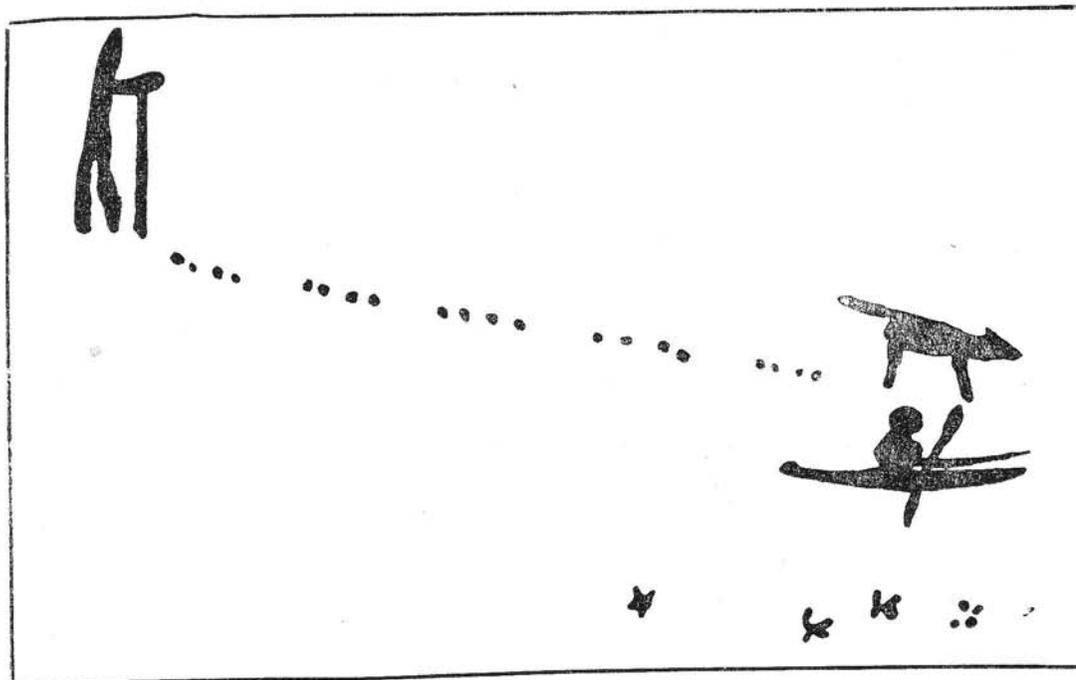
Три оленьих силуэта идут или плывут направо. Впереди (один под другим) два поменьше и позади крупный (около 40 сантиметров длиной), а за ним маленькая лодка. Сидящий в лодке охотник держит двухлопастное весло и пику, нацеливаясь в оленя. Ниже этой лодки за оленем следы его копыт; выше лодки силуэт преследующей оленя собаки. И наконец, самое интересное: позади собаки выбита длинная цепочка ее следов — пять раз по четыре следа, между каждой четверкой следов — интервал. А на другом конце этой цепочки — грубо и схематично выбитая фигура идущего по этим следам человека с палкой. Человек изображен в профиль сбоку. Он идет по собачьему следу на лыжах, возможно, на коротких, типа чукотских «вороньих лапах», и поэтому лыжи у него особо не обозначены. Возможно также, что лыжи на рисунке просто стерлись. Кстати, надо заметить, что сохранность этих интереснейших петроглифов весьма неудовлетворительная, во многих местах, особенно поверх средней части композиции, имеются большие на-

теки птичьего помета. Птицы обосновались на этой неприступной скале прочно и, видимо, давно. Их гнезда устроены выше наскальных рисунков, а также в глубокой щели слева от них, где накопились мощные отложения птичьих капролитов. Эта щель, глубокая и просторная, могла служить для охотников прекрасным тайником. Однако мы не нашли там никаких вещей.

Остатки охотничьего стойбища мы отыскивали на вершине скалы; на пологой мелкощербнистой поверхности.

Собранный здесь подъемный материал состоял преимущественно из кремневых отщепов, нередко ретушированных и могущих служить орудиями. Наиболее же замечательными находками здесь были две вещи: обломок обсидиановой призматической ножевидной пластинки и совершенно целый, обработанный с двух сторон кремневый листовидный нож. Он точно такой же, как и те, что в обломках попадались нам на второй и восьмой скалах, а это позволяет отнести все три памятника к одной культуре.

Наличие же на одном из них обсидиановой ножевидной пластинки указывает на значительный возраст этой культуры.

...Остается сказать, что наша экспедиция успешно осуществила полный комплекс работ, необходимых для исчерпывающего научного исследования пегтымельских петроглифов. Они тщательно эстампированы в натуральную величину, сфотографированы и зарисованы. И теперь они обретут вторую, куда более безопасную жизнь на страницах книг.

Пережиточный неолит.

Предки айнов, ительменов, коряков, юкагиров

Пегтымельские наскальные рисунки запечатлели то время, когда на Чукотке уже сложились и развивались две культуры: тундровая и морская. Первая продолжала пока традиции охоты на диких оленей, выработанные на Чукотке еще во II тысячелетии до н. э. предками тундровых чукчей. Другая, более передовая, принадлежала морским зверобоям, предкам эскимосов и береговых чукчей.

В ту пору и на Чукотке, и на Камчатке, и вообще на Северо-Востоке Сибири все еще удерживался неолит, новокаменный век, хотя почти во

Рис. 128. Петроглифы, обнаруженные в 1968 году: охота на оленей.

всех остальных районах Старого Света уже давно начался век железа. Постепенно, спорадически и в крайне малых дозах этот революционизирующий технику металл начал с начала нашей эры проникать и на Северо-Восток, очевидно, морским путем с юга. Древние эскимосы использовали его лишь для тончайших резцов, с помощью которых вырезались узоры по кости. В столь же мизерных количествах употребляется железо на Охотском побережье и на Камчатке. Подавляющая масса орудий всюду здесь еще изготавливается из камня и кости, и такое состояние культуры (его называют часто пережиточным неолитом) продолжается очень долго, до прихода на Северо-Восток в XVII веке русских.

На крайнем юге Камчатского полуострова, по берегам рек и озер, большими деревнями живут в это время рыболовы, вероятно, предки айнов. Во всяком случае, их глиняные плоскодонные котлы со своеобразными внутренними ушками поразительно напоминают айнские. Своим землянкам они придают прямоугольную форму, дымоход у них использовался мужчинами в качестве входа, особый туннелевидный вход прорывался специально для женщин, детей и «коекучей» — так называемых перерожденцев, то есть мужчин-шаманов, принимающих обычай женщин. Типичная деревня подобного рода, раскопанная Иохельсоном на Сивуйском мысе, на берегу окруженного вулканами Курильского озера, состоит из 15 таких жилищ. Одно из них величиною значительно превосходит остальные. Орудий труда в нем почти не оказалось. Вероятно, оно служило для общинных празднеств и собраний. В меньших землянках сохранилось много шлифованных каменных топоров, обсидиановых и кремневых ножей, скребков и наконечников стрел, битой глиняной посуды, десять железных и один медный предмет, а также три медных японских монеты. Последние были осмотрены мною и оказались не XI века, как до сих пор считалось, а значительно более поздними. Все они одинаковые, достоинством в 1 мон, и на каждой из них четко обозначено: «Кан-эй». Это значит, что они относятся к годам императорского правления Кан-эй, то есть к 1624—1643 годам, как легко в этом убедиться, если обратиться к японо-русскому словарю Д. А. Позднеева (Токио, 1908). Иными словами, благодаря этим монетам мы теперь знаем, что Сивуйское поселение существовало непосредственно до прихода на Камчатку русских землепроходцев и синхронно айнской культуре Нейдзи на Сахалине (Козырев, 1967).

Многочисленные городища по берегам рек Камчатки принадлежат предкам ительменов, таким же истым рыболовам, как и предки айнов. Их землянки устроены так же, только они прямоугольной, иногда почти квадратной формы с закругленными углами. Население этих городищ вместо глиняной посуды пользовалось деревянной и берестяной. Воду кипятили в такой посуде, бросая в нее раскаленные камни. Городища часто укреплялись рвами и валами, часто двойными и даже тройными,

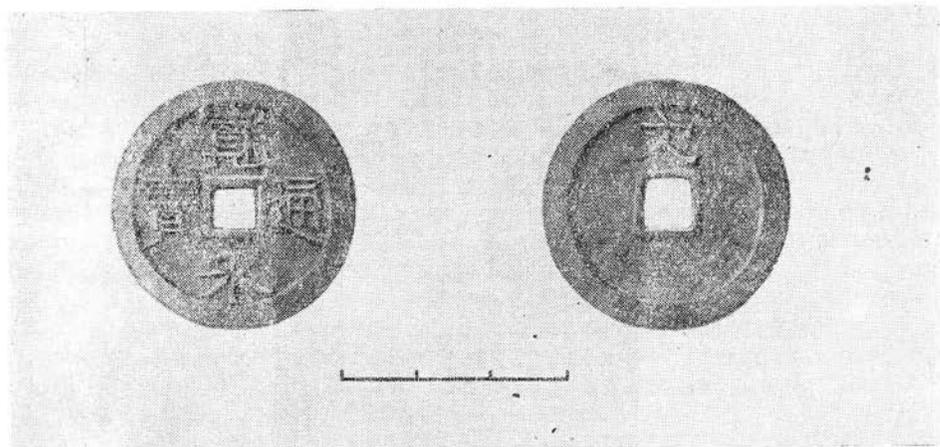

Рис. 129. Медная японская монета XVII века из раскопок на Сивуйском мысе.

причем обычно одна из землянок имела более крупные размеры. Как и на Сивуйском мысе, такие большие землянки служили, очевидно, помещением для родовых собраний и празднеств.

На севере Камчатского полуострова до реки Пенжины и далее по Охотскому побережью до района нынешнего Магадана обитали предки коряков. На границе с областью расселения ительменов, например, на речках Кулке и Кавране они жили в укрепленных городищах, обнесенных рвами и валами. В глубинных районах, например, в низовьях Пенжины возле села Манилы (на Большом и Зеленом мысах) поселения не укреплялись, землянки всегда имели округлую форму. Только на местах оленьих плавей они устраивали себе надземные переносные жилища. Предки коряков умели выделывать тонкостенные и круглодонные глиняные горшки, украшая их текстильными оттисками, различными глубоко врезанными точечными или линейными узорами, орнаментальными валиками. Как и их южные соседи, они изготавливали всевозможные инструменты и оружие из камня, умели шлифовать и ретушировать камень. В их быту широко употреблялись лампы-жирники, грузила, каменные топоры и тесла, наконечники стрел, дротиков, копий, скребки и ножи. Еще не забыта была ими и неолитическая техника отделения ножевидных пластинок от призматических нуклеусов. Обломок такого нуклеуса из обсидиана был найден нами в низовьях Пенжины на Большом мысе. Выделяли они и различные орудия из кости: наконечники стрел, мотыги, лопаты, ложки, полозья и другие части собачьих нартов. В землянке на реке Кавране обнаружены также два куска железа и обломки старинных фарфоровых чашек. В отличие от рыболовов Центральной и Южной Камчатки, предки коряков занимались не только рыбной лов-

лей, но и охотой на диких оленей и от случая к случаю — на морского зверя.

Своеобразные формы принимает пережиточный неолит также в долине Анадыря и его притока Майна. Там распространяются оригинальные, так называемые расщепляющие каменные тесла (может быть, ледовые пешни?), округлые в поперечном сечении, с конусовидным острым концом, как у боевого топора, и выработываются свои формы посуды, все еще глиняной, часто со штамповыми оттисками, восходящей к керамике позднего бронзового века Якутии.

К этой Анадырско-Майнской культуре относятся раскопанные нами стоянки Вакерная и Чикаевская, расположенные на косах, а также могилы на юкагирской сопке возле села Марково.

Особенно обильный материал дали раскопки Чикаевской стоянки, довольно мощный культурный слой которой заключал множество изделий из камня и кости. Там было обнаружено и несколько железных вещей: огниво, зубцы остроги.

Вероятно, на берегах Анадыря и Майна жили в это время не столько охотники, сколько рыболовы. Более вероятно, что именно они были предками юкагиrow, а не предшествующее им проточукотское и протокорякское население развитого и позднего неолита.

Таким образом, в период пережиточного неолита на территории Северо-Востока мы находим предков всех основных его нынешних так называемых малых народов, кроме эвенов. Предки айнов живут на юге Камчатки, предки ительменов — по реке Камчатке. Эскимосы обживают морское побережье Чукотки. В бассейнах рек Анадыря и Майна в это время, вероятно, появляются юкагиры. Они, очевидно, вклиниваются между коряками и чукчами, оттеснив последних в северо-восточную и северо-западную области Чукотки, где и застают их в XVII веке русские землепроходцы. Там, мы предполагаем. Однако древняя юкагирская история еще темна и ждет своих исследователей. И тем ценнее всякие новые археологические факты, проливающие свет на юкагирскую проблему.

Совсем недавно наука обогатилась не какими-нибудь отдельными находками, а целым первоклассным памятником юкагирской истории.

Усть-Бельский памятник древней юкагирской культуры

С Чукотки, из самого ее глубинного района, из Усть-Белой поступило на мое имя, важное и интересное сообщение. Оказывается, в Усть-Белой жители поселка наткнулись во время строительных работ на древний культурный слой, которому теперь грозит разрушение и уничтожение. Однако два усть-бельца — мой старый друг по раскопкам на озере Чировом, а теперь усть-бельский колхозник чукча Вальвара и предсе-

датель сельсовета А. А. Рыбалкин (тоже уже знакомый читателю) не прошли равнодушно мимо каких-то странных костяных и каменных поделок, вдруг неожиданно появившихся в обнажении берегового уступа в том месте, где колхозники начали строить склад. Они поняли, что это ценные древности, все аккуратно собрали и сразу же дали знать о своих находках в лабораторию археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института и в Магаданское отделение общества охраны памятников истории и культуры. В Усть-Белую срочно выехала маленькая экспедиция (со мной был только художник И. И. Гурин). Через несколько дней экспедицией был поставлен оптимистический диагноз: памятник еще можно спасти. Культурный слой (он оказался у самой воды на глубине одного метра) был исследован самым тщательным образом, и большая коллекция костяных и каменных накопителей, ножей, мотыг, ледовых пешен раскрыла во всей полноте облик своеобразной рыболовецкой культуры, ранее известной лишь по более скромным ее остаткам в 150 километрах выше по реке Анадырь в урочище Вакерная.

На рисунке, опубликованном ранее (Диков, 1968-б), изображены только некоторые вещи из усть-бельского культурного слоя. Но и они дают представление о выразительности этого археологического памятника, о его определенном сходстве именно с культурным комплексом Вакерной. Поражает при этом обилие, почти абсолютное преобладание кости как материала для изготовления орудий труда и оружия. Больше всего здесь оказалось костяных ножей, специально приспособленных для разделки рыбы, и широких лезвиеподобных костяных игл с отверстием, предназначенных для пронизывания ими свежепойманной рыбы. С помощью такого остроумного приспособления рыбак мог удобно нести свой весомый улов.

А теперь обратимся к заключительным событиям дорусской истории Северо-Востока, которые произошли там почти одновременно со вторжением юкагиров.

Распространение оленеводства и кочевого быта

Переход от сухопутной охоты и рыболовства к охоте на море был первым существенным сдвигом в развитии производительных сил древнего населения на морском побережье Северо-Востока.

Второй, еще более значительный прогрессивный сдвиг происходит в тундре. Охотники на диких оленей начинают приручать этих животных. В результате в тундрах Чукотки и Северной Камчатки возникает кочевое оленеводство — тип хозяйства, более выгодный, чем любая охота. Складывается кочевой и при всех своих преимуществах невероятно тяжелый оленеводческий быт, который до последних лет — до внедре-

ния механизации в оленеводство — являлся единственным способом освоения огромных ягельных пастбищ Северо-Востока.

Пока еще не раскрыта тайна происхождения оленеводства на Чукотке и Камчатке. Впрочем, не лучше обстоит дело с решением этой проблемы и для других оленеводческих районов Сибири. Существует лишь множество противоречивых гипотез. Археологических материалов для решения этой проблемы еще крайне мало. Можно утверждать только, что оленеводство возникло здесь позже, чем зверобойный промысел, очевидно, всего несколько столетий назад. У чукчей, например, к приходу русских, то есть в начале XVII века, оленеводство еще не было преобладающей формой хозяйства.

Его распространение связано у них с войнами. Захватывая стада у коряков и юкагиров, чукчи расселялись в XVII—XVIII веках со стороны Чукотского полуострова по Анадырю и его притокам и далее на запад до Омолона.

Развитие кочевого оленеводства, правда, пока еще очень примитивного, внесло в общественную жизнь народностей Северо-Востока элементы неравенства. Оно расшатывало первобытнообщинный, самый устойчивый способ производства, существовавший здесь незыблемо многие тысячелетия.

Разложение первобытнообщинного строя и периодизация истории. Конец вековой изоляции

Добрый читатель, ты уже ознакомился с многочисленными и разнообразными древними становищами, могильниками, наскальными рисунками и другими, порой совсем удивительными археологическими находками, которыми так богат оказался Крайний Северо-Восток Советского Союза.

Они рассказали уже о многих сторонах жизни в этом суровом крае в далеком прошлом. Как детективы, мы с вами пытались проследить по доступным нам вещественным остаткам (иной раз очень скудным и фрагментарным) запутанную и до сих пор еще не вполне ясную историю происхождения чукчей, коряков, юкагиров, ительменов и даже американских индейцев, сложные и вместе с тем закономерные культурные взаимосвязи древнего населения Северо-Востока с окружающим миром. В какой-то мере нам удалось приоткрыть завесу также и над таинственным миром искусства и религии.

Но археология — наука прежде всего историческая, и ее в первую очередь интересует сама основа исторического процесса — способ производства, развитие производительных сил и производственных отношений.

Вот как раз об этом основном, что определяет и всегда определяло жизнь людей, уместно поговорить в заключение.

Начнем с производительных сил.

Развивались ли они на Северо-Востоке так же закономерно и поступательно, как в более благоприятных для жизни местах земного шара: от только присваивающего готовые продукты природы хозяйства охотников, рыболовов и собирателей — к хозяйству производящему? От только естественного разделения труда — к общественному, к выделению земледелия и скотоводства, а затем ремесла и торговли?

Да, в археологии Северо-Востока, несмотря на его долгую историческую изолированность, мы находим подтверждение этой общей закономерности прогрессивного развития производительных сил. Но были здесь и особенности ее проявления. Наиболее существенная из них — отсутствие достаточно хороших условий для возникновения в прошлом земледелия и высокопродуктивного скотоводства.

Эта особенность в сочетании с длительным (вплоть до открытия края русскими в XVII веке и позднее) переживанием техники каменного века наложила своеобразный отпечаток на всю первобытную историю населения Северо-Востока, вследствие чего мы наблюдаем здесь весьма своеобразный ход развития первобытного хозяйства. Вследствие плохих природных условий оно на тысячелетия дольше, чем в иных областях земли, оставалось только присваивающим.

Его апогеем на морском берегу явился возникший 2—3 тысячи лет назад морской зверобойный промысел. Он определил переход приморской части населения Северо-Востока к оседлости и был таким образом в некотором роде заменой оседлому земледельческому хозяйству в общественном разделении труда. Правда, заменой весьма слабой и далеко не равноценной по своим потенциальным возможностям. Оленеводство надолго закрепило кочевание другой, тундровой части населения Чукотки и Северной Камчатки. И так как оба хозяйственных комплекса не могли существовать один без другого, то сложилась именно та ситуация, которую мы вправе назвать вслед за Ф. Энгельсом первым великим общественным разделением труда.

Развитие производственных отношений на Северо-Востоке шло в прямой зависимости от прогресса производительных сил, что довольно хорошо прослеживается в археологической перспективе от древнекаменного века (палеолита) до новейшего времени в диапазоне приблизительно пятнадцати тысяч лет.

Самые древние, так называемые палеолитические, обитатели Северо-Востока (их следы мы нашли на Камчатке) коллективно охотились на мамонтов, сообщая владели своим еще несложным имуществом и вели счет родства по материнской линии. Примерно такую же стадию общественного развития переживали и охотники на дикого оленя — предки чукчей. Они оставили нам великолепные наскальные изображения, сре-

ди которых преобладают фигуры предков и духов явно женского пола.

Материнско-родовая организация преобладала, судя по письменным источникам, вплоть до XVIII века также и у ительменов, живших главным образом за счет рыбной ловли. Эта стадия фиксируется у них по археологическим данным. Древние острожки ительменов всегда имеют наряду с землянками средних размеров большие общественные жилища, очевидно, особые мужские клубы, столь характерные для материнского рода. Подобные же мужские дома — «кажимы» — встречаются и в древних поселениях эскимосов.

Наличие общей для всех охотничьих народов Северо-Востока материнско-родовой стадии видно также по широкому распространению ее пережитков, будь то женоподобные шаманы-перерожденцы у чукчей или «коекчучи» ительменов, или же такие трансформированные женские божества, вроде эскимосской Седны, которые могли достаться, как показал В. Г. Богораз, отцовскому роду в наследство только от рода материнского. Об этой первоначальной стадии развития общества свидетельствуют многие другие распространенные на Северо-Востоке пережиточные обычаи, например, аванкулат (то есть характерный для материнского рода приоритет родственных отношений между племянником и дядей по матери).

Переход к более высокой ступени развития первобытного общества — отцовскому роду и к так называемому позднему матриархату — проходил в связи с тем своеобразным общественным разделением труда, о котором мы говорили выше: очевидно, уже с переходом к морской охоте и особенно с выделением пастушеского оленеводства, как самостоятельных отраслей хозяйства. Решающими для такого вывода являются преимущественно этнографические данные, засвидетельствованные письменными источниками XVII—XVIII веков, а также данные археологии.

С этой ступени первобытное общество вступило в фазу своего разложения. В нем начали развиваться частнособственнические тенденции. Возможно, что углубление этого процесса связано с какими-то зачатками военной демократии.

Об этом могут свидетельствовать некоторые археологические памятники Чукотки. Там и сейчас еще можно найти кости (остатки костяных лат), наконечники стрел и различное другое оружие.

Обитатели камчатских укрепленных городищ — острожков (включая раскопанное нами Никульское) тоже переживали, несомненно, последние фазы родового строя, вступали в бурную военно-демократическую пору своей истории.

Крашенинников рисует непосредственно с природы картину междоусобиц, столь характерных для разлагающихся родовых отношений. «Камчадалы, — пишет он, — столь часто между собой воевали, что году не проходило, в котором бы сколько-нибудь острожков разорено не было.

Главное намерение браней их состояло в том, чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особенно женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество, а о причине, была ли она или нет, законна или незаконна, не много они рассуждали. Иногда соседственные остроги и за то друг против друга вооружались, что дети между собой поссорились, а если кто кого, позвав в гости, не столько как надлежало потчевал, то же вменялось за такую обиду, которая мстить надлежало не иначе, как погублением всего острога, в котором случалось столь неприятное действие.

В неприятельские острожки врываются они ночным временем, что могли делать без препятствия для того, что караулов у них не бывает. Таким образом и малолюдством губили они знатное число неприятелей без всякой себе опасности и сопротивления. Вся трудность к одержанию победы состояла в том, чтобы ускорить взбежать в юрту, не выспустя из нее ни человека, и стать над окном с палкою или чекушею, ибо осажденным по состоянию строения юрт должно выходить тем окном по человеку, которых осаждающие и бить и взять могли в небольшом числе». (Крашенинников, стр. 492).

С XVII века после вхождения северо-восточной окраины Сибири в состав Русского государства, процесс разложения первобытнообщинных отношений здесь еще более усиливается и на основе дальнейшего роста производительных сил, индивидуализации производства общественного разделения труда и товарного обмена приводит к сложению различных соседских общин (кочевых и оседлых), первых, как назвал Карл Маркс, социальных объединений «свободных людей, не связанных кровными узами» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, изд. 1-е, стр. 644).

Процесс этот в силу необычайной устойчивости родового строя очень длителен и сложен и протекает различными, во многом еще не исследованными путями, в зависимости от конкретной окружающей исторической среды и ступени социального развития родового общества. И действительно, мы видим, что и народы Северо-Востока к соседским общинам переходили разными путями: чукчи, коряки, эвены и оленные юкагиры — от патриархальной большесемейной общины, а эскимосы, ительмены и юкагирские охотники и рыболовы — от не успевшей еще преобразоваться в патриархальную материнской родовой общины. Результат, однако, был примерно одинаковым: наряду с общинной собственностью на пастбища и охотничьи угодья утверждалась частная собственность на табуны оленей и орудия производства, укреплялась моногамная семья с мужчиной во главе. Здесь проходили такие же процессы, как и во многих других разлагающихся общинах, в частности, у индейцев Северной Америки.

Внутреннее саморазвитие и контакты с русскими привели к тому, что у малых народов Северо-Востока, в частности, у чукчей в недрах разлагающегося первобытнообщинного строя стали вызревать в конце

концов раннеклассовые отношения. Их интерпретация составляет весьма сложную проблему. И. С. Вдовин склонен определять такие отношения, как зачатки капитализма, М. И. Куликов — как «добровольное рабство». Ю. Н. Семенов же считает их в определенном смысле кабальными, и мне кажется, что его гипотеза заслуживает внимания. Напомним, что, по Ю. И. Семенову, кабала, эта нерабовладельческая и некапиталистическая форма эксплуатации, характеризуется в отличие от них органическим слиянием одновременно экономической и личной зависимости и не является вместе с тем феодальной. И. С. Вдовин, как известно, абсолютизирует (хотя и с оговорками) экономическую зависимость пастуха-работника, а М. И. Куликов — личную. На самом же деле они «слиты в единое целое, причем настолько органически, что отделить их друг от друга невозможно» (Семенов, стр. 260).

Изложенная здесь концепция развития и разложения первобытнообщинного строя и формирования классовых отношений выражает марксистскую идею развития первобытных общественных отношений в зависимости от уровня производительных сил. Она отражает открытую Карлом Марксом общую закономерность истории первобытного общества, а также особенности этого процесса на Северо-Востоке.

Естественно, что эта концепция имеет вполне определенное отношение не только к социально-экономической истории Северо-Востока, но и к проблеме периодизации первобытнообщинного строя вообще, проблеме еще далеко не разработанной, имеющей в настоящее время несколько вариантов ее предварительного решения.

Различие подходов к решению этой проблемы особенно наглядно сказалось в самом названии эпохи разложения первобытнообщинной формации, вернее сказать, в отсутствии до сих пор общепринятого названия для этой заключительной фазы развития первобытного общества.

Кладя в основу периодизации истории тот или иной, более или менее фундаментальный всеобщий признак, одни историки (С. П. Толстов, М. О. Косвен) называют ее эпохой военной демократии, другие (А. И. Першиц, Ю. В. Кнышко) — эпохой первобытной соседской общины. Есть еще и такие ученые, которые обходятся чисто археологическим (энеолит, бронза и раннее железо) или культурно-историческим (высшая ступень варварства) определениями, уходя таким образом от решения проблемы по существу.

Результаты большой дискуссии по периодизации первобытнообщинного строя, которая прошла у нас в стране в конце 50-х и начале 60-х годов, свидетельствуют о сложности и вместе с тем о необходимости дальнейшего исследования этой проблемы на основе марксизма, применительно к истории всего человечества с учетом всех местных особенностей.

Мы убедились в том, что и по отношению к истории Северо-Востока эта проблема представляется весьма трудной, осложненной отмеченным

выше своеобразием хозяйственной основы общества (преимущественно охотничьей, рыболовецкой и примитивно скотоводческой) и недостаточностью источников как археологических, так и привлекаемых для решения этой проблемы этнографических и фольклорных.

Первобытнообщинный строй прошел здесь в общем и целом через те же общие для человечества этапы: от материнского рода к отцовскому или позднему матриархату, а затем к соседской общине и в какой-то мере военной демократии и вместе с тем к зачаткам одной из раннеклассовых форм эксплуатации. Однако этот путь социального прогрессивного развития, если исходить из его отдельных характерных признаков, даже для сравнительно ограниченного региона Северо-Востока был многовариантным.

А теперь посмотрим на тот же процесс с самой общей точки зрения, с позиции максимально возможного обобщения, с точки зрения развития двух основных диалектически взаимосвязанных, как содержание и форма, сторон способа производства — производительных сил и производственных отношений, выражающихся в отношении к собственности. И мы увидим, что история прошла здесь один полный и действительно всеобщий цикл: длительный многотысячелетний эволюционный период и сравнительно короткий революционный.

Первый период характеризовался гармоническим соответствием производительных сил производственным отношениям. Общий коллективный, слабо дифференцированный труд вполне соответствовал изначально существовавшей общественной собственности, основанной на ней производственным отношениям. Говоря философским языком, форма полностью соответствовала в течение всего этого времени содержанию, что и создавало ситуацию относительно эволюционного развития.

Такое гармоническое, эволюционное состояние способа производства господствовало на Северо-Востоке от первого появления здесь охотничье-рыболовецких материнско-родовых обществ до распространения оленеводства.

Оленеводство в сочетании с морской охотой обеспечило первое великое общественное разделение труда и привело производительные силы в несоответствие с прежними производственными отношениями, основанными на общественной собственности. Форма перестала соответствовать содержанию. Создалась напряженная революционная ситуация. Наступил период разложения первобытнообщинного строя, революционный (в диалектическом понимании этого термина) по отношению к предыдущему — эволюционному. Вместе с тем это был период вызревания новых производственных антагонистических отношений, которым, однако, так и не суждено было здесь окончательно сложиться.

В других местах земного шара человечество тем временем не только прошло через эти два наиболее универсальных периода доклассового общества, но в результате дальнейшего развития производительных сил и

прогрессирующего разделения труда вступило в эру классовых конфликтов. Оно прошло еще один цикл из эволюционного (рабовладельческий строй, феодализм) и революционного (капитализм) периодов.

Читателю понятно, что на этот раз именно противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением создало длительную революционную ситуацию несоответствия старой формы новому содержанию, присущую капиталистической формации. Последняя должна рассматриваться как форма разложения классового антагонистического общества, имеющая для него в целом такое же значение, как период отцовского рода или позднего матриархата для истории первобытного общества.

К счастью для человечества, на значительной части земли народы уже преодолели упомянутое выше созданное капитализмом противоречие, политическими революциями ниспровергли капиталистический строй и создали новые социалистические производственные отношения, основанные на общественной собственности, вполне соответствующей общественному характеру производства. Эти новые производственные отношения не только вполне соответствуют современному высокому уровню развития производительных сил, но и открывают для их развития неограниченный простор.

Такова поучительная история человечества в самых общих чертах, в наиболее обобщенном философском понимании. Такова ее, на наш взгляд, единственно правильная наиболее общая марксистская периодизация. В ее основе лежит учение К. Маркса об общественно-экономических формациях, его учение о способе производства, как диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений, и последовательная материалистическая диалектика. В самом общем виде эту периодизацию можно выразить таблицей (стр. 241).

Лишь неравномерность исторического развития была причиной тому, что народности Северо-Востока прошли только первый цикл этой периодизации. Однако им повезло. Миновав ее второй цикл классово-антагонистического развития, они вступили в результате Великой Октябрьской социалистической революции в эру планового социалистического, а затем и коммунистического строительства.

По-разному складываются судьбы народов, вступивших в новейшую историю из первобытнообщинной формации. Капитализм, особенно в его последней империалистической фазе, не может поднять их до своего уровня, чем приводит их к неизбежной деградации и даже истреблению. Только претворение в жизнь учения К. Маркса и В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития ранее отсталых народов к социализму способно обеспечить и ныне уже обеспечивает им безграничный прогресс и процветание.

Само собой понятно, что новая история кладет конец тысячелетней изоляции отсталых народов северо-восточной окраины Азии.

Периодизация истории уже возникшего в результате биосоциогенеза
(Ю. И. Семенов, 1966) человеческого общества

Эра	Период	Формация	Способ производства	
			Производительные силы	Производственные отношения (основная форма собственности)
ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	эволюционный	материнский род	общий коллективный труд	общественная
	революционный	отцовский род или поздний матриархат	разделение труда	общественная
КЛАССОВОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ	эволюционный	рабовладельческий строй, феодализм	разделение труда	частная
	революционный	капитализм	общественный характер производства	частная
БЕСКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА	эволюционный	коммунизм	общественный характер производства	общественная

Первые симптомы этого перелома в развитии культурных связей относятся ко времени ранних контактов народов Севера с русским народом, с его передовыми отрядами промышленников и землепроходцев, таких, как Семен Дежнев, первооткрыватель Чукотки (в середине XVII века) или Владимир Атласов, сыгравший ту же роль несколько позднее, в конце XVII века, по отношению к Камчатке. На Чукотку и Камчатку уже при них начало проникать прогрессивное влияние русской культуры. Особенно способствовало этому установление во второй половине XVIII века регулярных торговых отношений между русскими и местным коренным населением посредством ярмарок. Они приоткрыли на Чукотку и Камчатку путь железу, тканям, многим полезным, невиданным здесь ранее товарам. Северо-Восток уже тогда постепенно начал выходить из, казалось, беспросветной своей изолированности. Однако это было все же весьма слабое влияние цивилизации, проникавшей в «заповедник каменного века» на Северо-Востоке России. Это были первые шаги сближения русского и аборигенных народов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела народности Северо-Востока из состояния многовековой изоляции, приобщила к передовой социалистической культуре.

В ЧЕМ СМЫСЛ ЭТОЙ ИСТОРИИ?

В чем же смысл этой истории, если на нее посмотреть с наиболее общей, философской точки зрения?

Еще 50 лет назад при взгляде на историю обитателей Крайнего Северо-Востока могло показаться, что, собственно, истории не было и не могло быть в этом заповеднике первобытной отсталости. Многие буржуазные историки так и утверждали, да и теперь еще многие из них пытаются удержаться на этих позициях. По их мнению, народы Севера были не способны к историческому творчеству и не имели ровно никакого отношения к историческому прогрессу.

Новые археологические данные разоблачают эти вымыслы и доказывают, что отсталость народов Чукотки и Камчатки в прошлом — явление временное и не типичное для них. Эта отсталость была присуща только весьма ограниченному периоду времени — последним двум-трем тысячелетиям, когда Северо-Восток пребывал в некоторой изоляции. Подобное временное отставание свидетельствует лишь о неравномерности исторического развития и прогресса на нашей планете, о постоянном перемещении передовых, ведущих в историческом отношении центров и областей из одной части планеты в другую. В силу этого исторического закона любая группа человечества имела свой период подъема и упадка (отставания) относительно ко всему человечеству в тот или иной период истории. Периоды относительного прогресса и отставания пережили и такие страны, как Египет, Месопотамия, Китай, Греция и даже Россия. Но даже в период временного отставания они имели свою историю и вносили свой вклад в общий прогресс. И прошлое нашего Северо-Востока — яркое тому доказательство.

Народности этой сибирской окраины, как и вообще все северные народности, внесли большой вклад в развитие культуры хотя бы тем, что именно они освоили суровый Север планеты. В эпоху верхнего палеолита, мезолита и раннего неолита племена Чукотки и Камчатки стояли в одном ряду с другими племенами земли. Именно тогда здесь проходил великий путь переселения людей из Азии в Америку. Развитие производительных сил, положительных знаний, искусства, уровень абстракт-

ного мышления и мировоззрения, общий уровень познания мира был здесь примерно таким же, как и в других местах.

Замечательные слова одного эскимоса: «Мудрость рождается в великом уединении и в преодолении трудностей», — как нельзя более относятся в целом к северным народам. Брошенные судьбой на край ледяной пустыни, они внесли свой бесценный вклад в великий процесс познания мира. Они создали изумительное изобразительное искусство. Вспомним хотя бы чукотско-эскимосскую художественную резьбу по моржовому клыку и пегтымельские петроглифы. У них развилось сложное устное народное творчество, богатое образами и глубокими идеями мировоззренческого и космогонического характера.

У этого самоотверженного отряда человечества, принявшего на себя самые жестокие удары природы, оказалась поразительная сила духа и развились замечательные человеческие моральные качества: смелость, честность, любовь и дружеская взаимопомощь. Таким образом, народы Северо-Востока не остались в стороне от общечеловеческого исторического процесса. И хотя развитие техники и общественного строя у обитателей Чукотки и Камчатки с некоторых пор в прошлом стали отставать, в морально-этическом отношении северные племена никогда не отставали от других народов.

ЛИТЕРАТУРА

Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XI, 1949.

Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири. «Труды Института этнографии», нов. сер., т. XXXV, М.—Л., 1957.

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Новые находки в древнеберингоморском могильнике. «Советская этнография», 1961, № 6.

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древнеэскимосские могильники на Чукотке. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 3, Магадан, 1962.

Белов М. А. Семен Дежнев. М., 1955.

Беляева А. В. Русские на Крайнем Севере. Магадан, 1955.

Беляева А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье. Сб. ст. по истории Дальнего Востока. М., 1958.

Береговая Н. А. Древнейшие культуры Аляски и вопрос о заселении Америки. «Советская этнография», 1948, № 4.

Береговая Н. А. Из древнейшей истории Арктики (раскопки в Ипиутаке). «Летопись Севера», 1949, № 11.

Береговая Н. А. О путях и следах заселения человеком территории Аляски. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1950, № 115.

Береговая Н. А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса (раскопки Колымской экспедиции 1946 г.). «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 39, 1953.

Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом (Медвежьи острова к северу от устья Колымы). «Советская археология», XX, 1954.

Береговая Н. А. Находки доэскимосских поселений на Аляске и в прилегающих областях по работам 1945—1954 гг. «Советская этнография», 1957, № 2.

Береговая Н. А. Археологические находки на острове Шалаурова. Труды Дальневосточной археологической экспедиции, т. 1. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 8, М.—Л., 1960.

Богораз В. Г. Чукчи. ч. I, Л., 1934; ч. II, Л., 1939.

Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе Богоразом. Изд-во АН СПб, 1900.

Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на Северо-Востоке Азии (юкагиры и коряки). «Советская этнография», 1935, № 4—5.

Борисов П. М. Опыт реконструкции ледяного покрова Полярного бассейна в позднее и послеледниковое время. В кн. «Кайнозойская история Полярного бассейна и ее влияние на развитие ландшафтов северных территорий», Л., 1968.

Васильевский Р. С. Древняя корякская культура (по археологическим раскопкам на Охотском побережье). Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Васильевский Р. С. Находка металла в поселении Атарган на Охотском побережье. «Археология и этнография Дальнего Востока», вып. I, Новосибирск, 1964.

Васильевский Р. С. К истории древних культур Охотского побережья (по археологическим материалам коллекции М. Г. Левина с острова Завьялова). «Советская этнография», 1965, № 1.

Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1950, № 115.

Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. «Сибирский этнографический сборник», III, 1961.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.

Виноградов А. П., Девиртс, Добкина, Маркова и Мартищенко. Определение абсолютного возраста при помощи пропорционального счетчика, М., 1961.

Врангель Ф. И. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитого моря, совершенное в 1820, 1821, 1823 и 1824 гг., М., 1948. Всемирная история, т. I, М., 1956.

Гохман И. И. Древний череп с Чукотки. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, Магадан, 1961.

Гурвич И. С. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», V, «Труды Института этнографии»; нов. сер., т. 84, М., 1963.

Гурвич И. С. Этнические изменения на Северо-Востоке Сибири за последние три столетия. VII междунар. конгресс антропол. и этногр. наук, М., 1964.

Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. Изд-во «Наука», М., 1966.

Гурвич И. С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии. В сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». Изд. «Наука», М., 1968.

Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки. «Труды Института этнографии», нов. сер., т. XVI, М., 1951-а.

Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Труды Северо-Восточной экспедиции, «Труды Института этнографии», т. XVII, М., 1951-б.

Дебец Г. Ф. Антропология Сибири и проблема заселения Америки. Тезисы докладов и сообщений научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960.

Деревянко А. П. Новопетровская культура (культура пластин) на Среднем Амуре. «Советская археология», 1965, № 3.

Диков Н. Н. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958-а.

Диков Н. Н. Где и как искать археологические памятники на Чукотке. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958-б.

Диков Н. Н. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. Магадан, 1960.

Диков Н. Н. Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, Магадан, 1961-а.

Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника, по данным 1958 года. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, Магадан, 1961-б.

Диков Н. Н. Первые археологические исследования на острове Айон. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, Магадан, 1961-в.

Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. Сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 8, Магадан, 1964.

Диков Н. Н. Новые данные по археологии Северо-Востока Сибири. VII Международный конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964.

Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке. Мат. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докл.), Баку, 1965.

Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. Сб. «История и культура народов Севера Дальнего Востока». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 17, М., изд-во «Наука», 1967.

Диков Н. Н. Уэленский могильник, по данным раскопок 1956, 1958 и 1963 гг. В сб. «История и культура народов Севера Дальнего Востока». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 17, М., 1967.

Диков Н. Н. Археологическое изучение Северо-Востока в советское время. В сб. «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 31, Магадан, 1967.

Диков Н. Н. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки. В сб. «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР», Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 31, Магадан, 1967.

Диков Н. Н. Открытие петроглифов на Чукотке. В сб. «Археологические открытия 1967 года», изд-во «Наука», М., 1968-а.

Диков Н. Н. Об охране памятников древней культуры на территории Магаданской области. «Краеведческие записки», вып. 7, Магадан, 1968-б.

Дикова Т. М. Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки. Сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 8, Магадан, 1964.

Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии. «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. IV, 1938.

Козырева Р. В. Древний Сахалин. Изд-во «Наука», Л., 1967.

Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке, изв. РГО, т. LXII, вып. 3 и 4, 1930.

- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, т. II, СПб, 1755.
- Куликов М. И. Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысчылын» (богатых). (Конец XIX — начало XX вв.). Краеведческие записки; вып. 1, Магадан, 1957.
- Куликов М. И. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX вв. Сб. ст. по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Куликов М. И., Крюк В. А. От патриархально-общинного строя к социализму. «История СССР», вып. 2, 1962.
- Лавров И. П. К вопросу о загадочном «крылатом предмете». «Записки краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958.
- Ларичева И. П. Древнейшие памятники культуры Северной Америки. «Сибирский археологический сборник», вып. 2, Новосибирск, 1966.
- Лебединская Г. В. Процесс восстановления головы по черепу из Усть-Бельского могильника. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2, Магадан, 1961.
- Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки. «Советская этнография», 1935, № 4, 5.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958-а.
- Левин М. Г. Древнеберингоморский могильник в Уэлене (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.). «Советская этнография», 1960, № 1.
- Левин М. Г., Сергеев Д. А. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику «Советская этнография», 1960, № 3.
- Левин М. Г. Об антропологических материалах из древне-эскимосских могильников. «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 3, Магадан, 1962.
- Левочкин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях реки Якитикивеема. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XXXI, 1950.
- Марков С. Н. Известия о севере арабских географов XIV века. «Летопись Севера», 1949, № 1.
- Марков С. Н. Находка древних монет на Камчатке. «Летопись Севера», 1949, № 1.
- Меновщиков Г. А. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959.
- Меновщиков Г. А. О пережитках явлений родовой организации у азиатских эскимосов. «Советская этнография», 1962, № 6.
- Мечтанова К. В., Махоркин И. Ф., Бахметьев Б. С. Путеводитель по историческим местам Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1961.
- Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Мочанов Ю. А. Палеолит Алдана (предварительное сообщение). Сб. научных статей, вып. IV, Якутск, 1966.
- Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега». Изд. ГУСМП, часть II, Л., 1936.
- Окладников А. П. К археологическому изучению советской Арктики. «Проблемы Арктики», 1945, № 2.

Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии, по данным археологических исследований 1946 г., в Колымском крае. «Вестник древней истории», 1947, № 1(19).

Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XXXI, 1950-а.

Окладников А. П. Раскопки на Севере. Сб. «По следам древних культур», М., 1951.

Окладников А. П. Народы Северо-Востока Сибири. Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв., М., 1953-а.

Окладников А. П. Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 157, 1953-б.

Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова. «Известия Всесоюзного географического общества», 1953-в, № 4.

Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.—Л., 1955.

Окладников А. П., Нарышкин В. В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове. «Советская этнография», 1955, № 1.

Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытхын). «Советская археология», 1957, № 2.

Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине реки Майна (по работам 1957 г.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86, М.—Л., 1960.

Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 г.). «Четвертичный период Сибири», М., изд-во «Наука», 1966.

Орлова Е. П. Археологические находки на Камчатке. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 21, 1947.

Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. Изд. «Высшая школа». М., 1968.

Пийп Б. И. Новое эруптивное состояние вулкана Шивелуч с конца 1944 по май 1945 г. и некоторые замечания о геологической структуре этого вулкана и его прошлых извержениях. «Бюллетень вулканологической станции на Камчатке», № 14, М.—Л., 1948.

Попов М. И. Об орудиях каменного века на Севере и Востоке Сибири. «Известия Восточно-Сибирского Русского географического общества», т. IV, № 1—2, Иркутск, 1878.

Решетов Ю. Г. Природа земли и происхождение человека, М., 1966.

Руденко С. И. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. «Труды Института этнографии», нов. сер. 11, 1947.

Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1958-а.

Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки. «Советская этнография», 1948, № 1.

Сакс В. Н. Климаты прошлого на Севере СССР. «Природа», 1947, № 12.

Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной Сибири. Ч. 2, СПб, 1802, второе изд., М., 1952.

Саяпин А. К., Диков Н. Н. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгыгытгын). «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958.

Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930.

Семенов Ю. И. Как возникло человеческое общество. Изд-во «Наука». М., 1966.

Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. В сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», изд-во, «Наука», М., 1968.

Симченко Ю. Б. Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии. УИ МКАЭН, М., 1964.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. 1, СПб, 1900.

Тюшев В. Н. По западному берегу Камчатки. Зап. ИРГО, т. XXXVII, № 2, СПб, 1906.

Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине). М., изд-во «Наука», 1964.

Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. VII Межд. конгресс антроп. и этногр. наук. М., изд-во «Наука», 1964.

Честер С., Чард. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана. «Советская этнография», 1962, № 5.

Чижев О. П. Изменения ледового покрова Арктического бассейна с позднего плейстоцена. В кн. «Кайнозойская история Полярного бассейна и ее влияние на развитие ландшафтов северных территорий». Л., 1948.

Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. Сб. «История и культура народов Севера Дальнего Востока». Труды СВКНИИ СО АН СССР, вып. 17, М., изд-во «Наука», 1967.

Befu H. and Chard C. Pre-ceramic Cultures in Japan.—«American anthropologist», vol. 62, no. 5, October, 1960.

Butler R. B. The Old Cordilleran Culture in the Pacific Northwest.—«Occasional Papers in the Idaho State College Museum», N 5, Pocatello, 1961.

Chard C. S. The Kamchadal a synthetic sketch. «Kroeber anthropological Society Papers». N 8—9, Berkeley, 1953.

Chard C. S. An Early Pottery Site in the Chukchi Peninsula. American Antiquity, vol. 20, no. 3, 1955.

Chard C. S. Additional Materials from Lake Elgytkhyn Chukchi Peninsula. Anthropological Papers of the University of Alaska, vol. no. 1, Alaska, 1960.

- Chard C. S. Routes to Bering strait.—«American Antiquity», vol. 26, N 2, 1960.
- Chard C. S. First Radiocarbon Dates from the U.S.S.R. «Arctic Anthropology», no. 1, 1962.
- Chard C. S. Reconstructing Human Ecology and Population History in Prehistoric Northeast Asia. University of Wisconsin. 1967.
- Collins Henry B. Jr. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. Smithsonian Misc. Coll., 96(17), 1937.
- Collins Henry B. Jr. Outline of Eskimo Prehistory. Smithsonian Misc. Coll., 100, 1940.
- Debetz G. F. Problems of Physical anthropology in Arctic Regions. Kobenhavn.
- Devis E., Mott Jr. Archaeology of Northeastern Asia. «Papers of the Excavators Club», vol. I, N 1, 1940. (Cambridge).
- Dikov N. N. Archaeological Materials from the Chukchi Peninsula. American Antiquity. vol. 28, N 4. April, 1963.
- Ford James A. Eskimo Prehistory in the Vicinity of Point Barrow, Alaska, N—Y, 1959.
- Giddings J. L. The archaeology of Bering Strait. Current Anthropology, vol. 2, 1960.
- Giddings J. L. Cultural continuities of Eskimos. «American antiquity», vol. 27, N 2, 1961.
- Giddings J. L. Jr. The Denbigh flint complex. American antiquity, vol. 16, N 3.
- Giddings J. L. The archaeology of cape Denbigh. Brown university press. Providence, Rhode Island. 1964.
- Giddings J. L. Ancient men of the Arctic. New York, 1967.
- Gutorm Gjessing. Circumpolar Stone age. «Acta Arctica». Kobenhavn, 1944, fasc. II.
- Irving W. N. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stone industries.—«Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». Arctic institute of North America Technical Paper, N 11, 1962.
- Jochelson W. J. The Korjak. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., vol. 10, 1905—1908.
- Jochelson W. J. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Carnegie Institution of Washington. Publication no. 367. Washington, 1925.
- Jochelson W. J. Archaeological Investigations in Kamchatka. Carnegie Institution of Washington. Publication no. 388. Washington, 1928.
- Krader L. Neolithic Find in the Chukchi Peninsula. American Antiquity, vol. 17, no. 3, 1952.
- Larsen N. and Rainey F. Ipiutak and Arctic Whale Hunting Culture. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. 42. New. Gorv, 1948.
- Laughlin W. L. and Marsh G. H. The lamelar flake manufacturing site on Anangula island in Aleutins, «American Antiquity», vol. XX, N 1, 1954, pp. 27—39.
- Laughlin W. L. Eskimos and Aleuts. Their origins and evolution.—«Science», vol. 142, No 3513, 1963.

Leroi Gouran. Archeologie du Pacifique Nord. Paris. 1946.

McKenna R. A. and Cook J. P. Prehistory of Healy Lake, Alaska. VIII th. International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Tokyo — Kyoto, Japan, September 3—10, 1968.

McNeish R. S. The Engigstiak site on the Yukon Arctic coast. Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 4, N 2, 1956.

McNeish R. S. Investigations in Southwest Yukon. Papers of the Robert S. Peabody Foundation for archaeology, vol. 6, N 2, Phillips Academy, Andover, Massachusetts, 1964.

Morlan R. The preceramic period of Hokkaido an outline.— «Arctic anthropology», vol. IV, N 1, 1967.

Murdoch I. Ethnological results of the Point Barrow expedition. 9 — th Ann. Rep. Bur. Amer. Ethnol. N. 1892.

Nakayama E. Neolithic Remains from Eastern coast of Kamchatka Peninsula. Journ. Anthropology. Soc. of Tokyo, vol. XLIX, 10(564), October, 1934.

Nakayama E. Excavation of the Pit Dwelling Sites at Ust-Kamchatsk on the Eastern coast of the Kamchatka Peninsula. Journ. Anthropology Soc. of Tokyo, vol. XLVIII, 2(544), February, 1933.

Nelson N. C. Notes on Cultural Relations Asia and America. American Antiquity, vol. 2, 1937.

Nippono kokogaku. Vol. 1, «Sendoki jidai». Henshusha Sugihara Sosuke. Hakkocho «Kawade Shobo». Tokyo, 1965.

Okladnikov A. P. Archaeology of the Soviet Arctic. Acta Arctica, fasc. XII. The circumpolar conference in Copenhagen, 1958, Kobenhavn, 1960.

Okladnikov A. P. and Nekrasov J. A. New Traces of an inland Neolithic Culture in Chukotsk (Chukchi Peninsula). «American Antiquity», vol. 25, no. 2, 1959.

Oswalt W. H. Asian and Alaskan pottery relationships. South-Western Journal of Anthropology. Vol. 4, 1953.

Oswalt W. H. Northeast Asian and Alaskan Pottery Relationships. «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 9, N 4, 1953.

Rainey F. G. Eskimo Prehistory, the Okvik Site on the Punuk Island. Anthropolog. Papers Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. 37, pt. IV, 1941.

Rainey F. G. Discovering Alaska's Oldest Arctic Town. The National Geographic Magazine, Sept., 1942.

Rainey F. G. and Elizabeth Ralph. Radiocarbon Dating in the Arctic. «American Antiquity», vol. XXXIV, no. 4, 1959.

Rasmussen K. Tasks for Future Research in Eskimo Culture, Problems of Polar Research. «American Geographical Society». Special Publication No. 7, edited by W. L. Gyoerg. New-York, 1928.

Serizawa Chosuke and Ikawa Fumiko. The oldest Archaeological Materials from Japan.— «Asian perspectives», vol. 11. N 2, Hong Kong, 1960, fig. 8.

Sugihara Sosuke. Similarity and Difference between the prehistoric cultures of Japan and Alaska. VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Tokyo — Kyoto, Japan, September 3—10, 1968.

Sugihara S. and Tosawa M. Pre-ceramic age in Japan.— «Acta asiatica». Tokyo, 1960.

Shnell J. Prehistoric Finds from the Island World of the Far East. The Museum of Far Eastern Antiquities (Ostasiatiska samlingarna). Bull. 4, Stockholm, 1932.

Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt, 1774.

Tatsuo Sato. Stone Implements from Nobeyama, Nagano Prefecture. «Kokogaku zasshi» (Journal of the Archaeological Society of Nippon), vol. 44, N 3, pp. 54—57, feb. 1959. Tokyo.

Theillard de Chardin. On the Presumable Existence of a World-wide Subarctic sheet of Human Culture at dawn of the Neolithic. Bull. of the geological Society of China, vol. XIX, N 3. 1939.

Tolstov Paul. The archaeology of the Lena Basin and its New World relationships. Part I, II. American Antiquity, 1958, XXIII, N 4.

Wasson V. P., Wasson R. G. Mushrooms Russia and History. Vol. I, N. 1., 1957.

SUMMARY

ANCIENT CAMPFIRES OF KAMCHATKA AND CHUKOTKA (15 THOUSAND YEARS OF HISTORY) by N. N. DIKOV

Acad. Sci. USSR, Siberian Branch,
North-Eastern Research Institute.

This is a book about the author's archaeological investigations of Chukotka and Kamchatka in 1956—1968. It tells us how and where the ancient sites, grave mounds, and petroglyphs were found and excavated, of the main and most remarkable monuments of the far-off days: multi-layer paleolithic and neolithic site of Ushky in Kamchatka, Ust-Bielaja neolithic gravemound, ancient eskimo cemeteries (in Chini, Enmyntyn, Uelen, Chegitun etc.) in Chukotka, neolithic sites near Petropavlovsk-in-Kamchatka, and along the rivers Kamchatka, Anadyr, Amguema, Penzhina. It also speaks about more recent monuments of remnant neolithic culture of eskimoes, yukagirs, koriaks, itelmens and ainu, and of wonderful petroglyphs carved on the coastal rocks on the river Pegtymel in transpolar Chukotka.

Main stages of primitive history of Kamchatka and Chukotka beginning with upper paleolith (14300 ± 200 , 13600 ± 250 years) and down the early XVII—th century are given in popular presentation; cultural relations between the ancient population of this territory and other countries—Japan and North America in particular—are traced in the book.

The author's travel diaries are partly included in the narration, and the reader is introduced to the basic problems of the history of North-Eastern Siberia and the author's hypotheses in this field.

Содержание

От автора	4
Пролог	6
ПО СЛЕДАМ ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ЧУКОТКИ	
К древним становищам по Анадырю	7
Разведка по Амгуэме	24
По Анадырю и Майну в 1958 году	30
Загадочное захоронение черепов. К древнему становищу на Чировом озере. Удивительная находка в Усть-Бельском кургане	45
Поездка на Амгуэму и Анадырь в 1963 году	61
Истоки неолитической культуры на Чукотке	64
Археологическую датировку подтверждают физики	66
Не бродячий образ жизни, а оседлость	67
Чьи предки охотники и рыболовы II—I тысячелетий до н. э.?	69
Бронзовый век — новая глава истории Чукотки	69
СКВОЗЬ ТОЛЩУ ВЕКОВ К ПАЛЕОЛИТУ КАМЧАТКИ	
Что было известно о древностях Камчатки	73
Раскопки возле Петропавловска-Камчатского	75
По реке Камчатке в 1961 и 1962 годах. Раскопки Никульского городища. Другие древнеителъменские острожки. Поиски погребений	76
Вулканические пеплы и их значение для археологии. Ошибочная датировка пеплов вулкана Шивелуч Б. И. Пийпом	89
Моя гипотеза подтверждается: мы находим подлинно неолитические стоянки с ножевидными пластинками	92
Разведка по реке Пенжине в 1962 году	96
На Командорских островах	98
По ступеням тысячелетий к палеолиту Ушковского озера. Палеолитические жилища и погребение	102
Проблема заселения Америки	112
В Америку через Камчатку. Мост в Новый Свет	113
Начало вековой изоляции Северо-Востока. Как Америка была «закрыта»	117
ПО МОРСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ЧУКОТКИ — К ПРЕДКАМ ЭСКИМОСОВ И БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ	
Сенлун мстит археологам	121
Раскопки Уэленского могильника	125
От мыса Шмидта — к Ванкарему	131
Вверх по реке Ванкарем. Этнографические исследования в Ванкареме	135
Опять к Уэленскому могильнику	146

Открытие континентальной доэскимосской культуры на острове Айон	153
Гипотеза о северных истоках эскимосской культуры	155

СНОВА К ПРЕДКАМ ЭСКИМОСОВ

На вельботе вокруг Чукотского полуострова в 1963 году	159
Лорино, Яндогай. Древние косторезные изделия	159
Мыс Чини	161
Первый Энмынытнынский могильник	163
Второй Энмынытнынский могильник	167
Третий Энмынытнынский могильник	168
Памятник Семену Дежневу	169
Последний раз на Уэленском кладбище. Снова биринирское погребение. Некоторые размышления	170
Инчоун. Загадка «крылатых предметов»	173
Чегитунские древнеэскимосские могильники	175
Древности Сешана	179
К мысу Сердце-Камень. Иколиврунвеемский могильник. Кенишхун	181
Остров Идлidla. Нешкан	183
Мыс Дженретлен	186
Древние землянки на косе Беляка. Нутепельмен. Как мы встретили день археолога. Разведка Колючинской губы. Анаян. В ледовой блокаде	187
Остров Колючин. Путь к Ванкарему	188
Исследование древнеэскимосских могильников на мысе Чини и у горы Энмынытнын в 1965 году	191
Эскимосская проблема в свете новых данных	206

И ОЖИВАЕТ ЗАБЫТОЕ

Репортаж с Пегтымельской скалы. Самые северные петроглифы рассказывают о жизни первобытных охотников	214
Открытие нового местонахождения петроглифов	225
Пережиточный неолит. Предки айонов, ительменов, коряков, юкагиров	229
Усть-Бельский памятник древней юкагирской культуры	232
Распространение оленеводства и кочевого быта	233
Разложение первобытнообщинного строя и периодизация истории. Конец вековой изоляции	234

В ЧЕМ СМЫСЛ ЭТОЙ ИСТОРИИ?	242
-------------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	244
----------------------	-----

Summary	253
-------------------	-----

Диков Н. Н.

Д 45 Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. Магадан, Кн. изд., 1969.
256 с. с илл.; 1 л. портр. Библиогр.: с. 245—252. 15 000 экз. 84 к.

В книге рассказывается об археологических исследованиях автора на Чукотке и Камчатке в 1956—1968 годах, о том, как и где проводились поиски и раскопки древних стоянок, могильников и наскальных рисунков, об основных наиболее интересных памятниках: многослойной палеолитической и неолитической стоянке Ушки на Камчатке, Усть-Бельском неолитическом могильнике и древнеэскимосских кладбищах (в Чини, Эммы-нытныне, Уэлене, Чегитуне и др.) на Чукотке, о неолитических стоянках возле Петропавловска-Камчатского и до рекам Камчатке, Анадырю, Амгуэме, Пенжине, о более поздних эскимосских, юкагирских, коряжских, ительменских и айских памятниках пережиточного неолита, а также о замечательных петроглифах на прибрежных скалах реки Петтымели в заполярной Чукотке.

902.6

ДИКОВ
Николай Николаевич

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДРЕВНИЕ КОСТРЫ
КАМЧАТКИ И ЧУКОТКИ

15 тысяч лет истории

Редактор Л. И. Юрченко. Художественный редактор Д. Д. Вла-
сенько. Технический редактор В. В. Плоская. Корректор М. Л. Ли-
сичкина. Сдано в набор 30/IV 1969 г. Подписано к печати 8/IX 1969 г.
АХ—01484. Формат 70×90/16. Объем 16 физ. п. л., 18,72 усл. п. л.,
19,86 уч.-изд. л. Заказ 3695. Тираж 15 000. Цена 84 к. Бум. тип. № 1.
Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетар-
ская, 15. Магаданская областная типография Управления по
печати, пл. Горького, 9.